

common place

(В Я Т ъ Г О Р

Поэтика
Биокосмизм
(А)теология

Москва, 2017

УДК 141.339(091)(47+57)

ББК 87.3(2)53-688

С 24

С 24 Святогор
Поэтика. Биокосмизм. (А)теология / составление,
подготовка текста и примечания Е. Кучинова. —
М.: Common place, 2017. — 280 с.

Александр Святогор (Агиенко Александр Федорович, 1886–1937) — поэт-вулканист, идеолог анархизма-биокосмизма и теолог Свободной Трудовой Церкви. Среди теоретиков и литераторов десятых и двадцатых годов было немало эксцентриков, визионеров и радикалов, однако Святогор выделяется даже на их фоне. Сложно представить себе более причудливую смесь взглядов: поэт-авангардист и анархист, выступавший за создание новой церкви, которая приведет человечество к личному бессмертию. Сборник текстов этого забытого автора включает в себя его «стихеты», заметки о поэтике из газеты «Анархия», программные тексты анархизма-биокосмизма и теологические статьи из журнала «Камо грядеши?», печатного органа Свободной Трудовой Церкви.

Публикуется под лицензией Creative Commons
Разрешается любое некоммерческое
воспроизведение со ссылкой на источник

ISBN 978-999999-0-40-0



Содержание

Е. Кучинов. Предисловие. 10

А. Поэтика

I. Стихеты о вертикали (1914)

Предстихетье	20
Gallus	22
Ego	25
Tu	32
Natura	37

II. Петух Революции (1917)

Да здравствует вулканизм!	42
Восход	44
Чаемая даль	44
Довольно!	45
В гроб!	45
Дорогу!	46
Долой Канта!	47
О, море Революции!	48
Плакаты Революции	49
И я!	51
Совершилось	51
Колыбель	52
Обжора	52
Считайте бесконечностью	53
Новорожденное	53
Вулканизм	54

III. Статьи из газеты «Анархия» (1918)

Динамизм в живописи	60
Ближайшие задачи вулканизма	63
Вулканизм и рифма	64
Темпоризм	67
Вулканреволюция	69
Вулкан-язык	70
Еще вулкан-язык	73
Вулкан-идея	76
Довулканый человек	78
Утописты	80

В. Биокосмизм

I. Из сборника «Биокосмизм (Материалы № 1)» (1921)

Биокосмическая поэтика (Пролог и градус первый)	86
---	----

II. Статьи из журнала «БИОкосмист» (1922)

№ 1

Декларативная резолюция	96
Из нашей летописи	99
Наши утверждения	103
О тактике	108
Луна	111

№ 2

Радость играющего зверя	115
АЛЬДОНСА	118
Голод и биокосмизм	120
В какую дудку?	126
К вопросу о космической технике	127

№ 3-4	
«Доктрина отцов» и анархизм-биокосмизм	131
Три штиля.	151
III. Из сборника «Биокосмизм (Материалы № 3)» (1922)	
Биокосмический интериндивидуализм	158

С. (А)теология

I. Программные тексты Свободной Трудовой Церкви, опубликованные в Известиях ВЦИК (1922-1923)	
Программа СТЦ	164
Дополнение к Программе (О храме)	166
Бездельная вера и реальное дело	169
Последствия голода.	170
II. Архивные материалы (1923)	
Программа СТЦ	172
III. Статьи из журнала «Камо Грядеши?» (1924)	
О задачах и целях Свободной Трудовой Церкви	179
Священный Круговорот Тысячелетий	183
IV. Союз (воинствующих) безбожников (фрагменты текстов А.Ф. Агиенко)	
Антирелигиозные вечера в клубе	191
Работа с отпускниками	192
Антирелигиозные прогулки и гуляния.	194

Массовая антирелигиозная работа в связи с социалистическим соревнованием	195
За лучшую подготовку учебы	196
Солнечное затмение 19 июня 1936 г.	197

Приложения

Статьи из журнала «БИОкосмист»

№ 1

На пути к биокосмизму (Э. Грозин)	204
Движения биокосмизма (В. Анист)	207
Личная критика (Н. Дегтярев)	210

№ 2

Об искусственном вызывании дождя (П. Иваницкий)	211
ПОБЕДИТЕЛИ (Н. Дегтярев)	216
*** (Н. Дегтярев)	217
Обозная (В. Анист)	217

№ 3—4

От Секретариата К. Р. и М. А.-Б..	219
Орех, недоумение и камни (П. Лидин)	221

Статьи из журнала «Камо Грядеши?»

Осанна — Воскрешающе-Грядущему! (Редакторская коллегия)	224
Вместо проповеди (Ника)	226
Тезисы к докладу «Кризис религии» (Николаевич)	229
Идущим (Н. Дегтярев)	231
Утро революционного критика (Н. Дегтярев)	232
Хроника (С.)	232
Деятельность Свободной Трудовой Церкви (Ф. Жилкин)	238

Е. Кучинов. Фрагменты анархо-биокосмистов. 242

Е. Кучинов

Предисловие

Что нам известно о Святогоре?

Совсем немного, и большая часть этих сведений не точна. Известно, что Александр Федорович Агиенко (личина № 1) родился в конце 1880-х годов в семье священника Харьковской губернии; учился в семинарии, где увлекся анархизмом; участвовал в работе подпольного кружка, в агитационной работе и экспроприациях, за что неоднократно оказывался в тюрьме.

В 1900-е годы появляется Святогор (личина № 2). Его рождение ознаменовано выходом в 1909 году сборника стихов «Взмахи» (его, как и некоторые другие тексты Святогора, нам пока не удалось отыскать). В 1914 году увидел свет сборник «Стихеты о вертикали». Он включил в себя юношеские произведения Святогора, а также совершенно отличное от них по стилю «Предстихетье», возвещающее «новый мировзгляд» (сборник в полном объеме включен в настоящее издание).

После Февральской революции 1917 года выходит святогорский «Петух Революции» — уже целиком «вулканический» сборник стихов (см. ниже). Его автор тем временем

становится одним из командиров Черной гвардии, проводит экспроприации буржуазных квартир и позже принимает активное участие в событиях Октября.

В 1918 году Святогор сотрудничает с газетой «Анархия». Здесь — наряду с яростными статьями о разгроме большевиками Московской федерации анархистских групп, о расстрелах безоружных и о разоружении Черной гвардии, наряду с призывами «К оружию!» — в разделе «Творчество» публикуются его заметки о «вулканизме» (все они включены в данное издание). Тексты Малевича, Родченко, Гастева нередко соседствуют со святогорскими. Гибель десятков анархистов, захваты и обыски анархистских штабов, артиллерийские выстрелы, сопровождавшие эти погромы, — все это почти не получило отражения в святогорских текстах. Но в них разворачивается художественная критика большевиков слева, выдвигающая тезис о том, что «октябрь еще впереди».

В 1919 году Святогор покидает Москву и уезжает в Украину, где ведет подпольную борьбу с австро-немецкими оккупантами. По всей видимости, в это время он переосмысляет складывающееся в анархистском движении положение дел и постепенно приходит к идее биокосмизма.

Вернувшись в Россию в 1920-е годы, Святогор примыкает к анархистам-универсалистам, во главе которых стояли Братья Гордины, и сначала создает в рамках «универсализма» клуб «Креаторий биокосмистов», а после скорого распада как Всероссийской, так и Московской секций анархистов-универсалистов заявляет о появлении «Креатория Российских и Московских анархистов-биокосмистов». Эта новая организация, по замыслу ее создателей, должна была предложить объединяющую программу анархизма и «положить конец неясности и колебаниям». Ее историю можно проследить по включенным в настоящее издание текстам из сборников «Биокосмизм (Материалы)» и журнала «БИОкосмист». К слову, тексты нашего героя подписываются там и Святогором, и А. Агиенко. Очень скоро Креаторий распадается на московскую группу анархистов-биокосмистов, возглавляемую Святогором, и петроградскую

группу биокосмистов-иммортиалистов, возглавляемую Александром Ярославским. Вскоре перестают существовать и эти группы, а также происходит своеобразный «внутренний распад» некоторых их членов, в результате которого возникают новые их личины.

Так, уже в конце 1922 года Святогор становится во главе группы Свободная Трудовая Церковь (СТЦ). Сообщения о деятельности СТЦ появляются в том же году на страницах «Известий ВЦИК». Эти сообщения перемежаются заметками о борьбе с голодом и о необходимости изъятия для этой борьбы богатств Русской православной церкви, которой противопоставляется множество «обновленческих» движений, в том числе и СТЦ (материалы из «Известий ВЦИК» вошли в настоящий сборник).

Снискав славу странного и подозрительного движения, привлекавшего к себе «разный сброд», проводившего митинги «самого базарного уровня» и пользовавшегося у верующих авторитетом «весьма слабым», СТЦ просуществовала примерно до 1925 года. В 1924 году выходит первый и единственный номер журнала «Камо Грядеши?», где наш герой выступает уже под именем Пересвета-Пересветова (личина № 3) с несколькими статьями крайне двусмысленного теологического содержания. С одной стороны, они составляют рифму ранним предложениям Святогора «считать тысячелетиями, как это делал Бог», с другой — написаны уже в новом для него «святоотеческом» стиле (все статьи из «Камо Грядеши?» представлены в данном издании). Пересвет-Пересветов берется за одну из ключевых философских и богословских тем XX века, тему повторения, однако едва ли справляется с ней, по крайней мере, его подход трудно назвать изобретательным.

Так или иначе, после распада СТЦ на сцене снова появляется А.Ф. Агиенко, но уже в совершенно ином амплуа — в роли марксиста-лениниста и «воинствующего безбожника» (личина № 4). Выдержки из его статей, опубликованных в научно-методологическом журнале «Антирелигиозник», мы приводим в настоящем издании. В 1936 году на страницах этого

журнала печатается статья Агиенко о солнечном затмении, в которой между строк мерцают предшествующие личины нашего героя — вулканиста, интерпланетариста, биокосмиста — но сдержанно, тускло, едва уловимо.

Судя по всему, в следующем, 1937 году Агиенко был осужден на несколько лет лагерей (материалы дела нам не удалось изучить). Здесь его биография обрывается.

Итак, «Святогор» — это не один человек, это толпа.

Что делать со Святогором, с его историей, с его текстами?

Ответ на этот вопрос осложняется тем, что, как правило, история анархистского движения 1910—1920-х годов рассматривается как история бессилия, ему инкриминируют «отрванность от политических реалий», неспособность создать единую централизованную организацию, которая могла бы конкурировать с РКП(б), мечтательство, сумасбродство и resentment. Кроме того, биография самого Святогора, стремительно менявшего личины (от анархизма к обновленчеству и затем к «воинствующему атеизму»), крайне двусмысленна. Другая сложность связана с его текстами. Многие современники Святогора не видели в них ничего кроме смехотворного «брета сивой кобылы»; эти тексты крикливы и «аляповаты»; их нельзя, при всем желании, причислить к «жемчужинам русской поэзии/философии». Как их читать? И — стоит ли?

Преодолеть эти сложности можно путем их признания и «работы над ошибками». Сам по себе этот путь небесплозен, однако еще важнее поставить под вопрос сами условия подобных осложнений. Не получается ли так, что, требуя от анархистов «взять власть», создать единую централизованную организацию и разработать «великую теорию», мы предъявляем к ним требования, совершенно чуждые самому духу анархизма? Не была ли эта «неспособность» анархистов создать аналог РКП(б), это неудержимое рассеивание и распыление анархизма опытом самой анархии, опытом «грядущего сообщества» (без центра, без единства, без истока)? Не является ли биография Святогора, которого по праву можно назвать

политическим «проходимцем»¹, маршрутом ускользания от диктатуры — и опытом становления невидимым? Не предлагает ли нам Святогор опыт окончательного отказа от «святоотеческого» чтения, в котором «святость жизни» автора имеет решающее значение, тогда как «грехи» бросают на тексты несмысливаемую тень подозрения? И не требуют ли эти тексты совершенно иной модели чтения (например, аналогичной той, какую предложил в свое время Фрейд в отношении бреда невротика)?

В конце книги мы предлагаем свою собственную попытку ответа на вопрос «что нам делать со Святогором?» (эссе «Фрагменты анархо-биокосмистов»). В формате предисловия мы лишь предложим читателю один из возможных инструментов для чтения святогорских текстов — назовем его «продуктивной фабуляцией».

Гипотеза состоит в том, что Святогор (а также биокосмизм в целом, анархизм-универсализм, интериндивидуализм, всеизобретательство и т.д.) предлагает нам опыт анархии воображения. Когда уже в 1918 году анархические организации были обвинены в бандитизме и разбое, а затем разоружены и в большинстве своем разбиты, Святогор нашел выход — в разбое воображения².

Давайте же на манер самих биокосмистов представим, что Святогор — инопланетянин, наподобие «шифровика» из романа Питера Уоттса «Ложная слепота» (2006). (Мотив участия

¹ В одном из своих недавних выступлений «проходимцем» Святогора называет Марина Симакова (см.: #19 [Транслит]: Марина Симакова. «Креаторий биокосмистов» [Электронный ресурс]. URL: <https://vimeo.com/212446797>). Я целиком согласен с этим определением, однако придаю ему положительный смысл. Святогор, который выступал с критикой любой формы «локализма», действительно, должен был думать о себе как о проходимце-кочевнике. Ниже мы постараемся углубить положительный смысл «проходимства» посредством наших «фабуляций».

² О политической онтологии воображения (и немного о связи воображения и разбоя) см.: *Грэбер Д.* Фрагменты анархистской антропологии. М., 2014.

инопланетян в событиях революции мы находим у Александра Богданова, Александра Ярославского, Братьев Гординых.) Допустим, что как и у «шифровика», у него нет никакой субъективности, никакого (само)сознания — только личины³; он «обрабатывает» данные о событиях 1910—1920-х годов как чат-бот на базе искусственной нейронной сети, выдавая на выходе странные полупоэтические тексты, далекие от традиционных (даже традиционных современных!) представлений о поэзии. Но в этих текстах периодически проступают сцепки, стыки, фрагменты, которые можно было бы назвать *гипоконцептуальными* (по аналогии с понятием гипоэстетического, которое Михаил Куртов использовал в анализе поэзии дорвеев⁴). Святогоровское «Времени до» — это действительно текст, написанный скорее машиной, чем человеком. О чем же будет говорить выявленная таким образом «поэзия чат-бота революции»? Быть может, она будет намекать на анархию мечты — совершенно инопланетную, указывающую на нездешние ландшафты, на невозможные коллективы, в которые оказываются включенными и люди, и животные, и техника, и звезды, и планеты.

Многие сочинения поэта и теоретика анархо-универсализма Вольфа Гордина начинаются с примечания: переведено с языка АО (космический язык, изобретенный Гординым для

³ Вот как описывает шифровиков герой «Ложной слепоты» Сири Китон: «Представь себе, что ты — шифровик. Представь, что у тебя есть ум (intellect), но нет понимания (insight), есть программа действий (agenda), но нет осознания (awareness). Твоя схема звенит от программ выживания и выносливости, гибких, разумных, даже технологических, — но нет надстройки, которая приглядывала бы за ними. Ты можешь подумать (think) о чем угодно, но не осознаешь (conscious) ничего. Трудно представить такое существо? Практически невозможно».

⁴ См.: Куртов М. Дорвее. Жизнь и творчество // Транслит # 9. Вопрос о технике. С. 79—87. Дорвее (от англ. doorway — дверной проем) — вид поискового спама; автоматически сгенерированные тексты, насыщенные названиями товаров и услуг, предназначенные исключительно для чтения поисковыми ботами.

общения со всеми существами во вселенной). Роман Александра Богданова «Инженер Мэнни» открывается «предисловием переводчика», где мы узнаем, что текст переведен с марсианского на русский. Давайте представим, что тексты Святогора — еще не переведены, что они еще только ждут перевода, который столкнул бы нас, переводчиков-дешифров(ш)иков, с совершенно иной формой коллективной жизни, труда и борьбы. Отметим, что подобная «фабуляция перевода» может быть применена и к «известным» текстам — с целью их анархизации, освобождения от самих себя (прочитайте Платона как инопланетянина, которого ошибочно считают привязанным ко времени и пространству и, главное, к контекстам; прочитайте так Фому Аквинского или Джордано Бруно).

Такие «фабуляции» позволяют отделаться от навязчивого «принципа реальности», от грусти и отчаяния, которыми может закончиться чтение Святогора и погружение в обстоятельства его жизни. С их помощью можно двигаться в направлении, которое указал Ницше в «О пользе и вреде истории для жизни»: история — это не то, что тянется за нами ржавой цепью, отнимая у нас способность действовать, но, напротив, она всегда открыта для эксперимента и взывает к нашей изобретательности.

БЛАГОДАРНОСТИ, которыми я хотел бы закончить предисловие к этому сборнику на правах его составителя, адресованы: Ивану Спицыну (моему соавтору и соратнику, который помогал мне с расшифровкой, набором, иллюстрациями и редакцией этой книги), Михаилу Куртову (за неизменное анархическое вдохновение, которое вплетено и в ткань этого предисловия), Денису Сивкову (отзыв которого об идее этого сборника сыграл важную роль в его появлении на свет). Я благодарю все формы жизни, которые способствовали моей работе и которые примут в ней участие в будущем.

Август 2017 г.

А. ПОЭТИКА

СВЯТОГОРЪ.

СТИХЕТЫ
0
ВЕРТИКАЛИ

„Werde, der du bist“. N.

МОСКВА.

Типографъ И. Н. Кузнецова, Лѣвнявка, д. 6. Телеф. 2-11-10.
1914.

I. Стихеты о вертикали (1914)

«Werde, der du bist». N.⁵

⁵ Нем. «Стань тем, кто ты есть». Фраза приписывается Пиндару, но, судя по всему, Святогор отсылает читателя к «Ессе Номо» Ницше (N.), книге, подзаголовком которой «Wie man wird, was man ist» («Как становятся сами собой») намекает на немецкий источник этой фразы у Гете.

Предстихетъе.

Мир. Открывается и углубляется Ньютоном и Евой через яблоко, незначительное, сгнивающее, но ведущее к уловлению космической законосообразности и созидающее новый мировзгляд. И подвергается хуле и клевете от тех же Ньютона и Евы и через то же яблоко, ибо в есть от древа познания видится грех, а в падении ничего, кроме падения вниз. Но мир волит по вертикали вверх: падает только ньютоновское яблоко, всякое ж крепится вверх, уповая приход очищения от тлена в новом рождении, в оборотстве.

Мы входим в эру превращения элементов, мы накануне n -измерений⁶ и оборотства.

Петух. Над яблоком слагает и поет свое вещее «Кукареку», очищая мир от тлена и тем ввергая в ужас сумеречные силы. Необманно диктует озарение Востока.

⁶ Термин применяется для описания пространства размерностью более трех (трехмерное пространство является частным случаем многомерного (n -мерного пространства). Рецепция многомерного пространства в русской литературе была весьма разнообразна в первой четверти XX века, ср., напр., «Мир n измерений» (1924) В. Брюсова.

Язык. «Великий русский язык» еще только — великий сосун. Суконное сознание сообщает ему лишь анемичность, повергает его в грех дряблого хронизма. *Цветомощность* языка обуславливается градусом силы, мощи и высоты сознания.

Читатель. С глазами интенсивными. Вещая сила и железная красота недрятся в его сердце. Его песни тысячевечьи.

Читательница. Гоголевская русалка и ветхозаветная Рахиль. Дева мудрая, со светильником горящим ждущая жениха в тьме полуночи. Ей произрастают новые плоды. Пусть его великому будущему лежит через наковальню таланта и знания.

Окт. 1913 г.
Святогор.

Gallus.

1. В дупло!

Время сдать дряхлые рифмы
И дикие размеры
В музей.
Время дать старое платье
И протертую обувь
Нищему.
Время всему светлому, звонкому
Родить новые размеры
И рифмы.
Время лицу мощно горящему
Надеть новый и яркий
Венец.
Время выйти Богу вечному,
Мудрости тысячелетней —
На улицу
Время сойти звездам и солнцу
На землю поклониться
Человеку.
Время вам, обскуранты —
Сумеречные совы —
В дупло!

2. Кукуреку.

Я, глашатай, на суку.
Ваше ухо тяжело, —
Но пою «Кукуреку»
На уснувшее село.

Вы исчезли в храпный сон,
Обомлев свою руку;
Но, как вещей, зычный звон,
Я кричу «Кукуреку».

В плоскость улеглась страна,
Лишь один я на суку,
Тяжела, грузна она, —
Но кричу «Кукуреку».

Я неведом, одиноч,
Но, ведь, доблесть — казаку:
Крик мой верен и глубок —
Все одно «Кукуреку».

Вижу, чую, как встают
Там, на дальнем берегу;
Не напрасно, ведь, поют
Петухи «Кукуреку».

3. Хвоеслужба.

Нужно знать, какой дорожкой
К этим елям подойти,
Чтоб с старухой-ворожкой
Повстречаться на пути.

Нужно знать, какими взглядами
Эти ели окропить,
Чтобы вечными нарядами
Бытие свое укрыть.

Нужно знать, какой кафизмою⁷
Хвоеслужбу начинать,

⁷ Кафизма — раздел Псалтири в византийском богослужении.

Чтоб небесною отчизною
Бытие свое венчать.

4. Тебе, о Вертикаль!

В моих стихетах взвешенных и стройных,
В моих стихетах смелых и спокойных
Поется Вертикаль.

В моих раздумьях тихих и свободных,
В моих раздумьях знойных и холодных
Поется Вертикаль.

И в снах моих причудливых и верных,
И в грезах, и в мечтах живых и мерных
Поется Вертикаль.

Все дни мои и все мгновенья
Кадят и деют стройно песнопенья
Тебе, О Вертикаль!

Ego.

1. Мир не кандален.

Я кто? — Оборотень.
Мой дух в пределах пяти измерений.
В день будень, в субботень
Я прохожу ряды превращений.

Мне мир не кандален;
Нет стен и недействены волчьи ямы.
Я разве печален?!
Небослужбами цветут мои храмы.

То незрим, как мир непришедший,
То громок и могуч, как мировое светило, —
Крепок я, оборотство нашедший,
И нежно поет мое кадило.

2. Врач.

Там, где слышишь неотчетливо, глухо,
Где звуки новые тебе теряются —
Я облегчу тебе тяжелое ухо.

Там, где видишь неотчетно, нецельно,
Где света волны не все уловляются —
Раскрою твой взор внепредельно.

3. Савонарола.

Иду от нового Востока,
Одетый в красную парчу,
Со взором пламенным пророка —
Горизонталь я обличу.

Непобедим я в полной силе,
Всеистребляющ, как бурун.
Кипит, горит в моем горниле
Всепостигающий вещун.

4. Пламя.

Мой стих всклокоченный, взлохмоченный,
Мой стих поется в турий рог.
Рукою верной озолоченный,
Он чист, сверкуч, как светлый бог.

Мой стих — глазенки нежно детские,
Он как маяк в густом лесу.
На нем кольчуги древне-веские,
Я их воинственно несу.

Мой стих — вериги преподобного,
Они во грудь мою влились, —
И песни вольные, свободные
Под ними вихрями взвились.

Мой стих — корона победителя,
В нем жемчуг, золото, алмаз.
Мой стих — святой призыв воителя,
Святое пламя божьих глаз.

5. Оборотень.

В июне иволгою вещею
Я ранним утром обернусь;
А вполдень тучею зловещею
Над плоской пажитью пройдусь.

А ввечер вниду в рощу вербную,
Сорокой в ней застрекочу;
Повисну в ночь луной ущербною,
Молитве грустной научу.

6. Вызывать.

Аэндорскою гадалкою⁸
Я в этот вечер обернусь;
О сукáх дубовой палкою
Очерчусь.

Тень ушедших в жизни вечные
Стану глухо вырывать
И огни пугливо-свечные
Зажигать.

Над землей глубокой схимую
Древний старец задрожит;
Кто пройдет дорогой мимою —
Убежит.

⁸ Персонаж Ветхого Завета (1 Цар., 28), колдунья, вызвавшая по просьбе царя Саула дух умершего пророка Самуила для предсказания исхода решающего сражения. Позже ее фигура стала аргументом в богословских спорах об оправданности и природе колдовства.

И уста сухие, скорбные
День суровый возвестят, —
И огни мои проворные
Задрожат.

Но, суров, рукою твердою
Буду круг чертить, стоять,
Силу темную и гордую
Вызывать.

7. Древняя рукопись.

На стене булавкой прибиты
Ряды любимых цитат...
Ах, мои грезы еще не избыты,
В них много пьянящих услад.

Мои грезы — в песнях и пляске
Опьяненных весной воробьев;
Мои сны — в голубой сказке,
В сладкой пене ее облаков.

Моя жизнь — в беспредельных равнинах,
О которых шарманка поет;
Моя чуткость — в нервных осинах,
Которых христианство клянет.

Душа моя — древняя рукопись
На небывшем еще языке.
О, мысль моя! В нее углубись
В целомудренном твоём клубке.

8. Радуга.

Дугой всецветной перекинусь
Через это озеро в ночи,
И в матных водах опрокинусь;
И задрожат мои лучи.

И этот лес, и луг, и нивы,
Как милый призрак, обниму:
И будут бранны и бурливы —
Для бурь их вещей подыму.

И дам филину рог поющий,
И в небо жавронка пошлю. —
Я здесь, богатый и дающий,
Всех в эти сети уловлю.

9. Кубок.

В моем сердце — грезы и напевы
Целомудренно-святой отроковицы.
В моем сердце — полевые посевы,
Крик призывный улетающей птицы.
В моем сердце — золотые кафизмы,
Пламя желтой и древней свечи.
В моем сердце, как в мудрой призме
Преломляются солнца лучи.
В моем сердце — темная зелень елей,
Их вековые, суровые думы.
В моем сердце — искры веселий
И детски наивные шумы.
В моем сердце — снежная злоба,

И разгулье, и тоска кондотьера⁹,
И водной пучины утроба,
И греза о даме рыцаря-сеньера.
В моем сердце — голоса колокольни,
Прихотливые и звонкие напевы,
И набег новгородской повольни,
И мирные полевые посевы.
Мое сердце — искрящийся кубок,
Из него пьют боги и звери.
Он чист для молитвенных губок
И сладок для уст пантеры.

10. Волшбун.

Мое колесо кружится,
Как волшебное кольцо;
Трижды я успел родиться
И умыть свое лицо.

Мое колесо кружится,
Я точку на нем свой нож;
Трижды я успел умыться —
Стал могуч я и пригож.

Мое колесо кружится,
Бьет копытом добрый конь.
Я уже успел срядиться
И готов во тьму, в огонь.

Мое колесо кружится,
Шпорю доброго коня;

⁹ Кондотьер — руководитель итальянских военных отрядов на службе городов-государств в XIV—XVI вв.

I. Стихеты о вертикали (1914)

Я уже успел сразиться,
И спасла меня броня.

Мое колесо кружится,
Как волшбующий колдун;
Я успею воды напиться —
Стал вещующий ведун.

Ты.

1. Кто?

— Я выйду на тихую улицу — буду аукать.
На тихо весеннюю улицу
Выйду аукать.

— В саду, в огороде и в поле
Свиваются звонкие грезы,
Рождаются новые жизни,
Все зовет и на зов откликается,
И стройные хоры смыкаются
В веселом хмельном хороводе.

— На звонко веселую улицу выйду аукать.
И кто же на зов мой откликнется,
Кто отаукнется?
Кому мои грезы свиваются,
Кому мои голубые были творятся,
С кем жаждут мои руки обвиться,
С кем — в хороводе веселом?

— Я выйду на знойно весеннюю улицу —
Буду аукать.
И кто же на зов мой откликнется?
Кто отаукнется?

2. Цветы.

Ты не был и не родился,
Может быть не будешь ты.

Но тебе я век молился,
И кадилник мой дымился,
И в душе цвели цветы.

Знаю тех, что не родятся,
Что и в веки не придут.
Знаю. Оттого клубятся
Песни ярые, роятся,
Ткань узорную прядут.

3. Редчайший напиток.

Ты на божьем пиру, радугой опоясан.
Молнии освещают божеский пир.
В очах ужас и веселье; взор твой прекрасен;
Ветры слагают многоцветный клир.

Пьешь голубую синеву — редчайший напиток,
Пена облаков у тебя на губах.
Трепетно раскрываешь звездный свиток —
Слова замирают в устах.

4. Рыцарь.

Ты рыцарь. И у тебя богатства неисчислимы;
Твоя храмина в голубых одеяниях.
От глаз твоих темные силы незримые
В неутешных рыданиях.

Ты рыцарь. И рука у тебя безмерно-щедрая:
Ведь богатство и скупость неслиянные вещи.
От глаз твоих гаснет улыбка скаредная;
Твой взор несказуемо вещий.

Ты рыцарь. Твоего царства потерялись границы,
Потерялись в неизмирных планетах.
В полях твоих пламенные жрицы
Поют о свободных кометах.

Ты рыцарь. И твои сказочные кони
Скачут в полях, солнцем залиты.
Ты рыцарь. И благословение в твоих ладонях,
И радугой горят твои ланиты.

5. Озари!

Светлоликий человек,
Жду тебя!
Окружил толпой калек
Себя.

Кароглазый богатырь,
К вещему коню!
Неслабеющий упырь
Кровь сосет мою.

Тьму сжигающий огонь,
Загори меня!
Пал мой добрый вещий конь,
Придавил меня.

Глас архангела в ночи,
Воззови мой дух!
Потеряв свои ключи,
Стал я скорбно глух.

Солнце, солнце, озари
И возьми меня!

Вот звонят пономари:
Отпоют меня.

6. Неизведный аромат.

Твои песенки курчавы и хмельны,
В твоём танце неизведный аромат;
Искры глаз твоих веселия полны,
Ты неожиданна, как рождение волны,
И прекрасна, как её холодный мат.

Неразгаданна, таинственна, проста —
Породил тебя сверкающий поток.
Тень ресниц твоих волнующе чиста,
И улыбками цветут твои уста,
И душа твоя, что пламенный восток.

7. Искры солнца.

Эти встречи у колодца —
В них сверкают искры солнца,
Многоцветны, глубоки.

У квадратного оконца,
В мир неведомого солнца,
Тайне служат две руки.

И за гранью дней бесцветных,
Как два клира неприметных,
Песнь творят твои глаза.

И венок из трав заветных,
Благовонных, многоцветных,
Нам нисходит, как роса.

8. Лучи. Звук.

Ресницы — лучи ваших глаз;
Глаза — два маленьких солнца.

Хотите — откройте оконце,
И я поцелую вас.

Ваши пальцы — лучи ваших рук;
Ваши руки — желанные сковы.

Хотите — надену оковы,
Приму их трепетных звук.

9. Зыбкая. Смуглая.

На вспаханном поле молодая дорожка,
Неровная, зыбкая, хилая.
По ней ведет меня девичья ножка
Милая.

Роща, трава. И теряется зыбкая,
Скрылся водительный след.
Где же ты, смуглая, гибкая?..
Я не найду... И нарушу-ль обет?

Natura.

1. Преклонился.

В темном шепоте леса,
В его гуле суровом
Мне разверзлась завеса, —
Преклонился пред словом.

В яркой молнии пляске,
В ее быстром цветении
Мне низринулись сказки, —
В них исчезнул в забвеньи.

2. Божьи цветы.

Цветет небо огненными змеями, —
Быстротечны божьи цветы.
Путь лежит затихшими аллеями,
По бокам надгробные кресты.

Бог вещает извысока гулами,
Им внимают древние дубы.
Я иду утихшими аулами, —
Надо мной погаснул взор судьбы.

3. Благовест.

Рябина в красных ягодах — цветах,
Клен крону ширную медлительно роняет,
Звенит синица в жалобных кустах,
Бог желтым цветом землю осевает.

И в тихой скорби всходит божий день;
И радость скромная и благовест в груди;
Бог ходит по лесу, в проулках деревень
И говорит: «по мне гряди!»

4. Брачные простыни.

Светлые снежные
Порхают белые бабочки,
Клубятся нежные
Хрупкие сказочки.

Невидимо смелые
Сокрылись, исчезли просини,
Стелются белые
Брачные простыни.

Нежно свершается
Таинство тихое, тонкое;
Жених приобщается
Белому, звонкому.

5. На заре.

В утро радостное, нежное
Нам разверзлись небеса,
Сердца хмурого, мятежного
Заискрились глаза.

Песню светлую, чарующую
Звонко пели петухи;
Светла города взыскующу
Разрешилися грехи.

I. Стихеты о вертикали (1914)

Свечи желтые и древние
Вспламенились в алтаре,
И моления утревные
Заклубились на заре.

А. СВЯТОГОРЪ.

**ПЪТУХЪ
РЕВОЛЮЦІИ**

2-е Издаііе.

1917 г.

Москва.

40 к.

II. Петух революции (1917)

Да здравствует вулканизм!

Цепи пали — и каждый ощутил себя делателем, художником жизни. Голоса зазвучали громко и кипуче. Пришло подлинное жизненное горение, сильное, многообразное. Над всеми дышит неистребимый дух бессмертия.

Цепи пали, но еще сильны оковы на подлинном художественном творчестве духа¹⁰. С этим рабством так быстро не покончить. Но необходимо теперь же начать и организовать борьбу с ним во имя новых свободных путей свободного народного искусства.

Многие буржуазные издания — ежемесячники, журналы и газеты, как полиция, насильовали свободное творчество тупостью своих вершковых шаблонов. Литературные

¹⁰ Ср. «Манифест летучей федерации футуристов» (Д. Бурлюк, В. Каменский, В. Маяковский, 1918):

«Старый строй держался на трех китах.

Рабство политическое, рабство социальное, рабство духовное.

Февральская революция уничтожила рабство политическое. Черными перьями двуглавого орла устлана дорога в Тобольск. Бомбу социальной революции бросил под капитал октябрь. Далеко на горизонте маячат жирные зады убегающих заводчиков. И только стоит неколебимый третий кит — рабство Духа».

вожди, воспитанные на этих шаблонах, не знают подлинного искусства, мысли, философии, религии.

Но, наконец, необходимо теперь же кричать: они невежды и «старые тираны». Все они во вражде с подлинным гением, ставят ему препоны, совершают великое насилие и гнет. Вот подлинные душители и убийцы.

Нам не дают ни солнца, ни свободы творчества. Нам не дают расти. Нас хотят впрячь в прилизанность и напомаженность формы, в противное парикмахерство стиха. Они посягают на наше вдохновение, экстаз, любовь. Чиновники, Романовы и Держиморды от литературы — они гонители и распинатели вулканного искусства. Этот литературный бюрократизм должен быть сломлен.

Нужно кричать о кошмаре, который висит над искусством. Оно выродилось в цинизм, в саморекламу, в хулиганство. В нем нет ни вдохновения, ни подлинной силы.

Пали цепи политические, но должны пасть и оковы духовные. Их нужно смести бешеным, вулканическим протестом против владычества литературных Держиморд буржуазного пошиба. Довольно долготерпения. Поэтому я глашаю Вулканизм, как новое направление во всех областях духа — в искусстве, философии, религии. И зову к проявлению весь тот протест, который накопился в свободных духом моих согражданах.

Я призываю взорвать казематы установленных канонов, в которых томится дух. Я призываю в самой глубине народных масс пробудить художественную свободу. Всех моих свободных сограждан я призываю к самостоятельному и могучему вулканному творчеству.

Я глашаю Вулканизм, т.е. гигантскую силу вдохновения, замысла, свободу языка и всех литературных форм (в том числе и стиха). Мы, вулканисты — демократы, должны явить миру новое искусство! Да здравствует Вулканизм!

Восход.

На заре кричит Петух:
 Вулканичный всходит день.
 Солнце в дерзкой нагоде
 И в могуществе горенья.
 Солнце — небный Далекан. —
 Он летит, падет на землю,
 Чтоб в священнейшем сожженьи
 Попалить земную твердь,
 Выпить воды глубоканов.
 На заре кричит Петух:
 Вулканичный всходит день.
 В недрах мачехи-земли,
 В недрах духа изначальных
 Содрогнулся вещей Дух.
 И земную оболочку,
 И покров на космос жуткий
 Он прорвет, сметет как глени,
 Разметает в пыль и пепел.
 На заре кричит Петух:
 Вулканичный всходит день.
 Вижу землю в новых ризах,
 В новой сущности, сверканьи,
 В новой мудрости и зовах
 На космических путях.
 Вулканичный всходит день!

Чаемая даль.

Ревя же, колокол набатный!
 Пылай мой вулканический восток.
 Восходит свет кипучий, необъятный,
 И буреломит вечности поток.
 Пророк вулканности вещает:

Уже открыта чаемая даль.
Она, как бурный океан сверкает.
И путь туда курьерит Вертикаль!
И кто могуч,
И кто горяч в воинственном полете,
Тот будет празднично певуч
При вулканическом восходе!
Кто в ярости взрастил свой дух,
Как зверя крепкого в пустыне,
Тот внидет в мой искристый луг,
Во храм моей святыни!

Довольно!

Довольно макулатурных сонетов,
Романов, поэм и рассказов,
Довольно буржуазных драм
С настроением и наследственностью,
С мистическим духоблудием,
Довольно глупых подзатыльников,
Расточаемых пустыми «футуристами»...
Все это гниль
И старое почесывание пяток.
Все это дурной одеколон,
Невыносимый для здорового носа.
Все это лишь безобразие
Для подлинного глаза.
Все это лишь какофония
Для грядущего носа!

В гроб!

Эй вы, мизерные новаторы,
Не превышающие ростом дюйма!

В своей мизерности, в своей бездарности,
Вы, как аптекари и фармацевты,
Бросаете на площади, на улицы
Свои негодные рецепты
В желаньи лживом излечить искусство.
Как уличные ворожеи и гадалки,
Кричите нагло и нахально
О мерзостных своих твореньях!
Эй вы, дюймовые новаторы,
Скорей бегите в темное подполье,
В могилу, в гроб!
Настал конец глумленью, безобразью,
Мизерному новаторству
И хулиганству!
Ложитесь в гроб!
А вы, вулканные новаторы —
Священнейшая соль земли,
Вперед!

Дорогу!

Вы, старые поэты,
Прошу: посторонитесь!
Дорогу новому
Великому искусству всей земли,
Искусству Космоса!
Вы пели частные эпохи, нации —
Но вот идет искусство человечества,
Свободное искусство —
Всемирный глубокан и высокан!
Его одновременно видят, слышат
И славословят из Франциско,
Из Рима, Петрограда и Парижа,
Из Пекина, из Токио,
Из Мексики, из Огненной Земли.

О нем глашает Марс, Юпитер
И Орион, Полярная Звезда
И мириады солнц, планет, комет —
Весь мир безмерный, бесконечный!..
Вам страшно, старые поэты?
Скорей берите вы свои игрушки,
Рифмованные куклы и тряпье —
Спешите с ними скрыться в подземелья,
В глубь прошлого!
Дорогу новому
Народному, —
Вулканному Искусству!

Долой Канта!

Слепой, он свою слепоту возвел в принцип. Он прошепелявил, что разум ограничен. Он великий лжец, ибо сказал, что разум — вечный тюремщик.

Сам ограниченный, Кант видит во всем лишь ограниченность, посредственность. Бездеятельную трусливость своей мещанской душонки он провозгласил явлением общим и непреодолимым. Он закрепощает человека в пространстве, во времени. Он хочет пригвоздить его к определенной географической широте и долготе. Он правильно и поразительно верно осознал себя, как раба, подписавшись: «раб вашего величества»¹¹.

Это философия бессилия, трусости. Это старость, дряхлость духа. Свою вражду к свободному полету, к вольным путям он хитро и лицемерно маскирует

¹¹ В 1758 году, после того как в ходе Семилетней войны русские войска заняли Восточную Пруссию и вошли в Кенигсберг, Кант обратился к императрице Елизавете Петровне с прошением предоставить ему вакантную профессорскую должность, завершив свое прошение словами: «Вашего Императорского Величества верноподданнейший раб Иммануил Кант».

возгласом о «звездном небе»¹². Это безнадежный трус. Во всем ему чудятся стены, границы. Долой Канта!

Пресловутое «философское смирение» началось от Канта, узаконено им и свидетельствует о мещанской нищете духа. А дурной демократизм Канта полагает, что «чистому разуму» даны безусловные достоверности а priori. Таким утверждением узаконивается бездеятельность, тунеядство духа. Долой Канта!

Долой Канта! Ибо вся мелкота, полонившая землю, покоится в Канте, как в боге своем, спокойно предается своим пошлым делишкам и душит всякую мысль о создании великих сущностей. Кант — якорь, на котором стоит пошлость. Долой Канта!

Людишки стали пред ним на задние лапы, внимательно заострили носы, вкушая мещанскую чепуху кенигсбергской плечи. Они учуяли в этой плечи благословение своей пошлости, мизерности, узаконение «трех китов» своих дряхлых существований. Долой Канта! — Философию, выросшую на Канте, нужно выбросить, как негодную игрушку, еще пригодную для узколобых и слепых детишек, но не для здоровых и зрелых мозгов. В своем вулканном негодовании я кричу: Долой Канта!

1916 г.

О, море Революции!

И долго чаемое вдруг пришло
 На улицы...
 Потоки душ людских слились в ура,
 В единый ритм,

¹² Критика чистого разума (1788): «Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, — это звездное небо надо мной и моральный закон во мне».

В единый благовест народный.
И хлопанье знамен огнистых,
Шипенье и гудки автомобилей,
Восставшего оружия сверканье...
И брызги радости, и слезы умиленья
Клопочут в сердце, бьются в горле,
Дрожат в глазах, в губах,
В вопросах, встречах,
В приветствиях, в ура,
На обнаженных саблях,
На кончиках штыков...

О волны, море революции!
Улыбки, возгласы, горящие глаза!
И речь с автомобиля,
Поспешная,
Как сам автомобиль,
Высокая,
Как самолет парящий с красным флагом!
Призыв к порядку,
И крики: верно! правильно!
И шествие солдат к народу,
И гул сердец!...
О вы, платки червлёные,
Вдруг ставшие знаменами,
Хоругвями
Народно божьих воинов!
Ура!

Плакаты Революции¹³.

На перекрестках, на столбах, заборах,
На окнах магазинов, на стенах,

¹³ Публиковалось также в газете «Анархия» (№ 91, 22 июня 1918. С. 4).

Где прежде восходя и нисходя
 Немногодневную
 Свершали жизнь свою обычные афиши, —
 Теперь широкие кричат плакаты
 О Революции, О Пасхе на земле.
 Уверенно,
 Курьерски быстро
 Они гласят
 О святости народных устремлений,
 О вулканических событиях и делах.

И толпы, в чутком напряжении
 Внимания к мечте заветной,
 Читают, пожирая смысл и буквы...
 Идут, проходят.
 И толпы новые
 В кипеньи сдержанном подходят
 К глашатаям о Революции,
 О воле мировой земли.
 Идут.
 И сколько стройности,
 Порядка, красоты и жара,
 Реальности, и сказок, и мечты,
 И трезвости, и выдержки —
 Сознания!..
 О, это новые,
 Досель неведомые массы —
 Новаторы,
 Вершители судеб
 И строители земли!
 И миродержцы!
 Идут. Идут!.

И я!

И мысль моя,
И голос мой, крик сердца моего —
Я здесь, с народом,
С автомобилями, с ура,
С вулканным взрывом,
С плакатами о Революции,
С летучими листками
И со сверканьем сабель и штыков!..
И я кричу,
И плачу,
И смеюсь
Как радостно помешанный,
Как светло сумасшедший!..
О, слезы счастья и свободы!..

Совершилось.

Свободные! Державные!
Про нас солгали мнимые жрецы,
Что мы бессильны и убоги.
На перекрестках и в дворцах кричали,
Что мы не ведаем небес и божества,
Что мы развратники, что мы бездарны,
Что анархично мы себе хотим присвоить власть.
Клеветники нас жалили,
Лягали нас своим тупым копытом.
Весь мерзкий гной своих душонок
Душителю рыгали в нас...
Но совершилось!
Теперь у нас могущество, талант и гений,
Теперь пред нами дни безмерной радости,
Свободные дороги
И зов грядущих дней!

Колыбель.

Там, за звездами, в безгранности,
Где Огонь и Ночь, и Бог,
Вела Вечность песни тайности
И безмерности дорог.
Там космическими недрами
Пела звездная метель
И мою качала ветрами
Голубую колыбель.
И, ее овая ритмами,
Я носился средь миров, —
И уста цвели молитвами
Средь космических снегов.
И, повит в ее сказания,
Я вкушал предвечный мед. —
Сын бессмертного дыхания,
Я готовил свой полет.

Обжора.

Я мудрость мира бочками вкушал.
Поэтов я сосал, как злой вампир.
Вождей наук, религии, искусства
Переварил, как хлеб и мясо.

Обжора страшный, точно крокодил
Иль минотавр эллинских измышлений,
Я каждодневно мудрецов съедал,
Жуя их мускулы, впивая кровь,
Вдыхая сладкий сок творений вещей,
Негодное ж к питанью извергая.

Но ненасытный мой желудок
Стонал от голода, когда не стало пищи,
Когда от мудрецов остались кости и навоз.

Тогда мне вечность — добрая корова —
Вложила в рот свои гигантские сосцы.
И я — ягненок вечности, с тех пор питаюсь
Неизъяснимо крепким молоком.

И я прирос к сосцам, впился зубами.
И знаю я, что корни бытия
Там, — за созвездием Креста, за Орионом,
Вдали за полюсом небесным.
Их не найдут ни звезды, ни кометы,
Ни солнце зорчестью своих лучей.
Я даже сам их не могу пощупать,
Ни осязать, ни даже смутно видеть.

Считайте бесконечностью.

Вы измеряете аршинами и метрами,
Золотниками, лотами, рублем.
И, только изредка считая километрами,
Вмиг устаете в действии своем.

А я кричу: считайте миллионами,
Безмерностью искрящихся дорог,
Считайте бесконечностью, стозвонами,
Тысячелетьями, как это делал Бог.

Новорожденное.

Вы, любители прилизанных и напомаженных стихов,
Сосущие чухь брюсова и бальмонтовский лимонад!
Вы своей тощей безглазой душой
Про мои неизъяснимо свободные стихеты
Прошепелявите: он пишет дикое.

Но я возглашаю: исключительные книжки,
Гениальные книжки я посылаю миру.
В них то, что ждало, что просило воплощения,
Что еще никем не угадано.

Долго в раздутом животе своего гения
Я носил это мудрое чаемое дитя.
И вот оно, новорожденное!
И кричит, и плачет, и ручонками играет,
И смеется своими карими глазенками.
Оно ждет своего Богоприимца.

В его крике и смехе, в тысячелетней премудрости,
В этом синтезе современности и вечности
Мудрые и лучшие услышат голос иорданский.
Здесь зовы грядущего мира и вечной личности,
Здесь отраженье грядущего,
Здесь мозг и кровь чаемой мудрости,
Здесь свет фаворский!

Вулканизм.

Вулканизм — вот величайшая мечта, мысль, воля
и дело моей жизни!

В 1909 г. в сборнике «Взмахи» я возгласил «новую
дорогу, здоровую и бодрую». В 1913 г. издал «Стихеты
о Вертикали», где пел восхождение, оборотство, энмер-
ность, священную Вертикаль, Вулканную Красоту. Сло-
весной мерзостью встретили мою книжку. Но мне весело:
ведь ваш мир слишком плох для Вулканиста. Мне весело,
ибо я пришел сжечь вас.

В меня плюют, бросают нечистотами. Во мне видят
врага и меня боятся печатать. А я гордо и весело несу
свою судьбу Вулканиста. В ней я обретаю и силу,

и могущество. Я оттачиваю свою мысль, кую свою волю. Я верю в свое дело, как верю в вашу гибель.

Я выхожу из всех границ и норм вашего общества и вашей горекультуры. Я вышучиваю ваш воздух, ваш хлеб, ваше небо. Я презираю и ненавижу ваше счастье и благополучие. В твердом сознании своей правоты и достоинства, я бесцеремонно плюю на ваши желания, привычки, понятия и худосочные идеалы. Я непримирим. Я священно зол. Моя непримиримость горит гигантскими кострами, ее жуткое зарево брошено в глубины космоса. Я иду к вам не как пастырь добрый, но как разбойник.

Во имя Вечной Истины я возглашаю Вулканизм. И кричу соратников:

Вы, Каины земли, без пристанища, голодные, проклинаемые буржуазными коровами, искусанные собаками, забрызганные грязью последних столетий! Вам я глашаю Вулканизм!

Вы, подлинные искатели Правды! Вам отвратительна ложь буржуазного христианства, и вы уходите из мира. Но заклинаю вас: Остановитесь! Во имя Правды идите на мир! Я вам глашаю Вулканизм!

Вы, проклявшие дряхлое знание, доступное каждому торгашу, мерзавцу и глупцу! Вам, томящимся о великом знании, я глашаю Вулканизм!

Вы, которых тошнит от современного искусства, от низкой литературной продажности, от завистливого злословия критиков, от тупости профессоров, от глупости и меркантильности издателей! Я вам глашаю Вулканизм!

Тебя, демократия, я зову на вершины благородства, на пути Вулканизма! Нужно зажечь в тебе героизм! Нужно собрать твою гигантскую волю для твоей славной миссии. Ты тело грядущей Вулканкультуры. Тебе я глашаю Вулканизм!..

Тебе, крепкая молодежь, огонь земли, я кричу: Вулканная поступь в мысли, в слове, в деле! Мудрость

и полет! Мудрость и взрыв! Мудрость и созидание! Грядущий мир, как реализованная вулканная мечта! Тебе я кричу Вулканизм!

Моя каждая буква — священное разрушение, мой каждый жест — священный разбой!..

Плевок на Аполлона и упразднение Венеры — это лишь хорошее невинное мальчишество. Нужны решительные меры.

Нужны решительные меры не во имя дикарства, зверости, но во имя высшей культуры, Вулканкультуры. Не звериность, но интеллектуальная стихийность! Поэтому: долой Бергсона! Да здравствует стихийный Logos! Да царствует божественный Ratio! Долой скотскую интуицию! Дорогу мудрым озарениям души! Я возглашаю собачий нюх Разума! Дорогу Вулканизму!

Я кричу соратников. Ведь, недостаточно прошедших и проходящих культур. Они, как отболевшие болячки, шелушатся, и вскрылась присущая им мерзость. Мы выросли из всех культур. Мы жаждем новой культуры — Вулканкультуры.

Я зову испепелить и разметать всю ветошь, дребедень и мерзость! Я зову создать новый рельеф земли! Создать новое небо. Сотню новых солнц водрузить в него. И мириады лун! Мириады многоликих и разноцветных лун!..

Всем странам, всем народам, всем жителям далеких планет, всему безграничному и бессмертному Космосу я глашаю Вулканизм!

1913—16 г.

Среда, 1-го мая 1918 г.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

Среда, 1-го мая 1918 г.

Решение комиссии Совета по
делам печати и на адрес
следует писать.
Газета издается на
полном праве и не
принимает.
Содержание и цена
по подписке.

АНАРХИЯ

Владельцы
Иванович и Александр
Иванович
Москва, Гудковский пер.
Тверская 12-13
Отъ 12 до 4 час.

№ 51.

Орган Московской Федерации Анархистских Групп.

Цена 30 коп.

Требуем немедленной отмены декрета о разстрѣлах безоружныхъ, кто бы они ни были!

Къ товарищамъ-анархистамъ и сочувствующимъ.

Празднованіе 1-го мая въ настоящемъ году въ Россіи носить явно государственный характеръ, является казеннымъ, принудительнымъ праздникомъ, организуемымъ по приказанию свыше по повелѣнію власти, которая хочетъ превратить этотъ праздникъ борьбы за освобожденіе трудящагося въ день ликванія въ честь своей временной побѣды. И велитъ власть праздновать его не скромно, какъ всегда, а съ шумомъ и блескомъ, съ триумфомъ, который не отвѣчаетъ переживаемому грозному историческому моменту, а разчитанъ только на то, чтобы этой вышней яркой драпировкой скрыть отъ очей трудового народа трагическое положеніе вещей.

Поэтому мы вынесли слѣдующее рѣшеніе: праздникъ 1-го мая въ настоящемъ году **БОЙКОТИРОВАТЬ**, участія въ немъ не принимать.

Проемъ всѣхъ рабочихъ, сочувствующихъ идѣ анархизма, великому идеалу освобожденія всѣхъ угнетенныхъ современнаго общества, присоединиться къ бойкоту.

Нашъ праздникъ, праздникъ угнетенныхъ, еще впереди.

Советъ московской Федерации
анархистскихъ группъ.

Товарищи-работчіе,
НЕ ЗАНИМАЙТЕ
ДОМА

„АНАРХИЯ“

Московская Федерация
анархистскихъ группъ.

Советъ Федерации

Постановленіе на время всероссійскаго дня свободы совѣстности 1-го мая 1918 г. въ г. Москва.

Первое мая ни ко-
роновицъ.

Въ этотъ праздникъ, 1-го мая, не принимать участія въ немъ.

Въ этотъ праздникъ, 1-го мая, не принимать участія въ немъ.

Въ этотъ праздникъ, 1-го мая, не принимать участія въ немъ.

Въ этотъ праздникъ, 1-го мая, не принимать участія въ немъ.

Въ этотъ праздникъ, 1-го мая, не принимать участія въ немъ.

Въ этотъ праздникъ, 1-го мая, не принимать участія въ немъ.

Въ этотъ праздникъ, 1-го мая, не принимать участія въ немъ.

Въ этотъ праздникъ, 1-го мая, не принимать участія въ немъ.

Въ этотъ праздникъ, 1-го мая, не принимать участія въ немъ.

Въ этотъ праздникъ, 1-го мая, не принимать участія въ немъ.

Въ этотъ праздникъ, 1-го мая, не принимать участія въ немъ.

Въ этотъ праздникъ, 1-го мая, не принимать участія въ немъ.

Въ этотъ праздникъ, 1-го мая, не принимать участія въ немъ.

Въ этотъ праздникъ, 1-го мая, не принимать участія въ немъ.

Въ этотъ праздникъ, 1-го мая, не принимать участія въ немъ.

Въ этотъ праздникъ, 1-го мая, не принимать участія въ немъ.

Въ этотъ праздникъ, 1-го мая, не принимать участія въ немъ.

Въ этотъ праздникъ, 1-го мая, не принимать участія въ немъ.

Въ этотъ праздникъ, 1-го мая, не принимать участія въ немъ.

Въ этотъ праздникъ, 1-го мая, не принимать участія въ немъ.

Въ этотъ праздникъ, 1-го мая, не принимать участія въ немъ.

Въ этотъ праздникъ, 1-го мая, не принимать участія въ немъ.

Въ этотъ праздникъ, 1-го мая, не принимать участія въ немъ.

Въ этотъ праздникъ, 1-го мая, не принимать участія въ немъ.

Въ этотъ праздникъ, 1-го мая, не принимать участія въ немъ.

Въ этотъ праздникъ, 1-го мая, не принимать участія въ немъ.

Въ этотъ праздникъ, 1-го мая, не принимать участія въ немъ.

Въ этотъ праздникъ, 1-го мая, не принимать участія въ немъ.

Въ этотъ праздникъ, 1-го мая, не принимать участія въ немъ.

Въ этотъ праздникъ, 1-го мая, не принимать участія въ немъ.

Въ этотъ праздникъ, 1-го мая, не принимать участія въ немъ.

Въ этотъ праздникъ, 1-го мая, не принимать участія въ немъ.

Въ этотъ праздникъ, 1-го мая, не принимать участія въ немъ.

Въ этотъ праздникъ, 1-го мая, не принимать участія въ немъ.

Въ этотъ праздникъ, 1-го мая, не принимать участія въ немъ.

Въ этотъ праздникъ, 1-го мая, не принимать участія въ немъ.

Въ этотъ праздникъ, 1-го мая, не принимать участія въ немъ.

Въ этотъ праздникъ, 1-го мая, не принимать участія въ немъ.

Въ этотъ праздникъ, 1-го мая, не принимать участія въ немъ.

Въ этотъ праздникъ, 1-го мая, не принимать участія въ немъ.

Въ этотъ праздникъ, 1-го мая, не принимать участія въ немъ.

Въ этотъ праздникъ, 1-го мая, не принимать участія въ немъ.

III. Статьи из
газеты «Анархия» (1918)

Динамизм в живописи¹⁴

// Анархия. № 48. 27 апреля 1918. С. 4.

Еще крепко мнение, что каждое искусство имеет свою область, вне которой оно бессильно, что живопись в полной мере статична, и потому на полотне не может быть дано движение. Но история живописи свидетельствует, что такое мнение рутинно и не отвечает действительности.

Проблему живописи легко понять в ее историческом освещении.

Древний египетский художник тонко и глубоко понимал значение плоскости. Он строго проецировал свои фигуры в плоскость; у него нет изображений далеких пейзажей, с углубленным пространством; его фигуры лишены всякого впечатления глубины. Он

¹⁴ В следующем номере «Анархии» тему продолжил А.М. Родченко в статье «Динамизм плоскости», где он писал: «Упорно изучая проекцию в глубину, высоту, ширину, открываю нескончаемую возможность построений за пределы времени» (см.: Анархия. № 49, 28 апреля 1918. С. 4).

вгонял пространство в плоскость, насилывал его. В эту эпоху плоскость подчинила себе пространство, миру двухмерному рабствовал мир трехмерный.

Из тупика вывело открытие перспективы. Это было гениальным открытием, чудом в живописи. Перспектива в корне изменила художественное сознание, сообщила ему небывалые дотоль горизонты. Решался вопрос, как преодолеть плоскость, чтобы дать пространство, т.е. мир трехмерный явить в пределах двух измерений. Теперь фигуры уже не подчиняются плоскости, но пространство свободно входит в полотно.

Так в живописи эпоха плоскости сменилась эпохой пространства. Но пространство без времени статично. Поэтому живопись, не дающая на полотне времени, неизбежно статична. Заметим, что вопрос о динамизме неизбежно связан с вопросом о времени, так как движение — функция времени.

Вместо того, чтобы преодолеть статичность и заняться вопросом, как на полотне, кроме пространства, дать и время, художники и теоретики живописи, вместе с Тэнном, остановились на мнении, что живопись вневременна, статична. Художники утратили чувство времени, реалистическое отношение к нему. И живопись стала бесильной дать время.

Современность, в высокой степени динамичная, не может довольствоваться статической живописью, она требует динамической живописи, — вот почему проблема о динамизме в живописи — современная проблема. Есть художники, которые хотят воспроизвести динамическое ощущение.

Желание выразить лихорадочный динамизм современности ведет к тому, что хотят выбросить уже использованные сюжеты и приемы, т.е. всю статическую живопись. Но средства, которые при этом указываются художниками, часто слишком неновы и вовсе неудовлетворительны, что происходит из неполного сознания той колоссальной

реформы, потребность в которой выросла и на которую у художников недостает ни глубины, ни знаний.

Итальянские художники-футуристы решили создать живопись звуков и шумов, т.е. динамическую живопись (звуки и шумы, как вибрации, динамичны). Для этого они отвергли перспективу, чистую горизонтальную и вертикальную линию, прямой угол, куб и другие статические формы. Для реализации своих заданий они утвердили: косую, зигзагообразную и волнистую линии и все краски «скорости, радости кутежа, самого фантастического карнавала, фейерверков, кафешантанов, все краски в движении, воспринимаемые во времени, а не в пространстве»¹⁵ (влияние Бергсона).

Итальянские футуристы поступили как древние египетские художники. Те пространство подчинили плоскости, а эти той же плоскости хотят подчинить движение. Футуристы, не зная средств изображения на своих полотнах времени, в итоге сводят динамику к линии, к плоскости, т.е. хотят выгнать ее (и, следовательно, время) в пределы двух измерений. Еще нет свободного видения времени на полотне.

Динамических форм еще не найдено, и вопрос о динамизме в живописи остается открытым. Решение его должно идти путем творческого изыскания средств и методов изображения на полотне времени в сочетании его с пространством. А пока эти проблемы для художников — *terra incognita*.

Еще не открыты дороги в эту землю, но уже есть жажда найти их. Безмерная мощь нового художника-вулканиста не только создает динамические формы на полотне, но ждет новую вулканическую живопись, задачи которой шире и глубже задач статических и динамических полотен.

¹⁵ Здесь Святогор приводит неточную цитату из текста: Карра К.Д. «Живопись звуков, цветов и запахов. Футуристский манифест» (1913). См.: *Маринетти Ф.Т. Футуризм*. СПб., 1914. С. 227.

Ближайшие задачи вулканизма

// Анархия. № 55. 10 мая 1918. С. 4.

Ближайшие задачи вулканизма как величайшего искусства, которого еще не знал мир, выражаются тремя словами: творчество, убеждение, борьба.

Эти задачи нужно формулировать коротко, ясно и точно, ибо для подлинного творчества — октябрь еще впереди.

Первая задача — развить вулканическую творческую мощь, глубину и ширь, явить величайшую правду и красоту.

Эта задача бесконечна и неисчерпаема, ибо вулканизм есть величайшая мечта, мысль, воля и дело человечества в лице его авангарда (вулканный пролетариат) и всего безграничного космоса (его творческих сил).

Вторая задача — широкая пропаганда вулканизма среди трудящихся масс.

Жизнь пролетариата с каждым днем ярчает и требует нового искусства. Здесь залог успеха вулканизма как подлинного пролетарского творчества. Нужно лишь пробудить в пролетариате достаточно художественной сознательности, чутья, творческого размаха. Нужно убедить, что подлинное пролетарское искусство есть вулканизм.

Третья задача — борьба с буржуазным псевдопролетарским искусством.

Разлагающееся буржуазное искусство должно быть осуждено как в своих высших формах (футуризм), так и в низших (виршизм). Нужно беспощадно разоблачать и казнить этот нигилизм, убожество и пустой индивидуализм.

Лжепролетарское искусство насаждается в социалистической печати многими руководителями лите-

ратурных отделов, в большинстве своем бездарными и глухими к пролетарскому творчеству.

Подлинное пролетарское искусство (вулканизм) — это искусство величайшей борьбы, глубины, смелости, движения. А пролетариату вместо борьбы суют мещанство граммофонной пластинки, вместо смелости — трусость, вместо глубины — убожество и плоскость мелкого торговаша, вместо формы — нудное толчение избитых рифм в ступе бездарного четверостишия. Словом, под маркой «пролетарское искусство» контрабандой провозится из буржуазного лагеря низшая форма мещанского искусства — виршизм.

Виршизму, насаждающим его тупицам — лжепролетарскому, как и буржуазному искусству, я, пролетарий-вулканист, объявляю страстную ненависть и якобинскую ярость. И зову соратников.

Нас мало, наш октябрь впереди, но мы живем жизнью трудящихся, связываясь с ними живой органической связью и знаем, что все чуткое, талантливое и сильное, что есть у пролетариата, с нами, вулканистами.

Да здравствует вулканизм!

Вулканизм и рифма

// Анархия. № 56. 11 мая 1918. С. 4.

I.

Что такое рифма?

В стихах она позвякивает, как колокольчик на почтовом тракте. Монотонно, однообразно, она наводит уныние, как дороги в осенних степях.

Пушкины, Тютчевы, Брюсовы, модернисты — это только унылые ямщики в пустынях безвременья. Их

стихи — это тощие клячки, мерно переставляющие ножки. Их рифмы — это понукающий колокольчик. Их мысли — это тяжесть скучного седока. Нет силы, нет яркости.

Тысяча жалких виршистов, повесив в своих пустых душонках Пушкина, Брюсова и подобных им, трогательно взирают на их портреты, рифмуя «слезы» и «березы» да глагольные окончания. Стань виршисты поумнее, они, взглянув на свою «поэзию», повесились бы на своих же березах, чем сделали бы единственно возможное для них доброе дело.

Что такое рифма?

На кончике стиха она то же, что кольцо в носу геттен-тота. Вот она болтается, того и гляди оторвется. Часто весьма на риск приделана к строчке, часто такая тяжелая для тощего стиха. Порой она пытается прикрыть убожество мысли, как дикарь кольцом хочет скрыть свое безобразие. Дикое зрелище!

Ломоносовы (не считая силлабистов) привезли к нам из Германии обезьянку — рифму. Так англичане снабжают игрушками австралийских негритосов. И вот два века у нас держится немецкая мода. Два века нагромождаются горы рифмованного вздора. Весьма косное и печальное зрелище!

Нет стихет, похожих на поезд, на аэроплан, на взрыв вулкана, на сотрясение космических миров. До последнего дня — серо, скучно, допотопно.

Революция, явившая много сил и храбрости, не найдешь ли ты смелости вычистить конюшни нашей «поэзии» от рифмованного навоза? Ты, сметающая старый мир, смети рифмованную дребедень, расчисти поле, взрыхля его для подлинного творчества — вулканизма!

II.

Какую цену имеет рифма для вулканиста?

Ровно никакой.

Поэт-вулканист свободен от рифмы.

Когда я творил своего «Петуха революции», разве я думал о рифме?

Рифма, как жалкая трусиха, испуганно бежала от моих творческих сотрясений. Но, отмелькав пятками на далекое расстояние, она остановилась, оглянулась, перевела дух и стала изучать мой полет. Собрав все свои силы, она вспорхнула летучей мышью, чтобы цепляться за кончики некоторых моих строк. Но только некоторых. Она не в силах цепляться за каждую строчку. Она не в силах уследить за мощностью, смелостью и быстротой моих полетов.

У меня нет заботы о рифме. Но иногда, в те минуты, когда мой творческий кратер спокойно дышит, запуская в утренние и вечерние зори белый дымок простой мелодии, тогда рифма подходит ко мне, как старый пес, и рада, что я добродушно треплю ее по спине.

Когда же творческая стихия моего созидющего вулкана бешено швыряет свою лаву в необозримые высоты, то рифмы, как извергнутые камни, летят сбивчиво, беспорядочно, спотыкаясь, отлетая в сторону. И сколько гибнет их в могучих потоках творчества!

Стихета — это взрыв. Когда летят осколки во все стороны, когда из кратера вылетает огонь, какой может быть разговор о рифме и прочих побрякушках!

Лава вдохновения огненными потоками сбегает по склонам моего творческого кратера. Эти огненные потоки — вот мои стихеты. Смотрите, где у них рифмы, где у них размер, где нет ни рифмы, ни размера. Но знайте: лава, ее горячие потоки, они имеют свою форму, свой ритм, бешеный, свободный, сокрушающий все на пути.

Вот совершенно новое и величайшее творчество — вулканизм!

Темпоризм

// Анархия. № 57. 12 мая 1918. С. 4.

В последнее время определилось деление существующего искусства на три вида: футуризм, перфектизм и презентизм. Сами поэты и художники весьма ревностно относятся к такому делению, и каждый, по их выражению, «утверждает» себя или в будущем, или в прошлом, или в настоящем.

Футуризм (от *futurum* — будущее) все свои надежды переносит в грядущее. Будущее заманчиво. Поэтому футуризм обеспечен успехом, особенно в среде малодетельных мечтателей и сентиментальных обывателей.

Перфектизм (от *perfectum* — прошедшее), в противоположность футуризму, основывается на прошлом, как на реальности, считая, что будущее не реально, ибо дано только в мечтаниях, и потому на нем нельзя воздвигать построек. Когда настоящее требует от перфектистов созидательной работы, они в этой работе всецело исходят из фактов прошлого. Узкие практики, обыватели и люди без фантазии — вот среда, где перфектизм пожинает свою жатву.

Презентизм (от *presens* — настоящее) «утверждает» себя в настоящем. Презентизм представляет собою простой логический вывод из факта двух предыдущих видов искусства. Ход мысли таков: если есть сторонники будущего и сторонники прошлого, то почему не быть сторонникам настоящего, поэтому «утвердим» настоящее — презентизм. Мысль несамостоятельная, безногая, опирается на костыли футуризма и перфектизма. Презентизм, несамостоятельный и тощий, не может рассчитывать на последователей.

Вот три вида, три полки, по которым распределяется существующее искусство. Очевидно, что принципом

деления его взято время. Поэтому, стремясь к определенности, ясности, и будучи последовательным, все искусство следует назвать темпоризмом (от *tempus* — время).

Мерю искусства взято время. И не только мерю, но время являетсяместищем искусства. Как три народившихся младенца в утробе самки, так футуризм, перфектизм и презентизм сидят в утробе времени.

Младенцам тесно, они дерутся и не знают, что возможен выход из чрева. Но время — это не добрая мать — освободительница от чрева. Время — это костлявый урод, который зажатых младенцев гноит в своем брюхе.

Разве не видно, как младенцы гибнут? Перфектизм на полке прошлого покрылся плесенью и пахнет трупом. Футуризм отравлен ядом нигилизма и доживает последние минуты. Презентизм еле-еле мелькает бледной, безжизненной тенью, как галлюцинация в глазах умирающего футуризма. Младенцы гибнут и в каждом вскрике их глядят разрастающаяся пустота, безнадежность, отчаяние.

Почему гибнут младенцы? Потому что для них время выше свободы, трусость выше храбрости. «Утверждая» себя в будущем, прошлом и настоящем — они утверждают лишь в отдельных камерах общей тюрьмы — времени. Они трусливо подчинились этой тюрьме, увидели в ней «форму». У них нет храбрости восстать, разбить стены, нет мысли выйти из своего Египта. Темпористы — они узники и безнадежные рабы времени.

Для вулканизма свобода выше времени. Вулканизм утверждает (для простоты беру потертое слово) себя в свободе. Свобода и время — вечные враги. В своих зубах время держит драгоценности — вулканную мечту. Реализовать вулканную мечту — значит вышибить зубы у времени. Поэтому — не поклонение будущему, прошлому и настоящему, но беспощадная борьба. И самое отдаленное будущее теперь же необходимо вызвать на бой.

Объявляя борьбу времени, вулканизм тем самым объявляет ее и рабам времени — темпористам. Дело в том, что время, встретив неожиданного и смертельного противника в лице вулканизма, может улучшить положение своих рабов. И рабы, благодарные тюремщику, все вместе выступают на защиту своей тюрьмы против своего освободителя — вулканизма. Предстоит упорная и беспощадная борьба.

Вулканреволюция

// Анархия. № 62. 18 мая 1918. С. 4.

Темпоризм, выражающий психический и умственный склад ничтожной человеческой истории господствующих классов и до смешного мизерных вождей вроде Шекспиров, Наполеонов и Кантов, — темпоризм для подлинных революционеров является сосудом нечистот, который нужно опрокинуть.

В революционных мозгах и мускулах необходимо, свободно и настойчиво растет новый вулканный идеал. Из эволюционной история становится революционной, из прошлого ничтожества она выходит на арену сознательного действия. Вместо вершковых вождей сама бесконечность шагает бессмертным идеалом.

Но история из просто-революционной должна стать вулканреволюционной. Вулканкрасота и вулканправда должны быть реализованы. Для этого и совершается революция, ибо только в реализации вулканной мечты — величайший смысл революционного действия.

Темпоризм нужно пронзить до самой его сердцевины, нужно разрушить его, стереть в прах, и во все четыре стороны и в промежутки распылить его косную сущность.

И на великой пустыне развалин, придя в экстаз творческого оплодотворения, взвулканишь землю, как

величайшую самку, пробудить в ней исполинскую жажду зачатия и в ее священном брюхе начертать миллиарды великанов, превосходящих любое божество.

Вулканные исполины в своем огненном детстве будут играть солнцами, как мячами, и детской площадкой им будет служить бескрайность космоса. В своем отрочестве они затеют великую игру — прививку друг другу бациллы бессмертия. И, победив смерть, они своими руками, как глину скульптор, замесят весь дух и всю материю мироздания, чтобы из них воздвигнуть совершенно новый космос.

Первоисточником для вулканного творчества послужит наша революция, углубленная до революции духа и материи, до вулканреволюции. Вулканная мечта придет в огне вулканреволюции. Вот почему я призываю к вулканреволюции.

Для робких и трусливых голов этот призыв будет утопичен и чудовищен. Но для свободного, независимого, мускулистого, не зараженного темпорическими предрассудками ума здесь все полно живого, непреходящего исключительного интереса и великого значения.

Долой темпоризм, это зловонное болото, где гибнет красота и человек. И да здравствует вулканреволюция!

Вулкан-язык

// Анархия. № 70. 24 мая 1918. С. 4.

У вулканиста свой вулкан-язык, который неизмеримо естественнее, острее, быстрее, упруже, глубже, мудрее всякого национального и любого языка. На вулкан-языке подлинный поэт деет вещьбу и видарство в огневой лучизне.

Но вулканизм, приходя на ваши стогны и перекрестки, принужден говорить на чуждом ему языке. На косном, мещански тупом, на поверхностном и глупом языке вулканист принужден говорить вашим ушам.

Подлинные революционеры! Вы должны изощрять свой глаз, чтобы увидеть непригодность национального языка для вулканного духа. Ваш язык для вулканиста все равно, что скорлупа ореха на голову Гауризанкара.

Подлинные революционеры: Вы должны выйти из тесного круга национальных жаргонов и научиться вулкан-языку. Вы должны ступить на путь творческого взрыва, разрушающего структуру дряхлого языка. Вы должны говорить огненным языком, который из недр духа лижет голубой простор, сжигает луны, отсекает хвосты комет и угрожает последним пределам мира.

Вот один из изначальных и простейших образцов выхода из Египта жаргона:

«Небь затучо льет вей.
Рубь
Прорубь
В покровосерь.
Руль
За тучь
Могуче взвей.
Сломь конечно кроводверь».

«Небо», это — не знакомое всем небо, с его синевой и богами, но совершенно новый простор и упругое сияние. Также и «тучь» не есть туча. «Небь» еще «затуче», он не зрим буднему глазу, но необходимо реален и развивает свою творческую мощь — «деет вей». Но «покровосерь» необходимо прорубить, а для этого нужно высекать в ней «прорубь». А потом «руль за тучь могуче взвей».

Вот приблизительное и пошлое пояснение стихеты. Приблизительное потому, что алгебраическая фор-

мула не может быть выражена средствами арифметики. Пошлое потому, что подлинное творчество нельзя ни перевести, ни пояснить, но можно, бесконечно приближаясь к нему и прислушиваясь к его сердцебиению, улавливать его красоту и немеркнущую жизнь.

Взяв раз пошлый тон о стихете, я его dokonчу. Смотрите: тут столько новых слов: «небь», «тучь», «затучо», «вей». И рядом с ними старые слова подтянулись, наэлектризовались, сгустились, заупружились. И вся стихета как натянутая струна. Прикоснитесь — и она зажурчит новую литургию о новом.

Приведенная стихета еще не вулкан-язык, но по сравнению с вашим жаргоном она богата и свежа. В ней величие и смелость выхода. В ней сила разрыва и устремление на путь в обетованную страну. В ней можно видеть одну из предтеч вулкан-языка.

Вулкан-язык — это исполинская сила замыслов, какая может быть лишь у сына бессмертия. Вулкан-язык — это необычайная сконденсированность вулканных вдохновений. Это даже не язык, но солнцевость образов из чрева бесконечности. Это не язык, но творчество вулканных чудес, творчество, которое миллиардами рук несет величайшую тайну, чтобы воплотить ее в мир.

Вулкан-язык не связан исторической преемственностью. Он непосредственно своими могучими корнями уходит в бесконечность, пьет из ее неисчерпаемого сердца, вкушает ее творческий разум. И путь его лежит в бесконечность и бессмертие.

Подлинны революционеры! Тысячи раз я призываю вас и буду призывать разрушить застенки национальных языков, вырвав из своего духа плесень, разведенную этими жаргонами, взрыхлить чернозем своих мозгов для приятия зерен вулканизма. Тысячи раз я буду призывать вашу мудрую волю на бой с гранитом действительности. Ведь от удара вулканической воли в этот гранит вскипают молнии величайшего языка — вулкан-языка!

Еще вулкан-язык

// Анархия. № 73. 31 мая 1918. С. 4.

Из всех косностей мира самая большая и ужасная косность — это косность языка. Тысячелетиями позвякивают одни и те же слова, одни и те же формы. Как надоedливые мухи, они стучат в ухо, все те же пустые, безголовые, все так же однообразно монотонно, подло. И ужас в том, что человечество так привыкло к их мерному звяканью, как грязная собака к паразитам, и даже сквозь сон не вздрагивает от мерзости однообразия и пустоты языка.

Трудна работа восстания против косности языка. И так еще мало восставших. И даже лучшие из них, с вулканной горы зрения, это лишь слабенькие младенцы, зайцедушие реформисты и вершковые революционеры.

Вот освободители слова. Освобождение для курицекрылого мозга — большое завоевание. Тут есть подъем, взлет, удлинение крыл и усиление их мускулов. Но в лучшем случае тут только полет домашнего гуся, смутно припомнившего свою в веках погибшую, дикую свободу полета.

Вот разрушители слова. Разрушение — хорошая штука для зайцеухой души. Это — решимость выйти из темноты своего подполья. Но тут только медленная грызня толстой стены, тысячелетиями сложенной из камней — слов. Придет кот, охранитель мертвых устоев, палач мышинной скребли, и зайцеухая душа пугливо шмыгнет в глубину подполья.

Вот устроители языка. Упрощение — практичное дело для коммерсанта, автомобилиста, империалиста, для вершкового революционера. Тут еще нет

творчества, раскрытия пределов, выхода в новые просторы. Тут только элементарнейшая механика, а в лучшем случае азбука Морзе.

А если упрощение делается во имя скорости, то и в этом нет ничего серьезного и мудрого. Скорость — не самоцель. Как самоцель она опустошает душу, вытягивает творчество в тончайшую линию, бессильную, хрупкую, дрожащую и гибнущую под пальцами ветра. Скорость не самоценна. Как довлеющая себе величина, она столь же пуста и наивна, как болван любого капища богопоклонников.

Освобождение слова, разрушение его, упрощение языка — это лишь хорошее мальчишество. Необходимо вызвать к жизни мощные и неистощимые силы, чтобы вулканным взрывом раздробить плешивый череп тупого языка. Теперь же, в нашу великую революцию, необходимо, разрушая старый язык, творить вулкан-язык.

Вулкан-язык — не реформа, не мышинная грызня коснейшей глыбы, но разрушение этой глыбы огнем и динамитом. Вулкан-язык — это не поклонение болвану скорости. Тут для вулкан-языка гремят особые задачи.

Для вулканиста скорость — только средство в реализации вулканный мечты, и скорость получает особое вулканный содержание. Вулканная скорость есть скорость необычайных глубин, высот, объемов. Это такое поступательное движение, когда движущийся предмет ширится в бесконечность измерений, когда его глубина и высота своими крайними пунктами, как зубья бороны, царапают безбрежность, беспредельность. Это шествие возрастающей прогрессии, оплодотворенной самым мощным знаменателем.

Но тут уже нет упрощения, ибо упрощение есть один из видов смерти и разложения. Тут величайшая сложность, глубокая, безмерная, ясная, которая одновременно и величайшая простота. Но эта величайшая сложность также и величайшая скорость, ибо вулканглубина

уже есть и вулканскость. Для вулканиста тут химическая двойца — глубина и лет — глабунолет.

Из вулканной двойцы пылает огненная душа вулкан-языка. Вулкан-язык есть выразитель возрастающих глубин и урагана вулканной скорости. Из возрастающих глубин — его необычайная сложность. Так, в его глаголах — не только четверка наклонений и единичное число прочих форм. Ваши глаголы — это первобытная соха по сравнению с машинным плугом вулканглагола. Ваши глаголы — это гоголевская бричка по сравнению с парящими в просторах моторами вулканглаголов. Не четверка наклонений, но тысячи винтов и поршней — сотни тысяч и миллиарды наклонений. Не тощее и единичное число видов и других форм, но бесконечность видов и бесконечность бесконечности форм вулканглаголов. Поэтому тем, кто своей тощей душой, отягченной пылинкою четырех наклонений, пропищали только одно неопределенное наклонение, я весьма определенно выражаю презрительную улыбку. Бесконечность бесконечности форм языка — вот одно из требований вулкан-ных глубин духа.

Но те же вулканглубины требуют и необычайной быстроты. Эта быстрота в природе самих глубин, неотделима от них. Не тощая душа, но бесконечно сложная и глубокая деет вулкан-ный взрыв. Не один, но тысячи поршней развивают величайшую скорость. Вулкан-ная скорость — это дитя вулкан-ных глубин. И поэтому вулкан-язык есть выразитель величайшей скорости — вулкан-скости. И скорость его вытекает из его безмерной сложности.

Выражение вулкан-скости, ее певучей и грохочущей стихии — эта задача вулкан-языка осуществима через ту же бесконечность, бесконечности его форм, через гигантски возрастающую его прогрессию, непрерывно оплодотворяемую бессмертным сперматозоидом вулкан-ного духа.

Вулкан-идея

// Анархия. № 78. 6 июня 1918. С. 4.

Творчество вулканиста своим источником имеет кипение недр духоматерии, огненными языками устремленное к голосам бесконечности. Это творчество, извергаясь из огненных недр, конструируется в духе вулканического извержения. Оно слишком бесформенно для глаз обыки. И это потому, что оно облекается в новые, величайшие формы.

Рассматривая вулканическое творчество, как объект мышления, в нем не всегда можно понять даже маленькую молекулу его, особенно для зайцеухой души. Но чем больше в вашей душе глубоко революционного устремления, чем больше душа ваша вулканична, тем ближе вы подойдете к глубинам вулканического творчества.

Вулканист хочет явить новое вневременное и внепространственное бытие.

Вулканическая идея не есть идея платоновская. Платон считал, что истинная действительность неизменна, всегда равна себе. А для вулканиста подлинная действительность неизмеримо и неустанно растет, умножаясь и преуспевая в вулканической скорости. Так вулканист должен реализовать бессмертие, как одну из промежуточных ступеней, которую нужно пройти, чтобы подняться на вершину вулканической башни.

Время и пространство — вот злейшие враги. Их нужно побороть, освободиться от их жуткой тюрьмы. И если для этого потребуется уничтожить все временно-пространственное бытие, то вулканист над этим не может задумываться.

Тяжесть времени уже ощущалась древней индусской философией. Но для индуса освобождение от времени

желательно совсем с иной точки зрения — по соображениям бессилия. Там боязнь времени. Там нирвана блистает бледным идеалом. А вулканист исходит из соображения освобождения, из смелости, дерзновения, бунта, вулкантворчества. Для вулканиста нет нирваны, но огненное бытие, солнцезарное и бессмертное.

Время нужно победить. Эта мысль, сама по себе, уже необычайно воспламеняет сильный подъем духа. Ведь победа над временем сразу исполински широко поставит перед нами абсолютные задачи вулканного творчества. Победа над временем и пространством приобщит нас к космической жизни, к космическому творчеству.

Мы пока причастны только к жизни на земле, и то не целиком. Но мы не участвуем в космической жизни, в жизни лун, планет и солнц. Мы не связаны с космосом и ничего не знаем о нем. Но близко время, когда мы вулканно вскрываем в космос. Слушайте: вулканист хочет там, на планетах и звездах — во всем беспредельном космосе — воздвигнуть свои революционные советы вулканных депутатов.

Скоро время, когда мы начнем космическую жизнь, и тогда наша деятельность получит грандиозное космическое значение. Но для этого вокруг вулканной мечты должны концентрироваться все силы, все стремления. И тогда человек станет не только равным Прометею и любому божеству, но неизмеримо, неисчислимо превзойдет их.

Жизнь есть революционное действие, направленное к реализации вулканных задач. В этом действии дух крепнет, пред ним все шире вырисовывается вулканный идеал. При наличии революционного действия задачи вулканиста должны реализоваться.

Для кого вулканная идея загорелась немеркнущим огнем, кто ступил на путь вулканного разрушения и творчества, тот уже наполовину завоевал бессмертие, ибо увидел в нем необходимое условие для своего вулканного творчества.

Для робких и трусливых голов задачи вулканиста будут утопичны и чудовищны. Но для свободного, независимого, мускулистого, огненного ума и крепкой воли здесь все полно живого, непреходящего, исключительного интереса и величайшего значения.

Довулканный человек

// Анархия. № 90. 21 июня 1918. С. 4.

Довулканный человек, прежде всего, раб своих чувств. Видимость и слышимость над ним безраздельно царствуют, и у него нет силы усомниться в их реальности, непреложности. Рабствуя им, он — наивный реалист, младенец, который не различает действительности от призраков и наоборот.

Сидя на лежанке видимости и слышимости, он ласково гладит своего верного пса — мещанскую индукцию. А верный пес ему рассказывает сказки, величая их непреложной истиной. Как набожная ведьма, пес пересчитывает четки сходных случаев, отвергая всякий исключительный случай. И таким путем пес все дальше и глубже уводит человека в болото обыки, увлекая его своей мещанской дичью.

Довулканный человек — это кантовский человек. Ум его в коротких штанишках кантовского покроя. Беспорывный, безмускульный, ограниченный, он выращивает себе кенигсбергскую плешь, в которой, как в зеркале, отражается вся трусость мещанского облика с его длинными ушами. И, как верх мудрости, беззубые челюсти шепелявят: звездное небо мещанского благополучия надо мною и закон мещанского порядка на лежанке. И уже готова лакейская улыбка

и почтительно составленные каблуки: что угодно, я — раб вашего величества.

Но бывает и так: вдруг довулканнй человек «возмутится», вздумает забраться на свою мещанскую вербу. В этом случае с верхушки мещанского дерева он вдруг презрительно и гордо крикнет: я — сверхчеловек. Весь поступательный процесс лежанки имеет одну цель — вершину вербы; и на этой вершине уже не просто человек, но сверхчеловек. И вот одни заахают, другие заохают, третьи захихикают, четвертые полезут вслед за «храбрецом», и каждый из них будет брызгать слюной: я — сверхчеловек. А дело так просто: мещанская лежанка поднялась на вербу, и только. И, в сущности, нечему ахать и охать: ницшеанская дерзость не что иное, как мальчишеское озорство мещанства.

Но, влезая на мещанскую вербу, можно зацепиться за сук и продырявить кантовские штанишки. Тогда для тощих мускулов вдруг приоткроется новый мир. Заглядывая в дыру, довулканная душа почувствует в себе некое мистическое начало, конечно, бледное, бескровное, как наивная словесность Метерлинка. И, глянув вниз, на подножие вербы, и сотрясаясь от страха упасть и разбиться, потихоньку и осторожно спускаясь назад и еще чувствуя опасность, будет полегоньку пробавляться убогой, наивной и жидкой кашницей Метерлинка. И в этой младенческой мистике для нее будет величайшая мудрость.

Довулканнй человек слишком неглубок. Его душа — это мелкая лужица. Нужны огромные тучи, беременные дождем, нужны потопы, чтобы эти лужи выросли в своей глубине. Но тогда они исчезнут, сгинут, и будет океанический простор. А пока вся философия, литература, наука в руках мещанских луж. Пока вся жизнь закандалена в их зловонные цепи. Пока подлинный великий дух, как огромная рыба, взятая от своей стихии, в великой жажде.

Томится, но призывает свои силы, напрягает свои мускулы, проверяет их звонкую сталь, накапливает вулканные грозы, которые прорвут звездное небо мещанского благополучия, разметают в клочья мещанские божницы, раздробят и лежанку, и вербу. И вместе с кантовскими штанишками и метерлинковскими дырами вверх тор-машками полетит картонный сверхчеловек, эта куца кукла довулканного человека. И придет величайшее, что знает мир, — придет вулкан-человек.

Утописты

// Анархия. № 94. 26 июня 1918. С. 4.

Самая трусливая душа у тех, кто говорит: «утопия». И самая лживая.

С видом невинности они преподносят рай, свободу, бессмертие под соусом утопии.

Они и только они кастрировали бессмертный дух. Это они, эти распутные душонки, отравили землю ядом рабства и смерти. Как величайшие онанисты, увлеченные грезами, они безвольно предаются им, опустошая свои и без того пустые душонки, разжижая и без того жидкие мозги и мускулы. Воистину: самое позорное и самое мерзкое, что знает земля, — это утописты.

Они лгут, не стесняясь своей лжи. Утешают то загробным будущим, то земным грядущим. Говоря: свобода и бессмертие — за гробом, они не верят ни в свободу, ни в бессмертие. Говоря: свобода и бессмертие — на земле, но в будущем, они также не верят ни в свободу, ни в бессмертие, ибо при этом шепелявят: «утопия».

Они слишком жестоки. Голодному суют камень, а жаждущему — полынь. Разве не камень — загробный

рай и разве не полынь — земной рай в грядущем? И загробное и будущее они заполнили мерзостью своего порока. И этою мерзостью отравляют мир.

Они — подлые тюремщики. С видом двуногой лисицы подходят к угнетенным и сладко напевают: здесь тюрьма, здесь смерть, но вот вам наша утопия. В ней вы найдете утешение. И ядом своей утешающей болтовни обращают мир в тюрьму и кладбище. Несут новые цепи и новые кресты. И ужас в том, что узники и обреченные на смерть, близорукие, наивные и глупые в своем горе, за чистую монету принимают слово подлецов. И мир, успокоенный загробным раем и земным грядущим, покорно гнет свою шею под ярмом рабства и смиренно кладет свою голову под ржавый топор смерти. Это предатели, Иуды, поцелуем своих утопий, налагающие цепи и смерть.

Не утопия, но реальность! Не утешение, но восстание, но бунт, но вулкан — революция! Земля должна сбросить рабство и смерть. И в первую очередь в своем великом восстании она должна смести утопистов. Воистину величайший день увидит мир, когда все утописты погибнут в огне вулкан-революции.

Не утопия, но реальность. Свобода и бессмертие — вот величайшая реальность. И подлинный освободитель не утопист, но тот, кто скажет рабам: восстаньте! А начало свободы — в революции. А начало бессмертия — в творчестве.

Не в загробном и не в будущем свобода и бессмертие. Свобода и бессмертие не знают времени. Они не во времени, но против времени, ибо время — их величайший враг. Свобода и бессмертие в революции и в творчестве и в борьбе со временем. Свободному и бессмертному так же ничтожно будущее, как прошлое и настоящее. К тому же будущее отравлено ядом утопистов. Необходимо плюнуть в лицо времени. Необходимо вышибить зубы у времени вулканной волей и вулканом-разумом.

Свобода и бессмертие — вот величайшая реальность, творимая в огне вулкан-революции. И лжец и мерзавец тот, кто свободу и бессмертие назовет утопией.

В. БИОКОСМИЗМ

I. Из сборника
«Биокосмизм
(Материалы № 1)» (1921)

Биокосмическая поэтика (Пролог и градус первый)¹⁶.

Пред нами великие задачи — и потому мы опрокидываем ходячие верования, идеи, и нам, как восставшим против предрассудков, уже обязано будущее. Меньше всего нам свойственно чувство почтительности, нам ничуть не импонирует величие натуральной необходимости. Наш первый и последний враг — равновесие натурального порядка. Разве есть сребренники, за которые мы предали бы, как Иуда, во власть необходимости наше бытие, этот мир, в котором живем, — букет цветов, который вдыхаем?

Мы утверждаем, что теперь же в повестку дня необходимо во всей полноте поставить вопрос о реализации личного бессмертия.

Пора устранить необходимость или равновесие натуральной смерти. Ведь всякий закон есть выражение

¹⁶ Текст публиковался также в сборниках: Н.Ф. Федоров: pro et contra: в 2 кн. Книга вторая. СПб., 2008. С. 405—408 (с сокращениями), а также: *Гройс Б.* Русский космизм. Антология. М., 2015. С. 161—167.

только временного равновесия тех или других сил. Лишь стоит ввести силы новые или изъять часть сил действующих — и данное равновесие (гармония) нарушится. Если двинем силы, цель которых реализовать бессмертие, — то эти силы, как бы другие им ни противодействовали, смогут нарушить равновесие смерти и явить равновесие бессмертия. Ведь прежде всего к равновесию бессмертия стремится каждая жизнь.

В повестку дня мы включаем и «победу над пространством». Мы говорим: не воздухоплавание — это слишком мало, — но космоплавание. И космическим кораблем, управляемым умудренной волей биокосмиста, должна стать наша земля. Нас слишком шокирует то, что земля, точно коза на привязи у пастуха — солнца, извечно каруселит свою орбиту. Пора иной путь предписать земле. Да и в пути других планет нелишне и уже время вмешаться. Нельзя же оставаться только зрителем, а не активным участником космической жизни.

И третья наша задача — воскрешение мертвых. Наша забота — о бессмертии личности во всей полноте ее духовных и физических сил. Воскрешение мертвых — это восстановление в той же полноте ушедших в гроба. При этом мы отнюдь не впадаем в трясину религии или мистицизма. Мы слишком трезвы — и религии и мистике объявляем войну.

Таков наш биокосмизм. Он, несомненно, величайшая дерзость. Но великое и дерзкое оскорбляет, и мы уже видим глухую и явную ненависть — ведь биокосмизм принижает все идеи, все идеологии. Но мы оптимисты, а не безумцы. Безумцы те, кто хочет сделать людей свободными и превосходными вне биокосмизма. Они подобны Робеспьеру, который начал желанием осчастливить человечество и пришел к мысли истребить его. Всякая идиллия о «счастье на земле» вне биокосмизма — вреднейшая иллюзия, начало чудовищной тирании.

Пред нами величайшие задачи. Но разве у нас постные или мрачные физиономии, как у монахов или диктаторов? У нас уже иная психика. На биокосмических путях мы чувствуем себя необычайно просто и весело, превосходя в этом смысле счастливейшего киренаика Аристиппа. Подобно мальчику, который катит обруч, мы творим биокосмическое. Улыбчиво и радостно мы реализуем бессмертие, зовем на кладбища и беззаботно готовы на верфи биокосмических кораблей.

Мы креаторы. Нами уже основан «Креаторий биокосмистов». Для невежественных мозгов креаторий звучит, как крематорий, — и они, пожалуй, правы. Нам, действительно, необходимо сжечь слишком многое, если не все. Ведь биокосмизм начинает совершенно новую эру. Вся предшествующая история от первых проявлений органической жизни на земле до солидных потрясений последних лет — это одна эпоха. Это — эпоха смерти и мелких дел. Мы же начинаем великую эру — эру бессмертия и бесконечности.

Какова же наша эстетика?

Наша эстетика — не вывод из наблюдения, регистрации и анализа имеющихся форм. Описательная эстетика, несмотря на все присущее ей значение, не может быть в то же время предписывающей эстетикой. Всякая попытка ее в этом направлении есть необоснованный выход из присущей ей области, есть узурпация несвойственных ей прав. *Ведь невозможно путем установления того, что есть, предписать то, что желательно или может быть.*

Наши основные понятия стиля вытекают из биокосмического идеала. Это наш метод и масштаб наших оценок. Мы не можем взять эстетику символистов или футуристов не только потому, что они изжиты и отходят в прошлое, но потому что у нас есть свой критерий. У нас также нет желания сунуть свой нос в какую-либо филологическую или стилистическую мышеловку. Нам ничуть

не импонируют ни Потебня, ни Веселовский, ни Погодин¹⁷ и подобные им. Центр нашего внимания не историческая или психологическая эстетика, но эстетика телеологическая. Еще в меньшей мере, чем старые предрассудки, нас могут смутить полуграмотные построения сегодня.

Вот вопрос о форме и содержании. Что прежде и что важнее? Мы не можем сказать, что содержание все, а форма ничто. Придавать же значение только форме, значит обнаруживать отсутствие элементарного научно-философского образования. Идея имманентна форме, но форма не всегда равновелика ей. Форма часто противоречит идее, последней присуща не одна форма. Но дело не в этом. Нас мало занимает этот старинный спор (о форме и содержании) эпохи немецкой идеалистической философии и слишком наивно повторяемый в наши дни. У нас совершенно новая аксиома.

Вопрос не в примате формы или содержания, но в моем отношении к форме и содержанию. Прежде всего, гордая независимость творчества.

Наш стиль?

Наш стиль начинается не с отдельного слова, хотя бы и художественно-конкретного, но с ряда слов. Центр нашего внимания не отдельные слова, но ряды слов, не столько этимология, сколько синтаксис. И потому: творчество словесных рядов — разнообразие сочетаний их элементов.

Мы творим не образы, но организмы. Образ слова базируется на внешнем зрении, на поверхности. Образ —

¹⁷ А.А. Потебня — специалист по фольклору и поэтике, оказал большое влияние на исследования психологии творчества и теории языкового развития. А.Н. Веселовский — автор незаконченной «Исторической поэтики», где предлагал рассмотрение элементов художественной формы с точки зрения их диахронического развития. Главной темой А.Л. Погодина, слависта, историка, доктора славянской филологии, является тема соотношения языковых структур и творчества.

только впечатление, только описание, и потому он недостаточен. Образы, если они не объединены, — только хаос. Здоровый путь творчества лежит от образа к ряду. Ставить для поэта образ во главу угла — значит впасть в колею регресса, идти не вперед, а назад. Ряд же есть начало космоса. Мы не образнослы, но рядотворцы.

Но разве мы пренебрегаем словами или все они для нас одинаковы? Одни слова мертвы, в других чуточку мигает жизнь и только изредка попадают краснощечные слова. Мы любим ядреные слова и оживляем слова мертвые. Но воскрешение слова не в раскрытии первичного образа его, но, скорее, в ловком подборе префиксов и суффиксов. Кроме того, нас интересуют личины слов, нас привлекают слова, как оборотни, как маскарад.

Слово убегает от своего первоначального смысла, отрывается, надевает личину. Но слово, как личина, полнее всего оживает в ряду слов. И чем искуснее ряды, тем выразительней слова. Ряды расцветают слова, заостряют их, упругат, разнообразят. Творческая воля креатора заставляет слова в ряду бывать по-иному. Слова в ряду — это форма, меняющая объем и содержание, тут одно и то же слово попадает на разные полки. В ряду слова играют конкретным, как мячами. Творчество словесных рядов — это преображение и воскрешение слов.

Кроме того, мы беременны новыми словами. Так, мы предчувствуем междометие встающего из гроба человека. Нас ждут миллионы междометий на Марсе и на других планетах. Мы думаем, что из биокосмических междометий (в широком смысле) родится биокосмический язык, общий всей земле, всему космосу. (Это, конечно, не эсперанто, последний — пустая затея, даже язык дикарей неизмеримо выше эсперанто, потому что органичен). Для нас крайне важны и выразительные свойства глагола. Разве мы, подобно футуристам, можем ограничиться только неопределенным наклоном? Мы слишком определенны и актуальны, и нам

слишком мало даже четверки наклонов. Десятки и сотни наклонов! Нам необходимо наклонение космоса и наклонение бессмертия!

Наш стиль начинается рядом. Ряд — это прямая или кривая, вычерчиваемая ходом творческого духа. Но ряд еще не метр. Метр — это внешняя схема, биокосмический дух вообще не укладывается в нее. Биокосмический дух вычерчивает иную схему. Как поэты мы имеем в виду ряды, построенные на биокосмическом ритме, который телеологичен, на жесте, на интонации, на мимике, на весе, на темпе и на температуре. Мы враги всякой данной стабилизации в языке. Нам нужен новый синтаксис, построенный на параллельности, пересечении, параболичности биокосмических рядов. Нам нужны предложения, творимые по принципам геометрии. Ведь грамматика только неудавшаяся математика. Мы решили быть Лобачевским в грамматике.

Мы рядотворцы, но ряды для нас только живые клетки для творимых организмов. Художественный организм — наша крайняя цель. Он не есть только агрегат рядов, но живое целое, в котором одни части кооперируются с другими. Слово в ряду, помимо своего содержания и содержания, обусловленного местом в ряду, в художественном организме оплодотворяется и расцветает более сложным — весом всего художественного организма. И все характерные признаки ряда в полной мере улавливаются, воспринимаются только в контексте, в художественном организме. Последний пульсирует и дышит, улыбается и хохочет, как совершеннейшая тварь. В нем наша высшая цель и глубокий смысл.

Смерть не устает, она ежесекундно вершит свое гнусное дело, казнит живущих. Поэт-биокосмист — это борец и певец в таборе восставших против смерти и против диктатуры пространства. О бессмертии и космическом полете, о воскрешении мертвых творит свои живые организмы поэт-биокосмист. И ему ли

быть идолопоклонником, когда он должен разрушить все капища и алтари. Ему ли хлюпать в болоте мелких дел, отсиживать канцелярские часы или торговать побрякушками, когда он должен разворотить тупые мозги, чтоб посеять в них зерна биокосмизма. Ему ли быть спокойным и бродить с закрытыми глазами, когда даже пятки его должны быть вооружены телескопами. Ему ли хныкать и дремать в колее меланхолии, когда его зовет величайшее творчество, о котором не грезил еще ни один творец, ни одна самая горячая голова.

Мы, биокосмисты, неразлучны в нашем движении. Но мы, как соратники, сходимся прежде всего у великой цели.

Но у каждого из нас свой индивидуальный путь. В биокосмизме, как нигде, креатор может развернуть свои личные бездны. Так, лично я имею в виду, между прочим, перепечатку типов, прошедших сквозь тысячелетия (адаптация), в частности — типов зверья. Типы зверья выше типов человеческих. Ведь и божеству было превосходнее представать в образе зверином, а не человеческом. Бог, воплотившийся в зверя, выше бога вочеловечившегося, Апис больше Иисуса. Центральным в зверье, Саваофом, является Петух. Ведь недаром последними словами Сократа были слова о Петухе. Также велик и Конь, раскрытый мною в «Евангелии от Кобылы», которое выше Евангелия от Иоанна. Нет высшей похвалы для человека, как сравнить его с конем. Так в сказке «Еруслан Лазаревич» находим: «Ивашко — сивый конь». Свой сборник «Жеребец» (1919 г.) я посвящаю так:

В знак нашего совместного ржання,
 Под смех тупых и гаденьких пигмеев,
 Стихеты эти в ясли сыплю я
 Тебе, мой друг, каурый конь Зикеев.
 Не менее велик интуитивный мудрец Пес:

...Что Бергсон? у него слепые глаза —
Не философ, а просто ерундит.
Я говорю: учитесь у Пса,
Вот первейший великий интуит.
Только ему развязан мешок
Незримо кругом наследивших тайн.
Берите у Пса бесплатный урок,
Став на четвереньки, изрыгайте лай.
Или — заплеванной, униженный и оскор-
бленный лик Свиньи:
Разве свинья супоросная
Не величайшее чудо?
Нежно вымя ее и розово,
Как утреннего неба сосуд...
.....
...Разве на вымя не похожа
Звездная чаша млечная?
И там и тут — все то же.
И вымя такое же вечное...

Заметьте, тут прием двуколейности, что характерно для биокосмических организмов. А вот из поэмы «Луна»:

...И лишь теперь,
Когда иное тесто
Курьерит на иных дрожжах...
Увидел он,
Что мяч земной и мал, и слишком тесен,
Что дух в биокосмических путях...

Замечу только, что здесь даны ряды, как намеченная бесконечность (строки 1 и 4). Они могут быть сведены до одного звука и умножены до $+\infty$.

Богатство рядов обуславливается прежде всего индивидуальным, богатством креатора, у которого высоко

развито Sprachgefühl¹⁸. Наша цель — за пределы языка, но пока биокосмическое мы разрешаем в пределах данного языка. Но мы уже творим ряды, как прорыв в космос, прорыв в бессмертие: ряды, как прорывы языка, как выход из языка.

В заключение пролога замечу о вульгаризации, к сожалению, неизбежной для биокосмизма. Испорченные теоретиками «пролетарского искусства», не ведая личного достоинства и честности, иные виршисты подхватывают наши великие идеи — и всячески треплют их. Правда, в смысле пропаганды биокосмизма, подобные барабанщики пока не бесполезны, пока «все годны в строй». Но... Словом, в «Креаторий биокосмистов» ворота открыты для всех, а чтоб быть поэтом-биокосмистом, необходим, прежде всего, честный, своеобразный и могучий талант.

Александр Святогор.

¹⁸ Чувство языка (нем.).

II. Статъи из журнала «БИОкосмист» (1922)

№ 1

Декларативная резолюция¹⁹.

Возникшее в анархизме в 1920 г. течение анархизма-универсализма явилось попыткой выйти из затянувшегося философского, социологического, политического и тактического кризиса анархизма, кризиса, особенно остро сказавшегося в ходе великой русской революции. Исторический анархизм, поскольку он базируется на устаревших научных и философских предпосылках, уже не может удовлетворить современное анархическое сознание. Кроме того, факт появления революционной советской власти, непредвиденный историческим анархизмом, заставил приступить к пересмотру вопроса о власти и государстве вообще и, не ограничиваясь принципиальным и безотносительным отрицанием, по

¹⁹ Этот текст почти целиком был опубликован также в газете: Известия ВЦИК. № 3 (1442), 4 января 1922. С. 3. Незначительные уточнения к Декларации включены в текст Письма в редакцию, опубликованного в «Известиях ВЦИК» (№ 128, 11 июня 1922). Это письмо мы включаем в приложения («От Секретариата К. Р. и М. А.-Б.»).

новому и положительно взвесить принцип революционной советской власти. В констатировании кризиса исторического анархизма, в новой оценке советской власти, как фактора, положительного — в этом историческое значение анархизма-универсализма.

Но, констатируя необходимость выхода из тупика, анархизм-универсализм не создал новой идеологической концепции, единой, определенной и стройной, могущей разрешить означенный кризис. Выдвинутая проблема не могла быть разрешена уже потому, что самый вопрос был поставлен неполно и неопределенно, — в результате «универсал» оказался универсально-политическим магазином.

Чтобы [не было] неустойчивости и неопределенности, мы биокосмисты, как активные члены ВСАУ и МСАУ²⁰ со времени их возникновения (декабрь 1920 г.) и как единственно правомочная ныне и политически ответственная группа анархистов-универсалистов, совместно с членом секретариата т. А. Святогором, утвержденным всероссийской конференцией а.-у., на объединенном собрании с членами клуба «Креаторий биокосмистов», постановили считать, что только биокосмизм может положить конец этой неясности и колебаниям.

Биокосмизм — это новая идеология, для которой краеугольным принципом является понятие личности, возрастающей в своей силе и творчестве до утверждения себя в бессмертии и в космосе. Существенными

²⁰ Имеются в виду Всероссийская секция анархистов-универсалистов (ВСАУ) и Московская секция анархистов-универсалистов (МСАУ). Сначала (осенью 1920 года) появилась МСАУ, возникшая после распада Московского союза анархистов (МСА), в ее секретариат вошли А.Л. Гордин, Г.К. Аскарлов и А.М. Шапиро. У МСАУ было свое издательство, организовывались лекции, был клуб, библиотека и столовая. Позже появились секции анархистов-универсалистов в провинции — они были объединены во ВСАУ. Кроме того, в ноябре 1921 года в обновившийся после ухода А.Л. Гордина секретариат ВСАУ вошел и сам Святогор.

и реальными правами личности мы считаем ее право на бытие (бессмертие, воскрешение, омоложение) и на свободу передвижения в космосе (а не мнимые права, провозглашенные в декларации буржуазной революции 1789 г.). При этом биокосмизм опирается на последнее завоевание науки и техники и в то же время стремится к их перестройке, а также философии, социологии, экономики, искусства, этики согласно своей великой телеологии.

В своем общественном творчестве мы опираемся на завоевания Октябрьской Революции, расчищая дорогу дальнейшему шествию революции и тем положительно способствуя закреплению и расширению уже достигнутых ею результатов. Цель культуры для нас предрешена. Поэтому мы не ждем никаких откровений от представительных учреждений парламентского типа и считаем их излишними. К советской системе мы относимся положительно, видя в ней государственную форму, революционным темпом переходящую от власти человека над человеком к власти человека над природой.

Наша тактика — прямое трудовое, легальное действие в направлении реализации великих целей биокосмизма. Ни в какие блоки с существующими промежуточными политическими группами мы не входим, что не исключает однако возможности совместного действия с отдельными личностями, поскольку они будут усваивать нашу точку зрения.

Мы считаем необходимым в своих организационных формах быть строго определенными и четкими, полагая, что расплывчатость и неясность безусловно вредны и не соответствуют нашей тактике. Поэтому дисциплину и организационное единство (централизм) мы считаем здоровыми принципами, особенно необходимыми в условиях нашего времени, когда не миновала угрожающая революции опасность. Чтобы гарантировать себя от проникновения контрреволюционных и подозрительных

элементов, мы в уставе своем оговариваемся, что прием новых членов обусловливается 8—12 месячным стажем и санкционируется центральным органом.

Принимая во внимание все вышеизложенное, собрание постановило:

1) С нашей точки зрения считать роль анархизма-универсализма исчерпанной.

2) Слиться с клубом «Креаторий Биокосмистов» в одну организацию «Креаторий Российских и Московских Анархистов-Биокосмистов».

3) Ввиду того, что существование провинциальных организаций а.-у. на прежних основаниях является дальше невозможным, предложить этим организациям в месячный срок сообщить в секретариат КР и МАБ свои соображения о способах выхода из кризиса в области идеологии и тактики; в случае непредставления этих соображений или неудовлетворительности их, соответствующие организации полагать распущенными.

4) Созвать всероссийский съезд анархистов-биокосмистов.

Поручить выполнение п.п. 2, 3 и 4 настоящей резолюции секретариату КР и МА-Б.

Секретариат КР и МА-Б:

А. Святогор,
П. Иваницкий,
В. Зикеев,
Э. Грозин.

Из нашей летописи.

Нам, как действующим, некогда быть собственными летописцами, тем более, что наши дела и дни будут, конечно, иметь своих Геродотов. Но теперь, когда

биокосмизм вышел на общественную арену, нелишне отметить главные исторические даты нашего движения.

Совершенно не случайно для нас, что первое печатное обнаружение идей иммортализма и космоплавания совпало с началом революции. Уже в февральские дни «Петух Революции» А. Святогора обозначил великий смысл открывшихся событий, которые не могли быть только политическими и социальными, но необходимо дерзали в космос, в бесконечность времени.

В 1918 г. новые идеи нашли себе место на столбцах «Анархии», в статьях А. Святогора, под общим термином «вулканизм». 16 декабря 1920 г. состоялось выступление А. Святогора с идеями биокосмизма пред большой аудиторией бывш[его] ресторана «Яр»; оно послужило началом длинного ряда публичных выступлений в Москве. Сразу же образовались две группы биокосмистов: поэтов и художников. Правда, в качественном отношении эти группы оставляли желать лучшего, но для нее было важно то, что идеи биокосмизма сразу нашли отклик, что они являются здоровыми дрожжами, на которых может вырасти «новое тесто».

С первых же дней нашего натиска на уши аудиторий мы далеко не церемонились с обывательским сознанием, и в этом усматриваем правильность нашей тактики. Мы ненавидим брюзжанье и меланхолическое покачивание головой, мы высмеиваем половинчатое благоразумие среднего человека, но мы ценим и приветствуем здоровую насмешку. Здоровая насмешка признак здорового духа, а, следовательно, и веселого духа. Те, же, кто ступил на путь бессмертия, кто решил, что «иной путь пора предписать земле», те уже не узнают судьбы и весело творят биокосмическое.

17 апреля 1921 г., под смех биокосмического остроумия, был основан «Креаторий биокосмистов» — клуб в 26 человек. Креаторий — несколько варварское словообразование, но разве мы не варвары, когда считаем всю

предшествующую историю человечества, как эпоху мелких дел, когда мы ненавидим всю буржуазную культуру, когда мы утверждаем, что из биокосмического духа должен родиться совершенно новый порядок вещей.

Так как биокосмизм должен охватить всю жизнь, мы не могли ограничиться территорией искусства и ударами по религиозному сознанию. Нам видится иная философия, иная техника, иная наука. Наша телеология должна определить собою также экономическ[ий] и хозяйственный уклад жизни. Вся жизнь, каждый день ее, каждый час должны строиться под углом зрения биокосмизма. Для нас было очевидно, что область политики есть область, в которую мы должны войти.

Определяя свое политическое лицо, мы увидели, что в своем общественном творчестве нам необходимо отправляться от Октябрьской революции. Мы предвидели эту революцию, мы первые приветствовали ее (о чем засвидетельствовал тогда же в печати В. Фриче²¹), мы усматривали в ней великий биокосмический смысл. В советской системе мы усмотрели форму государственной власти, революционным темпом переходящей от власти человека над человеком к власти человека над враждебными силами природы.

Определив себя, как политическую группу, мы публично выступили с нашими мыслями о революции, о со-

²¹ В.М. Фриче — известный в 1910—1920-е годы литературовед, академик по Отделению гуманитарных наук (история литературы и искусства). Автор книг: «Пролетарская поэзия» (1919) и «Социология искусства» (1929). О каком «засвидетельствовании в печати» идет речь, не очень понятно, но косвенное указание на биокосмистов может быть усмотрено в «Пролетарской поэзии», где Фриче подробно анализирует поэтический мир А.К. Гастева, сосредоточиваясь на «биокосмических» его мотивах: любовь к машине и к «иной технике» (Святогор позже обратится к гастевскому «Мы растем из железа»), предчувствие и приветствие катастроф, машинная «сдвигология» земли: «Мы сдвинем, мы сдвинем нашу родину — землю» (см.: *Фриче В.* Пролетарская поэзия. М., 1919. С. 86—110).

ветской системе, о профдвижении, о синдикализме, о кооперации. Но тут мы встретили противодействие, так сказать, внутреннего характера. Дело в том, что со времени возникновения анархизма-универсализма, мы, биокосмисты, небольшою группой состояли членами В. и МСАУ. Идеологически универсализм мы понимали как биокосмизм, на что мы имели неотъемлемое право, так как универсализм, как идеология, был крайне неясен и сбивался на синдикализм, мы же выдвигали стройную и в то же время действительно универсальную идеологию.

«Универсал»²² фактически являлся механически сшитой организацией, куда входили люди разных оттенков: анархо-коммунистического, синдикалистского и анархического просто. При отсутствии единой идеологической спайки, внутренний разброд был неизбежен, разложение таилось в самом начале и рано или поздно должно было сказаться. В то же время не было надежды, что из такого состояния идеологической неясности и неопределенности универсализм сможет выйти.

Встречая противодействие и оставаясь в меньшинстве, кстати сказать, искусственно поддерживаемом (конечно, не нами), мы решили предоставить все собственному течению, зная, что разложение организации, прежде всего по причинам внутреннего характера, неизбежно. Происшедший в конце октября арест части членов секретариата ВСАУ²³, послужил внешним обстоятельством, подчеркнувшим внутренний распад организации. Затем, в течение последних двух месяцев, очевидным

²² «Универсал» — также название журнала универсалистов, выходящего с февраля — марта 1921 года.

²³ Были арестованы, в частности, Аскарлов и Шапиро. Причиной для арестов послужило то, что анархо-универсалисты перешли от позиций лояльности большевистскому режиму к его критике «слева», указывая на реставрацию большевиками капитализма и заявляя о необходимости устранения частного капитала и государственной власти.

стало, что дальше существование организации, на прежних основаниях, невозможно, к тому же ей грозил захват и, следовательно, полная ликвидация со стороны других анархических групп, при поддержке отчасти самих членов ВСАУ. Это грозило уничтожением и того положительного в универсализме, что мы отметили в своей декларации. Поэтому мы во имя того, что есть лучшего и творческого в анархизме, и в то же время единственные носители универсальных идей, решили положить конец этой неопределенности и разброду.

Так возник «Креаторий Российских и Московских анархистов-биокосмистов».

А. Агиенко.

Наши утверждения²⁴.

Еще в первые дни и годы революции, выступая в печати и пред аудиториями с великими идеями иммортализма и космоплавания, я сводил их к немногим, далеко не полным, но все же достаточно определяющим наше лицо утверждениям. Важно было прежде всего бросить в сознание окружающих идеи в их основной обрисовке, в форме близкой к лозунгу, а то, что именуется научным и философским обоснованием, высказывалось постольку, поскольку в этом встречалась реальная необходимость.

Для нас первейшая ценность есть реальное бессмертие личности и жизнь ее в космосе. Эту ценность мы возвели в цель — и так получили нашу телеологическую концепцию. Наша философия есть прежде всего великая

²⁴ Текст публиковался также в сборнике: *Гройс Б. Русский космизм. Антология.* М., 2015. С. 156—160.

телеология, и все философские проблемы мы ставим под знак наших великих целей.

Мы положились на свой неистребимый инстинкт бессмертия, на жажду бесконечно великого творчества и доверились нашему биокосмическому сознанию, для которого мир реален объективно. Бытие — это бесконечная арена великой борьбы, которую ведет за утверждение своего максимального существования все то, в чем заложена индивидуальность и цельность.

Наша этика есть этика дела в направлении осуществления великих целей биокосмизма. Наши этические нормы определяются нашей целью (в чем мы совершенно противоположны, напр., Канту, которому казалось, что ценность и цель вытекают из нормы). Наша этика находит себе опору в нашей космологии: ведь если бы мир был гармонически законченным, готовым, то не было бы места не только для нашего, но и для любого дела.

На этих философских предпосылках, представленных здесь в крайне сжатом и неполном виде, базировались наши первые высказывания идей биокосмизма и сводились к следующим положениям:

1. Смерть принижает человека, разлагает человеческий тип: боязнь за свою жизнь рождает трусость, робость, низость, лживость, уродство. В то же время глубочайший корень социальной несправедливости, уродливой частной собственности, интериндивидуальных, национальных и классовых антагонизмов — лежит в смерти. Этот локализм во времени (смерть) есть извечная основа духовного и материального распада личности и общества.

2. Но человек носит в себе могучий неистребимый инстинкт бессмертия и поэтому никогда не может примириться с порядком смерти. Смерть настолько логически бессмысленна, этически недопустима, эстетически уродлива, что проблема бессмертия неизбежно

возникает в сознании личности. Не примиряясь со смертью, человечество искало спасения в религии и мистике, в надежде на бессмертие хотя бы в душе.

3. Теперь же, когда религия окончательно изживает себя, когда религиозное и мистическое решение проблемы бессмертия не может полагаться за реальный хлеб, когда биологически твердыни смерти поколеблены, человечество вплотную подошло к постановке проблемы реализации индивидуального бессмертия, как бессмертия личности во всей полноте ее физических и духовных сил.

4. Биокосмизм утверждает, что только в борьбе за индивидуальное бессмертие каждая личность и человечество в целом обретет полное освобождение, что эта борьба есть подлинная основа для духовного и материального объединения людей, что в этой борьбе личность и общество возрастут до небывалых размеров в своей силе и творчестве, в ней неизмеримо повысится человеческий тип.

5. Нужно заметить, что проблема личного бессмертия, или иммортализма, в биокосмизме рассматривается и как проблема воскрешения. Воскрешение, прежде всего, есть логическое завершение проблемы личного бессмертия, как гарантия от случайной, принципиально не неизбежной, смерти человека, уже утвержденного в личном бессмертии. Затем, проблема воскрешения есть проблема восстановления жизни прежде живших людей.

6. Наряду с проблемой иммортализма, биокосмизм выдвигает проблему интерпланетаризма. Если первый корень зла индивидуальной и общественной жизни лежит в смерти (локализм во времени), то второй корень этого же зла — локализм в пространстве, т.е. примат домашнего очага, родного города, родной нации и государства, своей расы. Даже интернационализм, в конечном счете, — только локализм во вселенной.

7. Человечество уже вплотную подошло к проблеме интерпланетаризма, ведь за эпохой воздухоплавания

непосредственно следует эпоха космоплавания. Интерпланетаризм — это проблема о том, как одолеть космическое пространство, стать гражданином космоса, активным участником космической жизни, своей умудренной волей регулирующим и трансформирующим движение космических тел, перестраивающим старые и созидающим новые миры.

8. Проблемы иммортализма и интерпланетаризма нельзя рассматривать отдельно одну от другой, или связывать их механически. Эти проблемы одна из другой вытекают, одна другую восполняют, представляют собою одно органическое целое, объединяясь в общем термине: биокосмизм.

9. Если в биокосмизме есть элемент фантастики, то наша фантастика не может быть целиком сведена к утопии. Биокосмизм опирается на последние завоевания науки и техники; поэтому фантастика биокосмизма достаточно созрела к тому, чтобы проблемы иммортализма и интерпланетаризма поставить в «порядок дня». Мы утверждаем, что биокосмизм — это новый максимальный план жизни для отдельной личности и в то же время для человечества в целом, и что к реализации этого плана необходимо приступить теперь же.

10. Утверждение наше, что уже пришло время к постановке проблем биокосмизма, как очередных задач реальной жизни, базируется на нашей оценке развертывающейся пред нами мировой борьбы угнетенных с угнетателями, труда с капиталом. Эта борьба имеет целью уничтожение классовых разделений, что, с нашей точки зрения, является необходимой предпосылкой к постановке проблем биокосмизма в их всеземной полноте. Затем, революция, несомненно, содержит в себе тенденции биокосмизма, и определение, собиранье и организация этих тенденций должна составлять важную задачу деятелей революции, хотя бы потому, что постановка проблем биокосмизма, как максимального

плана, теперь же, когда революция продолжается, необходимо будет способствовать победе революции и в первом смысле. Такая оценка революции дает нам возможность, не отодвигая осуществление идей биокосмизма в будущее, после революции, приступить к собиранию и организации биокосмических сил теперь же.

11. В борьбе за биокосмизм нельзя идти ни на какие подделки и соглашения религиозного или мистического порядка. Вместо бессмертия за гробом и бессмертия в духе, нашей целью мы выдвигаем бессмертие здесь, на земле, в реальном космосе, бессмертие личности во всей полноте ее духовных и физических сил. Поэтому к религии и мистике мы относимся непримиримо отрицательно. Точно так же, вместо мечтательно-поэтического, мнимого проникновения в космос, мы выдвигаем реалистический интерпланетаризм, как очередную задачу техники.

12. В борьбе за биокосмизм мы опираемся на последние завоевания науки и техники и в то же время стремимся к пересозданию их, а также философии, социологии, экономики, искусства и т.д. согласно нашей телеологии, т.е. содержание и форма этих культурных факторов должны слагаться под углом зрения великих целей биокосмизма. Вот почему биокосмизм означает начало совершенно новой культуры, нового порядка вещей, нового бытия.

Эти двенадцать положений составляют «Первую скрижаль биокосмизма», которая была и остается тем основным стволом, на котором, разветвляясь, ширилось и ширится наше творчество, наша пропаганда, наша борьба. Мы несем величайшее евангелие, и трудно осознать небывалую доселе грандиозность движения, которое должно охватить весь мир, и которое начинаем мы, биокосмисты, здесь, в России, в центре Великой Революции.

Доныне человечество было подобно людям древнего философа, которые пребывали в пещере, где видели только тени вещей. Ныне же, в лице биокосмического авангарда, человечество может быть уподоблено тем же людям, но уже вышедшим из пещеры, и увидевшим при солнечном освещении подлинные вещи, даже решившим взглянуть на само солнце. Мы утверждаем, что, если не теперь, то в недалеком будущем, человечество будет глядеть на себя и на мир нашими глазами и радостно пойдет под нашим знаменем биокосмизма.

Конечно, в нашем движении будут возможны ошибки, а нас, первых вестников и бойцов, б. м. ждет гибель. Но возможность даже крупных ошибок и неудач нас не смущает, как не смущает упорного завоевателя опасность даже длительных поражений. Тот, пред кем великие цели, кто твердо уверен в себе, кто смел, конкретен и четко выдержан, тот, в конечном счете, всегда победитель.

14 янв. 1922 г.

Александр Святогор.

О тактике. Статья первая.

В своей тактике мы должны базироваться на объективно-ясном понимании конкретной действительности и на точной оценке ее. Свое общественное бытие формально мы начинаем в пятом году революции, и потому, в смысле легкости понимания революционной действительности, находимся в более благоприятных условиях, чем те, которые начинали свои действия с момента начала революции. За нами лежит опыт других, и результаты его говорят о принципиальной безошибочности или ошибочности его.

В революции, как и в науке, прежде всего необходима строгая объективность в смысле понимания, оценки и строгого разграничения вещей. Это вытекает из существа революции, это необходимо в целях самой революции. Тут субъективизм недостаточен, ведет к импрессионистской оценке отдельных проявлений революции вне связи их с целым, и потому субъективизм, чем непомерно в течение революции грешили анархисты и эсеры, должен быть признан безусловно вредным.

Но опаснее всего вытекающее из крайнего субъективизма и граничащее порой с абсолютным невежеством *смешение*, соединение разнородного в одно целое. Мы имеем в виду непонимание того, что Советская власть по существу не может быть соединена знаком равенства с властью буржуазной. Только слепое мнение может не различать эти две вполне разнородные величины, полагая, что под термином «власть» всегда и везде мыслится одно и то же содержание.

Это смешение неизбежно влечет за собою самые вредные последствия — устанавливаются ложные цели и неверные методы, отчего получаются совершенно неожиданные результаты: тот, кто полагает, что он действует революционно, в действительности идет против революции.

Почти пятигодичный революционный опыт свидетельствует, что наибольшим объективизмом, в смысле понимания и оценки вещей, обладает коммунистическая партия. Это необходимо честно признать. То, что эта партия являлась и является единственной руководящей силой революции, что другие, претендовавшие на это руководство партии и группы, экзамена на этот предмет не выдержали (сначала анархисты, потом эсеры), свидетельствует в пользу объективизма большевиков.

Опыт революции подтвердил правильность основного положения коммунистов, что диктатура пролетариата

в переходное время необходима и целесообразна. И всем, кто действительно за революцию, даже самым крайним антигосударственникам, необходимо признать это бесспорное положение. Тут важно прежде всего признание принципа, формы же его применения — это вопрос обсуждения и критики, что необходимо в интересах правильности проведения самого принципа.

Текущая революция по своему размаху является мировой, по своему содержанию она представляет собою борьбу эксплуатируемых с эксплуататорами, труда с капиталом. Цель же ее лежит в уничтожении классовых перегородок. Эту революцию мы принимаем целиком, так как полная ликвидация классовых разделений является необходимой предпосылкой для постановки проблем биокосмизма во всей их полноте.

Но в своем понимании революции мы идем дальше. Мы полагаем, что корень социального гнета, в конечном счете, лежит в гнете натуральном. Поэтому для нас происходящая борьба труда с капиталом вырастает в реальный образ борьбы отдельного человека и человечества в целом с враждебными им силами природы. Восстание, борьба за свободу в политическом и социальном смысле всегда таит в себе восстание и борьбу против гнета натурального. А так как по своему размаху, содержанию и цели текущая революция не имеет себе равных в прошлом, так как борьба ведется в небывалых размерах с целью конечного освобождения личности в социалистическом смысле, то отмеченный нами момент в революции — именно устремление ее против гнета натурального, — обнаруживается несоизмеримо сильнее и ярче в текущей революции, чем это можно отметить в революциях прошлого. Для нас очевидно, что человек уже в плотную подходит к постановке проблем биокосмизма в «повестку дня», и совершенно не случайно, напр., то обстоятельство, что «биологически

твердыни смерти поколеблены» (омоложение) именно в дни текущей революции.

Такая углубленная оценка революции дает нам возможность, не отодвигая проблем биокосмизма в будущее, теперь же приступить к собиранию и организации биокосмических сил, к творчеству в биокосмическом смысле. Поэтому свое место в революции мы определяем, как место передового отряда в ней. То же обстоятельство, что Россия является авангардом мировой революции, дает нам основание характеризовать себя, как авангард авангарда мировой революции. И наша тактика есть тактика передового отряда революции, тактика прорыва революции из социальной сферы в сферу биокосмическую.

А. Агиенко.

Луна.

I.

Луна...
Что это — бог или светило
В полночь?
Или
Насмешливое рыло,
Засунутое в тучек ключья?
Или она
Удел одних поэтов,
Воителей в стакане,
Кастратов,
Чьи глупые куплеты
Безжизненны, как тени на экране?
Но мне ль,

Чьи широки ладони
 И в вечность устье,
 Вздохать Луне,
 Как отрок на балконе,
 В ветряном хрусте?
 И мне ль,
 Как псу на четвереньках
 Пред неба аналогом
 К ногам Луны,
 Взшедшей по ступенькам,
 Припасть в тревожном вое?
 И бледный лик,
 И грусть, и трель соловья —
 Как это тоще!
 О, мой язык,
 Дроби, казни бескровное,
 Будь злою тещей!
 Вся эта чушь
 Извечно повторяется
 Людской оравой.
 Но довольно!
 Луна отныне отменяется
 Биокосмическим уставом.
 Биокосмическим уставом
 Луна отныне отменяется.
 Но утверждается отныне
 Луна, как участковый огород,
 Который утром поливается,
 В котором возрастают дыни.

II.

Быть может в древности
 Великие богатыри
 Над ребрами Луны потели,

Но умерли —
И позабытые бугры,
Хоть плодородные, но запустели.
Быть может в древности
Брели Земля с Луной, как две в телеге клячи,
А вожжи были в лапах великана,
Но был провал, —
И мизерные выпали задачи
В удел Земле, в удел Луне — нирвана.
А человек,
Уйдя в земные дразги,
Тысячелетья был и узок, и убог,
И лишь теперь,
В чаду всемирной встряски,
Он захотел космических дорог.
И лишь теперь,
Когда иное тесто
Курьерит на иных дрожжах,
Увидел он,
Что мяч земной и мал, и слишком тесен,
Что дух в биокосмических путях.
И лишь теперь
Он понял, что культуру
Пришло продвинуть в неба свод.
И вот,
Отбросив облик хмурый,
Он на Луне разводит огород.

III.

Вот вам бинокль биокосмиста. —
Глядите: там, где было пусто,
Отныне,
На Луне,
Под кепками зелеными капусты

Жирея пухнут в огороде дыни.
А тем, кто скептик,
Чей пуп прирос к лежанке,
Кто дальше носа видеть не привык,
Тому десяток слив
На тонкой ветке, как приманку,
Уже протягивает лунный лик.
И это не мечта,
Не сновиденье,
Не выдумка горячая голов,
Тут все действительно,
Как чай с вареньем,
Как отпечаток каблуков.
Тут все действительно,
Хотя и смело.
Но ведь действителен лишь смелый взлет.
Сограждане,
Я вам даю космическое дело:
Полоть и поливать мой лунный огород!

Александр Святогор.

№ 2

Радость играющего зверя.

С тех пор, как предстали пред нами великие цели, мы твердим о великой правде и красоте. Мы твердим, что замызганные ассигнации необходимо заменить новым чеканом.

Но властны еще ходячие мнения, еще сильны чары мнимого, слишком прилипчивы общие привески. И как тут передать, что биокосмизм — это священнейший клич, что наш лозунг — это упругие мускулы и краснощекое здоровье, что в нашем девизе — чернозем и звезды, что в нашем кличе все: личность и свобода, коллектив и счастье.

Но вокруг мы видим признаки нового и в них находим опору. В самых разнообразных сердцах вырастает одно и то же чувство, одна и та же воля. Новые открытия и лозунги потрясают самые твердые столпы ходячих чеканов. Невозможное становится возможным, немислимое — мыслимым. Будто звезды сходят на землю, или земля сдвинулась со своей орбиты. Так еще никогда не было.

Биокосмический подъем свидетельствует о внутреннем сдвиге масс. Массовый голод по вечному, голод по

космосу — вот наша основа. В этом стремлении — залог грядущих новых и ярких достижений. Только желая в космос, стремясь в бессмертие можно вступить на путь великого творчества. Великое творчество вдохновляется широким размахом великих задач.

Биокосмический сдвиг масс усиливает наше чувство реальности. Он укрепляет наш порыв. Он свидетельствует, что предпринятая нами поездка по земле во имя бессмертия и жизни в звездах должна перейти в массовое движение, в крестовые походы, в переселение народов, в колонизацию планет.

Биокосмический сдвиг масс укрепляет нашу непримиримость. Наши удары по мнимому, срединному, зайцеухому должны быть метки и беспощадны. В этой борьбе не может не повыситься наша мощь. В этих ударах крепнет наш пульс, выказывая нашу своеобразную силу.

Смысл жизни и красота обретены. Все бесчисленные пути мы объявляем мнимыми. Потому что открыта подлинная дорога. Дали ее безмерны, необозримы. Красота ее непобедима. На этом пути не нужны ходячие ассигнации и мертвые привески. Этот путь — есть путь явлений сильных и широких.

Факел биокосмизма светит на гибель середины. Все, что исходит из традиции, что навязано шумихой, — необходимо отшелушить. Ведь биокосмизм — это новые шаги, это подвиги и трудные подвиги. Они явят стиль, нами пока предчувствуемый, они обозначат эпоху совсем иную, абсолютно великую.

Но для победы нужны силы. Нужен избыток силы радостной, играющей, ликующей. Тут хмурые физиономии бессильны, не нужны. Тут серьезные и только серьезные лбы недостаточны. Тут нужны всплеск, порыв, радужные брызги, наличность какой-то особой беззаботности, свободной отданности. Все это только в избытке силы.

Биокосмическое лицо улыбочиво, весело, на нем абсолютный смех. Смеющийся играет. Хорошее дело легко,

как игра, и улыбочиво. Великое дело требует великого игрока. Мы провозглашаем веселость и радость, как принцип. Да здравствует улыбка и смех. Мы утверждаем игру, как избыток силы, как внутреннюю свободу.

Утверждая игру и смех, мы уподобляемся ликующему зверю. Это совершенная правда! Мы даже хорошо не знаем, что прежде зверость или биокосмизм. Вернее — это один упруго смотанный клубок. Жажда личного бессмертия — это звериная, пышущая жаром любовь к себе. Это зубы и когти, чтобы защищаться, чтобы противостоять смерти. Это отвага безрассудная и хитрая. Это оборотство, чтобы обрести свободу. Это зоркость благородного хищника. Это быстрота птицы, переходящая в быстроту космического мотора. Вот почему мы провозглашаем звериность, бестиализм.

Нужно ощутить в себе зверя, взыграть и возликовать. Нужно учиться абсолютному нюху у пса, инстинкту у насекомых, хозяйственному добродушию у медведя, гедонизму у ящерицы, победе над темными силами у петуха. Но это особый зверь. Глубоко этический, высоко эстетический, аристократический зверь. А не какое-нибудь животное. Прежде всего аристократизм, но который обращается к массам, к человечеству.

Радость играющего зверя — вот точка отправления и стимул нашего движения. Это совершенно новое и в то же время прадревнее начало. Мы обращены к прадревней основе творчества. Она в нашем неистребимом инстинкте бессмертия, в нашем напоре в космос. Что-то древнеавилонское в наших днях. Какое-то новое звездочетство. Новой библии открывается первая страница. И Лазарь уже приготовился к выходу из могилы. И крепнет уверенность, что так будет, что так должно быть, что иначе не может быть, что так уже есть.

Но чтобы сложилась, связалась, сковалась новая эпоха — нужно, чтоб дело стало общим. Нам не нужны

зрители и клакеры. Нам нужны соучастники, сотрудники, соратники. Не подозрительное братство, но деловое соратничество. Только такое творчество проникнет все проявления жизни. Только такое творчество гарантирует победу над смертью. Биокосмизм должен стать массовым движением. В этом залог великого возрождения страны и земли.

Биокосмическое творчество победит. Потому что бессмертие и космос неотразимы и всеобщи. Эта победа может быть отсрочена — ведь путь труден — но она будет. Эта победа будет победой над разделением, над жуткой разобщенностью, что дала история в своих мнимых путях. Эта победа будет победой сказки и чуда. Победой космических моторов. Победой омолаживающего Штейнаха²⁵ и воскресающего Христа.

25 фев. 1922 г.
Александр Святогор.

АЛЬДОНСА²⁶.

Вы, куцые познатели вещей
С иконою нелепой донкихотства!
Альдонсы грубой эскадрон страстей
Вы именуете: «какое скотство».

²⁵ Эйген Штейнах — австрийский физиолог, который, руководя с 1912 года физиологическим отделением Биологического института Австрийской академии наук, прославился опытами по омоложению. Омоложение связывалось им с клетками Лейдига в половых железах и с операцией вазектомии (перевязка или удаление части семявыносящих протоков). Кроме этого, Штейнах практиковал пересадку половых желез животных людям.

²⁶ Альдонса Лоренсо — настоящее имя Дульсинеи Тобосской, центрального персонажа романа Мигеля Сервантеса; дама сердца Дона Кихота.

Вы тщетно в небо пялите зрачок,
Глашая всюду только пустозвонство.
Ведь вы за то, что запахи порток
Альдонса любит, плюнули в Альдонсу.

Она ж полна, доильница коров,
Дебелой силы в мускулах и чреве.
И ей равны все запахи духов
В лугах весенних и коровьем хлеве.

Приемлет мир она, как ни один мудрец,
Для всех она извечно двор заезжий,
И в рясе поп, и пастыри овец,
И даже Дон Кихот в ее уловлен mreжи.

А Дульцинея? — Лишь мечта и дым,
И ложь, и смерть — извечная нелепость.
Она, как сифилис, касанием своим
Разрушить тщится жизни смак и крепость.

Пора низринуть чары Дульциней
Во имя жизни, полноты и солнца.
За искренность, за истину страстей
Люблю тебя, прекрасная Альдонса!

Коровой пахнет милый добрый рот
И на руках навозные браслеты.
Люблю тебя за твой козлиный пот,
За дух земли, и нежащий, и едкий.

Ты — сила сил, упругость и полет.
Все победим, когда в тебя упремся.
Отныне должен человеческий род
Тебя любить, прекрасная Альдонса!

1920 г.
Александр Святогор.

Голод и биокосмизм²⁷.

Борьба за уничтожение классовых разделений, помимо общего смысла ее — осуществление социального равенства и всеобщего благополучия, — с биокосмической точки зрения приобретает новый глубокий смысл. Именно, социальное равенство уже не является последним пунктом на пути к лучшему порядку вещей, но уступает свое место идеалу личного бессмертия, вернее: идеал социальной справедливости восполняется биокосмическим идеалом иммортализма, и тем оплодотворяется новой силой, способной зажечь массы новым огнем энтузиазма на пути их в лучшую жизнь. Борьба за социальную справедливость необходимо вырастает в борьбу со смертью, с враждебными человеку стихиями природы. И обратно: борьба со смертью предполагает борьбу с угнетателями, потому что смерть действует всегда в союзе с имущими классами. Как угнетатель и палач, она щадит угнетателей и палачей и поражает сельский и городской пролетариат.

Наша точка зрения может казаться парадоксальной. Сознание, привыкшее колесить по знакомым рельсам, всякую свежую мысль всегда склонно причислять к лику парадоксов. Но чтобы смягчить парадоксальность новизны, следует новые положения облекать в плоть, доступную зрению и осязанию. Нам даже не нужно прибегать к такому воплощению. Плоть, действительность, лежит пред нами, у нас же только иная точка зрения.

Что же мы видим теперь и что слышим, как главное? Это — миллионы убитых голодом трупов. Это — матери, пожирающие своих детей. Это — крик о помощи. И крик о том, что голод необходимо победить, ибо от этой

²⁷ Текст публиковался также в сборнике: Н.Ф. Федоров: pro et contra: в 2 кн. Книга вторая. СПб., 2008. С. 411—412 (с сокращениями).

победы зависит судьба революции. Я же думаю при этом, между прочим, что традиционный образ смерти — скелет, вооруженный косою — уже отменен, что смерть слишком разжирела от сожранного ею мяса, что скелет ее давно покрылся гигантским слоем сала, что смерть необходимо представлять в образе заплывшей жиром свиньи, т.е. в образе буржуа. Угнетатель — буржуа — вот самый точный образ смерти.

...Вопрос о голоде теперь рассматривается, как вопрос социально-экономический. Дело сводится к тому, как изыскать минимально достаточное количество средств для прокормления 35 мил[лионов] голодных и как распределить эти средства. Вопрос чисто практический. Конечно, теперь только в таком практическом смысле и должна стоять на первом плане реальная борьба с голодом. Мы полагаем, что и при такой постановке вопроса революционная страна, в лице Советской власти, должна победить голод, потому что уже многократно она выказывала невероятную мощь, когда ставила пред собою ту или другую цель и на ней сосредоточивала свои усилия. Но в то же время мы считаем, что только практическая постановка вопроса борьбы с данным голодом недостаточна вообще.

Так, в борьбе с голодом недостаточно раскрывается великий революционный смысл этой борьбы. При нашем утверждении, что буржуазия является верной союзницей смерти, олицетворением смерти, смысл текущей мировой борьбы естественно углубляется, психологически обостряет эту борьбу, повышает ненависть к угнетателям и тем, кто с ними. Позорная роль буржуазии заграничной и особенно нашей, новоявленной, слишком очевидна в эту тяжелую годину. Возрастает и отрицательный смысл термина «соглашатели». Соглашатели — это союзники смерти. Так разве не явные соглашатели со смертью болгарские меньшевики,

когда они вносят в парламент предложение конфисковать закупленный в Болгарии для России хлеб?

В борьбе со смертью, за осуществление личного бессмертия, необходимо сорвать все маски и образы смерти и маски всех ее союзников. В том числе разоблачить религию и церковь. Нам слишком наивным кажется, когда, обращаясь к церкви с призывом помочь голодающим, ссылаются на евангелие. Это может тронуть лишь тех, кто недостаточно проникнут духом религии, которая всегда была и остается самой преданной союзницей смерти. Полагая бессмертие за гробом, церковь тем самым незыблемо утверждает смерть. Последовательная религиозная точка зрения должна рассматривать голод, как божье наказание, а против божественной воли церковь не может идти. И ссылки князей церкви на то, что церковные ценности имеют эстетическое значение и потому их не следует влагать в дело борьбы с голодом, — эти ссылки только хитрые уловки верноподданных смерти. Ведь церковь исповедует только Христа умерщвляющего, но не Христа воскрешающего. Заповедь Христа — «мертвых воскрешайте» — церкви пришлось не по плечу. Но Христос, как проповедник смерти во имя мнимого потустороннего бессмертия, вполне оказался приемлем для узкого и трусливого сознания церкви. Поэтому церковь всегда будет в союзе с теми, кто со смертью. Буржуазия, духовенство и соглашатели — вот три образа смерти, три союзника голода, — вот смертоносная троица, которую необходимо разоблачать в борьбе с голодом, необходимо победить на пути к реализации великих целей биокосмизма.

Голод весьма наглядно раскрывает ту правду биокосмизма, что основа распада личности и общества лежит в смерти. Пред лицом неизбежной смерти человек обращается целиком в до крайности раздраженный алчностью желудок, который в диком ужасе кричит о пище. Для такого желудка все человеческое не только обращается в нуль, но

вырастает даже в отрицательную величину. Разве не злейшей насмешкой прозвучит проповедь о любви к матери, гложущей кости своего ребенка? Там, где голодная смерть, личность и социальность рассыпаются вдребезги. Об этом каждодневно напоминает пресса. Это — свидетельство действительности, которое целиком подтверждает (якобы парадоксальные) утверждения биокосмизма.

Действительность подтверждает и другое основное положение биокосмизма, что только борьба со смертью является подлинной, единственно прочной основой для духовного и материального объединения людей. В прессе мы находим следующее о крестьянских комитетах общественной взаимопомощи в статье т. Владимирского («Известия», № 60). Разразился голод и «сама жизнь как бы поставила пред ККОВ²⁸ вопрос быть или не быть и останутся ли они надежной опорой крестьянства в необычно тяжелое время». Комитеты оправдали себя, они «самостоятельно проявили и продолжают проявлять широкую инициативу в деле борьбы с голодом. И надо заметить, что именно в голодающих местностях ККОВ особенно прочно стали на ноги и являют из себя могучую организацию», проявляя «громадную работоспособность» (курсив мой, А.А.). Мы считаем необходимым обратить серьезное внимание на то, о чем в своей статье т. Владимирский говорит вскользь, именно на то, что на основе борьбы с голодом, т.е. со смертью, общественная взаимопомощь вырастает в мощную организованную силу. В борьбе ККОВ с голодом явно чувствуются биокосмические тенденции. Последние необходимо всячески обнаруживать, раскрывать и непрерывно углублять.

Обсуждаемый вопрос не есть вопрос только о том, как практически ликвидировать данный голод. Вопрос необходимо поставить шире и практически и теоретически. Думать о ликвидации только данного голода,

²⁸ Крестьянский комитет общественной взаимопомощи.

значит рассматривать борьбу с ним, как нечто случайное. Но нужно помнить, что переживаемый голод хотя и является беспримерным в русской и европейской истории, все же он не первый и не последний. Поэтому борьба с голодом не может оставаться только эпизодической, но должна стать систематической. Голодовки повторяются периодически. У нас не с такой точностью, как в Британской Индии, где голод повторяется через каждое десятилетие вследствие недостатка муссонов. Но эта неточность еще в большей мере должна подстегивать нас в направлении систематической борьбы с голодом. Прежде всего важно предупредить голод. Стихийный голод может вспыхнуть неожиданно, как пожар. Поэтому у нас всегда наготове должны быть пожарные меры против голода. До сих пор ничего подобного в этом отношении у нас не было. Но должно быть.

У нас, как в стране континентальной, причина голода на востоке гл. о. — засуха, а на юге — сухие горячие восточные ветры. Если бы мы в достаточной мере располагали метеорологической техникой, чтобы во время вызывать необходимое количество атмосферных осадков там, где в них оказывается насущная потребность, если бы мы в достаточной мере могли воздействовать на ветры в смысле регулирования и управления ими, то голодовки, как стихийное бедствие, безвозвратно ушли бы в прошлое. Практически вопрос регуляции атмосферных осадков не является утопией. В Америке уже давно начали производить опыты по вызыванию дождя, и у нас этот вопрос поднимался в печати еще в прошлом веке (проф. Старков²⁹ и др.). Это дело необходимо приблизить к надлежащей практической постановке его.

²⁹ Речь идет о сообщении А. Старкова «Опыты вызывания искусственного дождя в Америке», сделанном им 3 и 31 октября 1891 г. на заседании Одесского отделения Императорского русского технического общества, членом которого был Старков. На эти «опыты» неоднократно ссылался Н.Ф. Федоров.

В конечном счете вопрос об управлении погодой есть вопрос всемирный, интернациональный, космический. Это — великое дело и требует широкого размаха в смысле сил, средств и территории. К нему необходимо приступить теперь, инициатива должна принадлежать «Очагу всемирной революции», тем более что этот очаг слишком поражен стихийным голодом, что должно особенно подсказывать и укреплять мысль о необходимости подчинить погоду воле человека. Кроме того, управление погодой, как дело всемирное, требует устранения классовых разделений и потому совпадает с задачами мировой революции и тем опять-таки должно усиливать ее, служить новым аргументом в пользу революции.

Выдвигая вопрос об управлении погодой, как меру предупреждения голодовок и ликвидации их навсегда, и подчеркивая революционный смысл этой задачи, мы в то же время в этом деле, в пропаганде его видим и дальнейшее биокосмическое значение. Управление погодой — это уже высокая ступень по дороге в космос. Владеть погодой, значит уже владеть отчасти космосом, потому что метеоры это уже небесные тела, и управление последними является преддверием к управлению собственно космическими телами. Управление погодой для нас является ближайшей задачей интерпланетаризма.

Необходим выход в космос в целях победы революции, в целях осуществления подлинного благоденствия земли. Связь с космосом дает невероятное могущество. Тут напрашивается мне такая немного случайная аналогия (Роденбах, *Le Carillonneur*³⁰). Бельгийский город Брюгге был могущественным городом, когда соединялся

³⁰ Жорж Роденбах — бельгийский писатель, известность которому принесла повесть «Мертвый Брюгге» (1892). Этому же городу посвящен и роман писателя «Звонарь» (*Le Carillonneur*, 1897), на который ссылается Святогор.

с морем. Когда же море отдалилось, наступило разрушение и смерть. Но уже один проект соединения города каналом с морем пробудил в Брюгге жизнь. Брюгге — это мы, земля, а море — это космос. Отрыв от космоса означает распад, разрушение, сумерки, смерть. Связь же с космосом — это объединение, творчество, жизнь полным током. Управление погодой — это канал, через который мы соединяемся с космосом.

Борьба с голодом в ее современной революционно практической постановке необходима. Но эту борьбу следует теперь же углублять идеологически в биокосмическом смысле. В последнем случае эта борьба, имеющая теперь только программу *minimum*, получит и программу *maximum*. Программа *maximum* и есть программа биокосмизма. Имея пред собою максимальный план, мы легче, успешнее осуществляем и минимальные цели. Вот почему биокосмические тенденции в борьбе с голодом необходимо подчеркивать, раскрывая пред массами их глубоко революционный и высоко человеческий смысл.

Март, 1922 г.
А. Агиенко.

В какую дудку?

Кто сердцем благ и во время пробрит,
Кто общею харчевней пьян и сыт,
Кто в общую дудит успешно дудку. —
Тем хорошо: и духу, и желудку.

Во мне ж коробится иная складка.
Так поперек пути торчит рожон,
Так в прорванный чулок маячит пятка,
Так пляс преступен в миги похорон.

Мне не чужды, о братья, ваши сферы,
Но ваш канон в мое не входит дно.
И лик Христа, и лик слепой Холеры
В моей божнице я женил в одно.

Глазам Христа и образу Холеры
Одна лампада и один псалтырь.
Молюсь на брюхе, подло лицемеря,
Как бес, пролезший в бабий монастырь.

Моя божница — новобрачных ложе.
Глядите, братья, как в огне лампад
Холера корчит сладострастно рожу,
В глаза Христа любви вгнетая чад.

Глядите, братья, мигнов слишком мало.
Любовница ли утолит уста?
Ночь первая любви последней стала —
Проколет ужас очи у Христа.

Что делать мне? Какой свершить поступок?
А сердце стынет. И такая жуть.
Холера блуд свершает с божьим трупом.
Скажите мне: в какую дудку дуть?

Александр Святогор.

К вопросу о космической технике (анемофикация).

В качестве материала к вопросу о новой космической технике, к вопросу весьма важного значения с нашей биокосмической точки зрения, приводим в выдержках,

статью В. Филатова «Анэмофикация (использование ветра)». («Известия», № 71).

Революционер конца 90-х годов, А. Уфимцев, вернувшись из ссылки, в Курске занялся изобретательской работой, руководствуясь идеей использования силы ветра.

«Его изобретение представляет следующую систему: а) ветродвигатель с натянутыми крылевыми поверхностями, б) фрикционная квадратно-меняющаяся передача, в) инерционно-кинетический аккумулятор, г) простейшие регулирующие механизмы».

Т.к. «сила ветра постоянно меняется», то «передача Уфимцева, принимая энергию с вала ветродвигателя, с оси непостоянного числа оборотов, передает ее равномерно на вторую ось, которая является рабочей осью ветростанции с постоянным числом оборотов».

«Но как бы ни хорошо регулировала передача порывы ветра, придет день, когда будет полное затишье» и вот «лишь только прекращается работа ветра или она делается слишком слабой, начинает действовать аккумулятор». По емкости силы этот аккумулятор равен электрическому, «но превосходит его простотой устройства и меньшей потерей при отдаче силы». «Самое характерное в нем — необыкновенная простота».

Филатов полагает, что изобретение Уфимцева «принесет новую экономическую эру». Ветростанция «средней мощности с колесом в 16 метров в диаметре при скорости ветра 4 метра в секунду даст работу 6,5 лош. сил, при 7 метрах — 33 лош. сил и при 10 — 100 лош. сил, ибо энергия ветра возрастает пропорционально кубу скорости». Такое количество энергии, доставляемой ветром, и в то же время дешевизна установки и оборудования ветростанции открывают новые заманчивые перспективы.

«Каждая деревня может соорудить такой ветряк, чтобы освещаться; поставят ветряк большой мощности

или несколько средних — будут зимой отапливаться, а летом двигать ими все машины; ведь теперь уже не будет опасности, что ветер стих: есть аккумулятор».

«Постепенно заводы, фабрики, города перейдут к ветряному освещению, ибо оно самое выгодное. Тогда не будет топливных кризисов, исчезнут из домов дым и копоть».

«Постепенное уменьшение сжигания топлива внесет серьезные изменения во всю жизнь», «вырубка леса на дрова почти исчезнет, и это принесет красивый пейзаж, сохранение влаги, удешевление всевозможных деревянных построек и поделок. Сейчас даже трудно учесть результаты этого изобретения: оно может принести то же, что принесла паровая машина Уатта».

В настоящее время «это изобретение всеми научно-техническими инстанциями признано подлежащим осуществлению, теперь остался лишь вопрос об ассигновании средств, и сравнительно небольших».

Свою статью Филатов заканчивает в надежде, «что это изобретение при правильной и широкой эксплуатации явится тем чудом, которое выведет Россию из экономического тупика».

Вполне разделяя эту надежду Филатова, мы, биокосмисты, выдвинув проблему интерпланетаризма, которая содержит в себе вопрос о новой космической технике, можем смело утверждать на примере изобретения Уфимцева, что ныне в технике уже наступает новая эра.

Идея ветряного двигателя, возникшая в древности, явно свидетельствует о космичности первобытной техники. Затем, постепенно, первобытно-космическая техника сменилась техникой каменного угля, но теперь, оплодотворившись идеями и достижениями последней и в то же время оставляя их позади себя, опять возрождается в небывалой силе и простоте, выказывая несомненные преимущества пред уже как бы обреченной на отход в прошлое техникой каменного угля.

Новая космическая техника знаменует собою не только наступление новой экономической эпохи. Она необходимо сливается с размахом и задачами Всемирной революции, углубляя и расширяя размах этот и задачи. В то же время она должна произвести коренной сдвиг и революцию в области духа, в результате которых должно возникнуть у массы биокосмическое сознание, пока еще характерное только для относительно немногих единиц. Уже та мысль, что тот свет и тепло, которым мы живем, есть результат гудящего за окном ветра, т.е. силы почти космической, которая нами если не покорена, то уже использована, и в то же время использована коллективно, невольно должна расширять наше сознание, социализировать его биокосмически, будить мысль и волю к победе над космосом и смертью. Вот почему изобретению Уфимцева необходимо оказывать спешное и всемерное содействие, и теперь же приступить к широкому распространению и эксплуатации изобретения, указывая не только экономические выгоды его, но и раскрывая биокосмическое значение этого «чуда».

30 марта 1922 г.
А. Агиенко.

Примечание: Редакция «Биокосмиста» располагает рядом материалов по вопросу о космической технике. В след №№ предполагается опубликовать статью П. Иваницкого «О ветряном двигателе Сенатова» и статью А. Святогора «Создание нового спутника земли».

Черта под интерпланетаризмом; дальше — на пути.

№ 3-4

«Доктрина отцов» и анархизм-биокосмизм³¹.

1. Для нас, как для поднявших знамя новой идеологии, история анархизма в революции интересна, прежде всего, со стороны его мысли. Мы коснемся основного русла этой мысли, которое хронологически слагается из двух периодов.

В первый период эта мысль встает перед нами, как безусловно верная «доктрине отцов». Этой доктрине она подчинена всецело и слепо. Как скованная традицией и некритическая, она едина, поэтому термин «единый анархизм» можно признать удачным для обозначения первого, некритического, периода.

Второй, критический, период слагается в силу неудачи немедленного скачка в анархию. Суровая революционная действительность (иной она не может быть) заставила приступить к пересмотру заветов отцов.

Оба периода обнаружили, с одной стороны, несостоятельность доктрины отцов, с другой — показали несостоятельность анархической мысли, как таковой. — В результате получился тупик, выход из которого, по нашему мнению, дан только в биокосмизме.

2. Анархическую мысль мы берем, как таковую, не касаясь причин (по преимуществу национально-исторических), в силу которых сложились ее основные черты. Мы, в данном случае, стоим вне задач причинного выяснения ее характера и, тем самым, вне оправдания ее

³¹ Текст публиковался также в сборниках: Н.Ф. Федоров: pro et contra: в 2 кн. Книга вторая. СПб., 2008. С. 412—418 (с сокращениями); Гройс Б. Русский космизм. Антология. М., 2015. С. 138—155, а также: Анархизм: pro et contra, антология. СПб., 2015. С. 775—787 (с сокращениями).

с точки зрения беспристрастного историка. Для нас очевидно, что в революции она оказалась несостоятельной, и потому, с этой точки зрения, она не может быть оправдана.

Основной характерной чертой этой мысли мы считаем ее слабость, незрелость. Все признаки младенческой мысли в ней налицо. В ней слишком слаб и примитивен критический элемент. Она бессильна самостоятельно мыслить действительность со стороны ее содержания. Она не умеет разбираться в смене впечатлений и событий, не умеет в них обнаруживать действие сложного комплекса причин и великих идей. Анализ ее касается только формы; он поверхностен и не реален. Таков же и синтез.

Мысль незрелая и слабая легко подчиняется авторитету. Чем слабее она, тем больше это подчинение, тем уже поле сознания, тем ниже самостоятельность. Анархическая мысль слишком подчинилась авторитету. Доктрину отцов она возвела в *vox dei*, и стала работой традиции. Правда, внешне она активна, но эта активность — активность того, в ком индивидуальность подавлена догмой, кто слепо доверился авторитету буквы.

Как слабая и подчиненная авторитету, она несамостоятельна, неоригинальна, однообразна, что особенно наглядно сказывается в ее внешней форме. Она в громкой и трескучей мантии междометий и фраз. Но как однотонна, избита, шаблонна и мертва эта фразеология. Ни одного живого слова, которое могло бы остановить серьезное внимание, обнаружить оригинальность или хотя бы самостоятельность поиска.

Такова, в основных чертах, анархическая мысль первого периода. В дальнейшем, под ударами разочарований, в ней заговорил критический элемент. Но от своего основного порока — веры в непогрешимость скрижалей прошлого — так и не смогла освободиться. Под прессом традиции она стала малокровной,

«доктрина» охолостила ее, лишила необходимых жизненных соков, чтобы самостоятельно выйти на новую вольную дорогу.

3. В «едином анархизме» следует различать два цикла: московский и украинский. Оба, при поверхностном взгляде на них, представляют собою как бы два различных по типу анархизма, но, по существу, особенно со стороны мысли, они настолько внутренне связаны, что каждый из них, отдельно взятый, будет недостаточно понятен, представляя собою только часть одного органического целого.

Московский цикл — это время агитации и пропаганды, время анархической фразы, получившей, в силу октябрьских дней, широкую возможность развернуться с трибуны и на газетных столбцах. Это время словесной критики Советской власти. Правда, тогда же, наряду с пропагандой и критикой путем слова, шла критика и пропаганда действием. Но действие, все же, не составляет центра тяжести этой поры, оно было как бы неотъемлемой тенью фразеологии.

Ликвидация московских организаций единого анархизма³² далеко не является ликвидацией единого анархизма, как идеи и действия. Потерпев неудачу на московской почве, единый, анархизм перекинулся на Украину³³, где пришедший в движение мелкобуржуазный чернозем оказался весьма благоприятным для эксперимента анархии. Что в Великороссии было, по преимуществу, фразой, то здесь становится действием. Но движущая идея

³² Имеется в виду, видимо, разгром Московской федерации анархистских групп (МФАГ) и разоружение Черной гвардии в апреле 1918 года в результате действий ВЧК.

³³ По данным В.А. Савченко, Святогор после разгрома МФАГ отправился «в Украину, где как анархист-подпольщик принимает участие в борьбе против австро-немецких оккупантов» (Савченко В.А. 100 знаменитых анархистов и революционеров. Харьков, 2008. С. 466).

остается той же. Она в утопической цели — во что бы то ни стало немедленно осуществить «царство свободы».

4. Московский единый анархизм сразу и целиком обнаружил все характерные признаки анархической мысли: ее внутреннюю слабость и безусловное подчинение доктрине. Освободившись в октябре от уз молчания, она двинулась по указке отцов. Она не остановилась, не задумалась над вопросом, какова же та действительность, в сферу которой она ворвалась. Не то, чтоб ей некогда было думать, ей незачем было думать. Думать было недопустимым недоверием по отношению к доктрине отцов. Она пришла не затем, чтоб самостоятельно, инициативно, учитывая время и место, размышлять и строить. Она пришла с готовыми принципами и мерой, сколоченными в прошлое время и в прошлой обстановке, пришла с твердым намерением действовать согласно указке прошлого. Вот почему для самостоятельной критики вовсе не оставалось места. Что же касается критики Советской власти, то это была критика доктринеров, простой пересказ подходящих страниц Бакунина и Кропоткина, а не самостоятельная оценка.

Отцы утверждали: когда придет революция, все сложится просто и легко в силу присущей человеку солидарности (Кропоткин) или справедливости (Прудон) или путем уяснения всеобщей выгоды (Фурье). Нужно все предоставить самому себе, и анархия, как могущественная и добрая богиня, выйдет из бури революции и утвердится на земле. Так, по методу Манилова, думали отцы; так думала и покорная им раба. Она не уяснила, что реальная действительность требовала иных методов размышления и действия. Она не сумела понять очевидной истины, что всякая попытка изменения существующего строя необходимо ведет к реакции со стороны заинтересованных в сохранении его, и что поэтому разговоры о присущей человечеству солидарности, о всеобщей любви, во время решительной борьбы двух миров —

не что иное, как вреднейшая иллюзия. Как слабая и как скованная традицией, она не смогла проявить самостоятельности в смысле оценки действительности и приложимости к ней учений прошлого.

Отцы были против диктатуры, значит, диктатура не нужна, вредна. Отцы отвергали всякую власть. Значит между революционной властью и всякой прочей властью должен стоять знак равенства. Базируясь на букве, анархисты обрушились на все мероприятия Советской власти. Они были против революционной дисциплины труда, против организации деревенской бедноты, против организации армии, чем засвидетельствовали полное непонимание задач революции.

И вот что характерно. Среди анархистов тогда не нашлось ни одного, кто бы самостоятельно вдумался в новую действительность, в приложимость к ней старой доктрины. Пресс доктрины настолько придавил индивидуальность, что от последней ни осталось ничего, кроме голоса, поющего в общем тоне. Вот почему в едином анархизме мы вовсе не встречаем оригинальных, самостоятельных людей. Пред нами проходит стадо, где, в лучшем случае, можно отметить только мелкие личности, почти неотличимые от общей массы.

5. С единым анархизмом мириться, особенно когда он вольно и невольно служил прикрытием бандитскому и белогвардейскому элементу, и терпеливо сносить его в революционной обстановке было нельзя. Но, потерпев неудачу в Великороссии, он перекинулся на Украину, чтобы там на деле довести себя до абсурда и тем исчерпать себя, как идею и действие.

Единый анархизм на Украине, это решительная попытка осуществить на деле доктрину отцов, создать анархический порядок вещей. Буржуазность социального пласта (крупное крестьянство), долженствовавшего взрастить анархию, не может вызывать сомнений. И в этом отношении реализаторы анархии несколько не

изменили теоретикам. Не только Бакунин, но также Прудон и Реклю выказывали особенную любовь к отживающим формам русского общинного хозяйства. Реакционность этой любви несомненна.

Интереснее и важнее всего, что опыт анархии привел к тому, что удачно и не без сарказма определено как «безвластное властничество»³⁴. Опыт анархии привел к власти, что уже выходило из всех пророчеств доктрины, что противоречило доктрине весьма решительно, что означало упразднение доктрины в силу ее практической несостоятельности, что обнажило весь ее утопизм. Корабль, сколоченный Бакуниным, Кропоткиным и другими, руководимый русской анархической церковью, вдребезги разбился на опыте анархии в царстве Махно. И разбился не в силу внешних препятствий, но в силу своей природы.

Корабль разбился, колокол старого анархизма потонул. По этому поводу на страницах анархической прессы прозвучал, как панихида, одинокий голос анархиста (неонигилиста): «мое глубокое убеждение, что укрепляет меня в мысли, что анархическая идеология треснула по всем швам, и никакие заплаточки, штопальщики не смогут, связать разорванное, это бесполезно»³⁵.

6. Неизбежность критического периода очевидна. Слишком крупны были неудачи, чтобы даже скованная авторитетом мысль не могла не задуматься. Предпосылкой к этому периоду является неудача единого анархизма на московской почве. Когда последний разворачивался на Украине, в Москве уже началась критика. Между прочим, эта одновременность неблагоприятно сказывалась на критике. Мысль, нерешительно ступившая на путь ревизии, не могла не присматриваться к тому, что

³⁴ Этот термин появился среди анархистов-универсалистов, см.: Яковлев Я.А. Русский анархизм в Великой Русской Революции. NY., 1922. С. 40.

³⁵ Неонигилист — А.Н. Андреев, публиковавший свои первые «неонигилистические» работы в анархо-универсалистской журнале «Универсал».

делалось на Украине. Вот почему, когда опыт в Махновии стал клониться к закату, среди критикующих послышались более решительные голоса.

Если первый период характеризует анархическую мысль, главным образом, со стороны ее упорного доктринерства, подчинения авторитету, фанатического действия по инерции, то второй период обнаруживает ее внутреннюю слабость, бессилие. Насколько в первый период она решительна в действии, настолько во второй период в своей критике она нерешительна, выказывает робость, трусость, творческое бессилие.

На путь критики она вступила не в силу глубоких разочарований в правоте своей идеологии, но под давлением внешних обстоятельства. Если идеология, в результате неудачи московского единого анархизма, дала трещины, то не настолько, чтобы не являлась мысль о заштоповании этих трещин. Нужны были дальнейшие неудачи, чтобы хотя [бы] у единиц образовалось сознание, что «анархическая идеология треснула по всем швам». Но когда пришли и последние неудачи, анархическая мысль не обнаружила необходимой силы. Дойдя до сознания (хотя бы у единиц) о банкротстве старой идеологии, она до сих пор остается в тупике.

7. Критические попытки, по их точке отправления, можно разделить на две группы. К первой относятся те, которые исходят из мысли, что старая идеология остается в силе, потому все критическое дело должно сводиться к пересмотру тактики. Вторую группу составляют отдельные высказывания, исходящие из мысли о необходимости основательного пересмотра не только тактики, но всей старой идеологии. Обе группы оказались несостоятельны. Если первая обнаружила несостоятельность своей критической предпосылки, то вторая — негодность своих выводов.

8. Синдикалисты первые решили, отказавшись от громкой фразы единого анархизма, перейти к положительной работе в строительстве нового общества, ступить на путь

массового рабочего движения. Но при этом они полагали оставаться верными «заветам своих учителей М. Бакунина и П. Кропоткина».

В результате получилось противоречие. Положительная работа в создании нового общества требовала признания основной предпосылки, которая могла обеспечить это строительство, т.е. признание диктатуры. Но заветы отцов гласили, что диктатура ни в коем случае не допустима.

Противоречие могло быть разрешено в том смысле, что учителя в свое время вряд ли могли провидеть объективно необходимые пути строительства нового общества. Но синдикалисты это противоречие разрешили в смысле верности заветам учителей. К тому же Украина питала их веру в эти заветы.

В результате благое намерение логически и практически должно было ступешваться пред буквой отцов, сойти на нет. Предприятие оказалось негодным, потому что мысль в своей критической попытке сразу же повернулась задом к поставленному вопросу.

9. Универсалисты пошли несколько дальше. Они поняли, что «иной должен быть подход к советскому государству», и в связи с этим ставили вопрос: «каково место анархизма в социалистическом государстве, каков его метод в нем?» Они признали, что старый анархизм не нащупал, не выяснил «метода анархического действия, анархической практики в социалистическом строе», почему анархизм в текущей революции оказался безоружным, с голыми общими лозунгами. Вопрос очевидно в том, чтобы найти новый «метод». Последний «не может быть копией старого метода, потому что иная среда, иные условия, иной строй». Его нужно искать, самостоятельно, «не надеясь на зарубежных товарищей», и не ища разрешения вопроса в «прежней литературе».

Вопросы эти были сформулированы довольно ясно, но недостаточно определенно к тому, чтобы на них могли быть получены удовлетворительные ответы. Нельзя же

считать, напр., за положительный ответ голую фразу, что «метод» должен быть синтетическим, «элементами которого могут быть синдикализм, кооператизм, классовое бунтарство и коммунизм». Как и на какой основе элементы такого винегрета могут быть согласованы, и не чувствуется ли здесь все тот же «единый анархизм»? То же и с «подходом к советскому государству». Мысль не разрешила, каким должен быть этот подход.

Мысль оказалась бессильной, потому что точка отправления у нее была та же, что у синдикалистов: доктрина отцов прежде всего. На вопрос, почему анархисты худосочны, бессильны, почему они топчутся на одном месте, универсалисты отвечали: «во всяком случае не потому, что анархическая идеология переживает кризис». Предваряя подозрение в новизне, универсалисты заявили, что универсализм отнюдь не новое учение, что старая идеология остается в силе.

Доктрина победила — и попытка оказалась несостоятельной. Ни нового «метода», ни определенного отношения к советской власти, ни места в строительстве новой жизни универсалисты не нашли. Метод оказался младенчески неопределенным, отношение к власти колеблющимся. И напрасно мы, биокосмисты, как меньшинство в организации универсалистов, утверждали, что только новая идеология может дать определенные и точные ответы на вопросы, поставленные жизнью. Мысль инертная, зачарованная традицией, к нашим утверждениям могла относиться только враждебно.

10. Из критических попыток второго рода первая принадлежит уже отмеченному неонигилисту, вторая — анархисту Дарани³⁶.

Неонигилист, взвешивая теорию и практику анархизма в революции, приходит к таким выводам: анархизм-

³⁶ Дарани — анархист-универсалист, автор заметок и статей в журнале «Универсал».

коммунизм «закрывает пред практикой жизни глаза и не сознает ее разумом», синдикализм «покатился по наклонной плоскости... и проживает последние, анархические ресурсы», индивидуализм же утопичен. «Единый анархизм», как синтез этих направлений, оставил от «анархизма пустоту», превратившись в царстве Махно в «безвластное властничество». В результате у неонигилиста «глубокое убеждение», «что анархическая идеология треснула по всем швам». Эти признания старого анархиста весьма знаменательны.

Такой итог является уже достаточной предпосылкой, чтобы, отринув отцов, на изначальной основе всех анархических теорий — личности, построить новую идеологию. Но и тут анархическая мысль осталась верна себе. Установив, что «никакие заплаточки и штопальщики не смогут связать разорванное и это бесполезно», неонигилист тотчас же скатывается в вульгарно понятого Штирнера, подогревая его приставкой «нео». Уже в этой приставке сказалось творческое бессилие мысли, способной только на громкую фразу.

11. Попытка Дарани более серьезна³⁷. Для него несомненно что «настоящий момент вскрыл до очевидности все дефекты старого анархизма», что «все области анархизма подлежат ревизии: и теория, и практика, и организационные вопросы». Что касается теории, то до сих пор нет «стройного цельного анархического миропонимания». «Последние данные социологии, экономической науки и социальной психологии» «для нас являются как будто менее всего ценными». Поэтому «научные и философские основы политического анархизма оказались чрезвычайно шаткими. Благодаря этому и учение о классовой природе анархизма слабо развито, что в свою очередь ведет к полной неясности в вопросе о месте

³⁷ Далее цитируется работа Дарани «В чем кризис анархизма?» («Универсал», 1921, ЛГ №5/6. С. 2).

и позиции анархизма среди других социологических учений». Отсюда: «одна критика современной действительности без ясного представления о созидательной деятельности — убога». «Недоговоренность о месте анархического строя в историческом развитии человеческого общества и об объективных условиях его осуществления ведет к невозможности ясно и обоснованно формулировать отдельные и ближайшие задачи и вопросы социально-экономического строительства». Столь же плохо дело и в организационном отношении. Таковы «в общих чертах дефекты старого анархизма». Их необходимо резко подчеркивать, — говорит Дарани — чтобы они были устранены, иначе «вместо анархизма мы будем иметь жалкое худосочное убожество».

Дарани не ограничивается одним подчеркиванием дефектов. Усматривая последние прежде всего в теории, он в этом отношении намечает выход. Прежде всего необходимо подвести под анархизм философский базис. Правда, старый анархизм не чужд философии, но он все еще живет наследием рационализма 18 века. Это наследие необходимо изжить, заменив его, по мнению Дарани, современной интуитивной философией.

Дарани прав, конечно, что в наше время неосновательно жить философским наследием 18 в. Но видеть выход в интуитивизме, не значит ли идти в ту сферу современных духовных исканий Запада, которые являются показателем крушения основ старого порядка, потрясенного духом революции. Старые идеалы разваливаются, исповедовавшие их умы, не имея силы принять новое, здоровое, стремятся к избавлению в духе, к непосредственному слиянию с абсолютным. Эти современные духовные искания легко вяжутся с философским интуитивизмом, обретая в нем опору. Видеть выход из тупика в интуитивизме, значит определенно идти в сторону противоположную и чуждую революционному классу, сознание которого трезво, бодро, реалистично, позитивно.

В поиске Дарани опять сказалась творческая импотенция анархической мысли. Этот поиск на себе носит все черты отживающего поколения интеллигенции, порядком зараженного интуитивно-мистической вермишелью³⁸.

12. Спор анархической мысли с революцией был спором утопизма с реализмом. Естественно, что утопизм оказался несостоятельным. Революция ударила носителей доктрины отцов прежде всего по тактике. Но, усомнившись в тактике, естественно усомниться и в теории. Мысль пошла дальше, к пересмотру идеологии, и вынуждена была признать, что доктрина «лопнула по всем швам». А раз так, то ни реставрация, ни реформа не помогут. Но анархическая мысль слишком подчинилась авторитету в ущерб самостоятельному творчеству. В доктрине она, в сущности, спасалась от собственной слабости. Как слабая и подчиненная авторитету, она в своих попытках выйти из тупика потерпела неудачу.

Революция обозначила не только банкротство современной анархической мысли. Она обозначила конец исторического анархизма, потому что новый дух уже не может удовлетворяться старыми концепциями узкими и отсталыми. Этим самым революция обозначила необходимость нового анархизма (теории и практики). Но разрешить кризис, создать новую концепцию и тем указать выход из тупика, может лишь тот, кто не зависит от традиции, кто свободен от авторитета, кто самостоятелен, революционно смел в своем творчестве и оценках.

Биокосмизм мы выдвигаем, как решительную, смелую и здоровую мысль в противовес трусливой и слабой

³⁸ Самая решительная попытка — попытка универсалистов-интериндивидуалистов (Гордин). Они признали, что «переходное время немислимо без диктатуры». Отсюда — положительное отношение к советам и радикальный пересмотр вопросов тактики и организации. Что же касается идеологии интериндивидуализма, то она во многих отношениях неудовлетворительна. Вопрос об «интериндивидуализме» мы оставляем до особого очерка. (Прим. Святогора.)

современной анархической мысли и как новую концепцию в противовес доктринам прошлого. Мы, конечно, не питаем особой надежды, что слабая, хотя и усомнившаяся в отцах, мысль придет к нам, примет биокосмизм. Она для этого слишком робка и мелочно самолюбива. Но мы имеем основания надеяться, что свежие, здоровые, бодрые анархические силы, прошедшие опыт революции, придут и уже идут к биокосмизму.

13. В огне революции построения старого анархизма испытания не выдержали. Но этот огонь не мог и никакой другой никогда не сможет испепелить основной стержень жизни — живую человеческую личность. Если воздвигнутые на этом базисе идеологические постройки, подвергаясь пожару, гибнут, то базис для новых построек всегда останется. В то же время на месте погибших зданий воздвигаются здания более вместительные, грандиозные, отвечающие требованиям времени, а главное, требованиям личности (и общества).

14. Новые постройки требуют расширения базиса. Понятие личности во всех старых анархических концепциях слишком узко. Сужение принципа личности — коренная ошибка анархических доктрин, в силу чего они с первых дней своего бытия были внутренне несостоятельны, и нужно было время, чтобы обнаружилась их иллюзорность.

В старом анархизме проблема личности не была должным образом поставлена. Любая концепция базируется на слишком однобоком, поверхностном понятии личности. Вместо живой личности бралось или социально-политическое лицо, или эгоист (Штирнер), или альтруист (Годвин). А то, якобы научно, устанавливалась малость человека (Кропоткин). Или бралась личность, как бунтарь, разрушитель и тем умалялось ее положительное — творчество, созидание. Словом, бралась не личность, но однобокая абстракция от личности.

Личность бралась в ее статике, в узко очерченном круге от рождения ее до смерти, но не в ее динамике,

не в росте ее творческих сил. По отношению к личности всеми анархическими доктринами смерть утверждалась абсолютно. (Странно, что анархическая мысль, протестуя против авторитетов, не восстала против авторитета «натуральной смерти»). Личность бралась вне ее глубочайшей жажды бессмертия, и, следов[ательно], вне подлинного творчества.

Старый анархизм имел, в сущности, не положительное, но отрицательное представление о личности. Ему казалось, что он утверждает личность, в сущности же он отрицал ее, выказывая дурное представление о ней, затушевывая живого человека, оставляя его в тени, подменяя абстракцией. Умалая человека и в то же время слишком предоставляя его личной судьбе, анархизм вел его к индивидуальной и социальной катастрофе.

Такова коренная ошибка всех анархических концепций, ошибка в основе. Корень был слишком тощ, и потому сами концепции тощи, однобоки, абстрактны, безжизненны, утопичны.

15. Мы утверждаем не голое индивидуальное сознание, не социально-политическое лицо, не эгоиста или альтруиста, не маску или абстракцию, но живую человеческую личность. Ее нельзя исчерпать целиком эгоизмом или альтруизмом. Ее не уложить в любую отвлеченную рамку. В основе ее лежит инстинкт бессмертия, жажда вечной жизни и творчества. Она растет в своих творческих силах до утверждения себя в бессмертии и в космосе. Новая концепция должна быть обнаружением, утверждением не абстракции, но живого реального человека.

Человек — это не маленькое существо со смешными претензиями на всеохватывающую беспредельность, как в свое время, базируясь на коперниковском перевороте в астрономии, quasi научно думал Кропоткин (также думал славянофил Данилевский, а ныне — нашумевший Шпенглер). Пред человеком (человечеством) открываются грандиозные перспективы, каких еще никогда не

было. Борьба со смертью уже не является принципиально невозможной (опыты Штейнаха, Андреева³⁹, Кравкова⁴⁰ и др.). Возможность индивидуального бессмертия (иммортализм) уже можно обосновать научно, а завоевания физики и техники дают основания к научной постановке космической проблемы (интерпланетаризм).

16. Высшее благо — это бессмертная жизнь в космосе. Высшее зло — смерть. Мы имеем в виду реальную жизнь и реальную смерть. Все другие блага заключаются в жизни, всякое зло коренится в смерти. Выдвигая свободу от «естественной необходимости», право человека на вечное бытие в космосе, биокосмизм является проблемой максимальной свободы и максимального права личности.

Высшее благо мы выдвигаем, как то, что необходимо реализовать, — как максимальное творчество. Мы особенно подчеркиваем творческий момент в биокосмизме. Личное бессмертие не дано, оно должно быть завоевано, реализовано, сотворено. Это не восстановление утраченного, как говорит библия, но создание еще не бывшего. Не восстановление, но творчество. То же относится и к завоеванию космоса. Иммортализм и интерпланетаризм — это максимальная, но не конечная цель. Это этапы и средства к безмерно великому творчеству. Но эта цель впереди — и потому она величайшая.

Наша цель (реализация личного бессмертия, жизнь в космосе, воскрешение) исключает мистику, которая

³⁹ Ф.А. Андреев — патофизиолог, наиболее активно исследовавший проблемы оживления организма, заложив основы реаниматологии. Первые опыты по реанимации животных провел в 1907—1911 году, используя «метод артериального нагнетания крови». Затем исследовал патогенез смерти, а в 1919 году применил свои методы оживления на умерших от сыпного тифа.

⁴⁰ Н.П. Кравков — основоположник советской фармакологии, экспериментировавший с «мумификацией изолированных органов», пытаясь сохранить жизненные свойства тканей при их высушивании.

бросает в хаос, в пустоту. Это — задача трезво реалистического сознания. Но мы ничуть не отождествляем цели с бытием, не базируемся целиком на данности, — иначе нам пришлось бы отказаться от свободы, от творчества, от личного.

Биокосмизм устраняет скептицизм, развязывает человеческое творчество, сообщая ему невероятную силу, могучий размах. Это маяк, к которому направляется человечество, это фундамент и руководящая нить личных и общественных дел. Это — масштаб человеческих действий. Биокосмизм и только он может определить и регулировать совершенную общественность.

17. Старое общество рушится. Оно переживает «бабье лето», отходит в сумерки, его ждет ужас ночи. Наша задача — создание новой жизни нового бытия, новой культуры на основе великих целей биокосмизма.

Современное (буржуазное) общество ведет к смерти, базируется на ней. На том основании, что сегодня личность смертна, оно утверждает смерть личности абсолютно. Оно глубоко развращено формулой: «смерть неизбежна». Эту формулу санкционирует религия и старое научное сознание. Эта формула погасила в человеке дух возмущения против смерти. Утверждая смерть и локализм в пространстве, современное общество тем самым санкционирует все зло социальной жизни. Если так будет продолжаться дальше, то человечеству грозит полное моральное и физическое вырождение. Такое общество должно быть разрушено до основания.

Общество должно быть построено на принципах биокосмизма. Утверждая основное право каждого на вечную жизнь, такое общество не может допустить деления на эксплуататоров и эксплуатируемых, на рабов и господ. Оно гарантирует максимум индивидуального развития и самоутверждения. Оно будет в высшей степени гармоничным, что вытекает из единства идеала составляющих его единиц. Когда идеи биокосмизма станут достоянием

каждого (противное невозможно), оно станет безвластным, ибо тогда основная идея общества каждым будет осуществляться свободно.

Мы утверждаем всеединство по отношению к нашей великой цели. Борьба за индивидуальное бессмертие, за жизнь в космосе — это — всеобщая воля. В то же время локализм во времени (смерть) и пространстве неодолим индивидуальными усилиями. Отсюда необходимость социальности. Только единение в великой цели гарантирует победу над смертью и космическим пространством. Борьба за бессмертие и жизнь в космосе — вот подлинная основа новой социальности.

18. В новом обществе люди объединяются не принуждением, но сознанием общности великих задач. Общество, осуществляющее интерпланетаризм, реализующее личное бессмертие, воскрешающее мертвых, — такое общество утверждается каждым, как осуществляющее высшее благо каждого. Общая максимальная цель исключает индивидуальную измену ей ради другой цели, всегда меньшей. Поэтому верность ей незачем обуславливать договором (Прудон и др.). — Здесь личная воля и дело имеют как бы бесконечное повторение в соратниках, в то же время каждый шаг к биокосмизму увеличивает индивидуальную мощь. Это общество — «орудие или меч, которым ты заостряешь и увеличиваешь свою естественную силу». — Как индивидуальность, так и общественность мы утверждаем более, чем кто-либо. Насколько маятник сильнее качнется в одну сторону, настолько больше его отклонение в другую. Насколько мы крайние индивидуалисты, настолько мы крайние общественники.

19. Новое общество это не маленькие общины или союзы, которые «не чувствуют потребности в увеличении своего размера» (Годвин и др.). Старый предрассудок и заблуждение о маленьких пространствах необходимо отбросить, как изживающий себя атавизм, как

наследие средневековья. Прежде всего максимум пространства (иначе мещанство). Лишь на огромных пространствах всеединство людей может осуществлять великие действия. Биокосмическое общество всеземно, интерпланетарно.

20. Биокосмическое общество максимально свободно. Поставленная проблема требует от человека страшной свободы. Человек (человечество) никогда так не предоставлялся самому себе, как в биокосмизме. У него нет надежды на бога, на загробную жизнь. Он стоит лицом к смерти, как обычной реальности, и это зло он должен победить без помощи извне (свыше), сам, вполне реальным, своим путем.

21. В биокосмизме люди объединяются, как соратники, ибо соратничество наиболее творческое взаимоотношение. Соратничество противоположно братству, как нетворческому взаимоотношению. В братстве отношения даются наперед, предрешены природно, потому здесь нет творчества. В соратничестве ничто не дано, но достигается, создается. Братство — консервативный, нетворческий, изживаемый принцип. В вашем боевом напоре в бессмертие и космос мы утверждаем не братство, но соратничество⁴¹.

⁴¹ Невежды, понаслышке знакомые с «философией» Н. Федорова, и враждебные нам элементы не прочь упрекать нас в близости к Федорову. Оставляя «философию» Федорова до специального очерка, заметим пока, что биокосмизм возник совершенно самостоятельно, вне знакомства с этой «философией», а в дальнейшем, ознакомившись с нею, мы увидели, что она нам совершенно чужда.

Ф-ов, согласно чуждому нам религиозно-платоновскому дуализму, исповедует два мира — один совершенный, божественный, другой человеческий, в который, согласно библии, вошла смерть, и дело человека сводится к борьбе со злом, со смертью, в форме восстановления праха отцов. Мы же, зная один реальный незаконченный мир, исходим из реализации личного бессмертия живых и интерпланетаризма, базируя прежде всего на этом наше «общее дело»,

22. На пути к биокосмизму мы опираемся на революцию, на действие и пафос революционного класса. Биокосмизм родился в бурном взрыве революций, мы

воскрешение же отодвигаем на третье место. Для Ф-ва проблемы реализации личного бессмертия (центральной в биокосмизме) вовсе не существует, и все сводится к воскрешению, все исчерпывается им, подчиняется ему. Воскрешение — единственный пункт, в котором мы пересекаемся с Ф-вым, но это лишь внешнее пересечение в термине, но, по существу, здесь у нас с ним столько общего, сколько с любым попом, говорящим по-своему о бессмертии, т.е. ничего общего нет. Воскрешение понимается им крайне наивно, в самой грубой форме материализма — атомизме, как архиутопическое собирание расплывшихся атомов «в тела отцов, какие они имели при кончине» (что, в сущности, отнюдь не устраняет смертности восстановленных тел, представляя собою сизифову работу). Это не творческое преображение, но механическое восстановление. Мы же исходим из чуждой Ф-ву идеи творчества. Биокосмизм, не ограничиваясь практикой в пределах существующих законов и свойств материи, ставит целью изменение самих законов бытия, материи творческою силою человека (без соловьевски-трубецковско-беловской благодати свыше). Лишенная идеи творчества, утопия Ф-ва нам органически чужда, что, между прочим, выражается в нашей отрицании дорогого Ф-ву «братства», как нетворческого взаимоотношения людей, и в утверждении сораотничества.

Представление о двух мирах, божественном и человеческом, привело Ф-ва к полному оправданию царизма. Его «философия» — последняя (довольно архаическая) попытка спасти царизм и православие. Ф-в был порождением православия и царизма, в форме несложной и спутанной программы уездного учителя. На этой программе «закона божия» и легкого знакомства с естественными науками построена вся его «философия». Тут божественное и человеческое смешаны в неразрешимом и незамечаемом им противоречии и непоследовательности.

Революция обнаружила всю абсурдность попытки Ф-ва спасти царизм и православие. И от «философа» ничего не осталось, если не считать живых мертвецов от интеллигенции, уныло посвистывающих в дудку национально-кадетской «философии», да немногих «федоровцев». Если для первых Ф-ов лишь один из аргументов в пользу их «программы», то для других, как для эпигонов, он — шаткая библия, обрекающая их на безнадежное балансирование между православием и атомизмом. (Прим. Святогора.)

неотделимы от революции, и в ней наша опора. Биокосмический порядок вещей явится в результате победы революции. Целью революции является уничтожение классов, что составляет необходимую предпосылку для постановки проблем биокосмизма во всеземной полноте. Но биокосмизм, как максимальная программа, уже теперь необходимо может способствовать единению, воодушевлению, победе революционного класса.

23. Считаю, что на пути к биокосмизму будет изжито государство, мы в то же время подчеркиваем необходимость положительного отношения к советской системе. Советское государство нельзя смешивать с государством буржуазным. С одной стороны, советы — необходимая организация революционной борьбы против старого мира. С другой — они являются носителями функции, борьбы с природой, т.е. содержат в себе тенденцию к биокосмизму.

В переходное время советы, конечно, не могут целиком стать органами борьбы с натуральным гнетом. Они должны выполнять функцию борьбы со старым миром, в форме диктатуры (в переходное время диктатура необходима и целесообразна). Отсюда неизбежно некоторое принуждение, но это принуждение совсем иного порядка, его нельзя расценивать, как принуждение в буржуазном государстве. Все возражения против государства, как системы насилия, подавления индивидуальной свободы и т.д., по отношению к советскому государству не имеют смысла.

Старая форма государства отходит в прошлое. Новая советская форма является иной по своим целям, путям. Советская система, в принципе гарантируя освобождение человека от ига внешней природы, уже теперь способствует росту личной сознательности, освобождая личность от ига традиции. Возрастает сознание личной свободы и ответственности, как результат советизации, связи. В советах люди связываются в силу сознания

важности, совершающейся борьбы, которая требует выдержки и дисциплины. В советах человек учится уважать другого и самого себя, а буржуазное общество, как общество господ и рабов, исключает должное взаимное уважение.

Мы полагаем, что, поскольку функция борьбы со старым миром, по мере побед революции, будет отпадать, постольку в советском государстве будет возрастать функция борьбы с гнетом натуральным, и что обе функции, обозначая путь к биокосмизму, подсказывают постановку проблем иммортализма и космоплавания теперь же в повестку дня.

Александр Святогор.

Три штиля.

Биокосмизм, как художественное направление, в корне отличен от современных поэтических школ. Прежде всего идеологически. Символизм (и имажизм⁴²), как идеология, исходит из той гносеологической предпосылки, что реальность доступна сознанию только в форме символа или образа («мир, как представление»): гносеология дворянина, хуторянина, обывателя. Мы же гносеологически утверждаем реализм, для нас вещь есть вещь, и в этом наше здоровье и сила. Футуризм в чистом виде, как он дан у Маринетти (мировоззрение капиталистически бодрое, как этика буржуазного гедонизма) по природе своей чужд революционному классу и биокосмизму. Российский футуризм, в сущности, футуризированный символизм. Остальные поэтические группировки,

⁴² Имеется в виду, вероятно, имажинизм — литературное направление, заявившее в качестве основной своей задачи «создание образа»; его представителями были Мариенгоф, Шершеневич и Есенин.

несмотря на все обилие их, идеологически совмещаются с футуризмом и символизмом. Они нам совершенно чужды.

Гносеологически мы реалисты. Наш метод художественного «познания» мира — не фабрикация символов или образов. Мы знаем вещь, как вещь, и если пользуемся образом, то он для нас только один из многих приемов конкретизации и архитектуры наших художественных вещей. — Но центральной проблемой в нашей идеологии является этика, как творчество в направлении великих целей биокосмизма. Поэтому, хотя мы утверждаем действительность как вещи, но не базируемся целиком на ней, не исходим из данности, но руководствуемся великой целью. Наш мировзгляд — телеологический реализм, чем обуславливается наше отношение к языку, наш штиль.

Мы утверждаем высшую динамику жизни, динамику к великой цели, и потому для нас современный стиль (символизм, футуризм и пр.) слишком архаичен, чересчур классичен, реакционен. Но, учитывая современную обстановку, характер окружения и задачи пропаганды биокосмизма, мы не пренебрегаем современным стилем, издеваясь над ним и ломая его. Не пренебрегая им, мы имеем в виду некоторый революционный результат. Содержание наше слишком противоречит этой форме, обнаруживая фальшь и реакционность ее через контраст с нею. Биокосмическое содержание не укладывается в эту форму, ломает ее. Но и тут очевиден наш прием пользования словом, как вещью.

Слова мы берем не как символы или образы, но как реальности, вещи. У нас нет искания образа в слове, раскрытия его в корне слова, «обличения вещей невидимых». У нас нет этой мистики языка, что придает нашим «стихам» трезво реалистический (но отнюдь не мистически-образный) характер. Это и не натурализм, раз мы отправляемся не от данности, но от цели.

В «Биокосмической поэтике» мы объявили, что, «наши основные понятия стиля вытекают из биокосмического идеала», что «центр нашего внимания не отдельные слова, но *ряды слов*, не столько этимология, сколько синтаксис», что «нам нужен новый синтаксис». Биокосмизм вообще утверждает крайнюю индивидуализацию и в то же время максимальную социальность. То же и в языке: индивидуализация и новая социальность (синтаксис) слов. Первое и второе единовременны, органически едины, одно из другого вытекают, одно другим подтверждаются. Но это особая, биокосмическая индивидуализация и социальность слов.

Есть индивидуализация образно-символическая (мистическая); слово индивидуализируется через раскрытие, воскрешение его первичного значения; утверждается образ слова, вне его «социальной» связи. Такая индивидуализация обнаруживает все признаки мещанского партикуляризма в языке. Она, в сущности, исключает высшую социальность слов (интерпланетаризм), узаконяя самое большее только общину слов (эсеровщина стиля).

У нас индивидуализация не через воскрешение — восстановление (не — творчество) образа слов. Но: творческое воскрешение слов, точнее: творческое омоложение слов без всякой мистики, строго реалистическое, под знаком великой цели. Индивидуализация через *ряд*, через новую конструкцию рядов (новый синтаксис), через организацию рядов в «художественные организмы».

Если наша индивидуализация слов выражает иммортализм в языке, то примат «художественного организма», как целого, выражает интерпланетаризм нашего стиля

Иммортализм и интерпланетаризм языка, стиля — вот наша точка зрения. Она ведет к революционному освобождению от привычек языка (главным образом синтаксических), ведет к новому, биокосмическому стилю: 1) СТИЛЮ творимому уже теперь и к 2) стилю предчувствуемому, грядущему.

Итак, мы утверждаем *три* штиля: А, В и С.

А — в пределах данного языка, как пропаганда и контраст (содержание противоречит форме).

В — ломка привычек языка, выход из данного языка, — ныне творимый штиль (индивидуализация слов, интерпланетаризм стиля).

С — предчувствуемый, отчасти уже творимый штиль, как междометие (в широком смысле) бессмертных соратников в космосе и встающих из МОГИЛ.

Отсюда, (помяная 2 1/2 Интернационал), легко представить штиль А 1/3, А S, А 2/3, В 1/3 и т.д.

Примеры: 1) Штиль А — Нами опубликованные художественные организмы.

2) Штиль А S — «Луна» (см. «Биокосмист» № 1).

3) Штиль В — Вот отрывок из нашего (А. Святогор) (1921 г):

Времени до.

Дзет некто —
 Стать ему биокосмистом —
 В лет 20
 Оцеживал крик Петуха.
 Прежде ступить чем
 Эту на стезю —
 Должное на расстояние
 То отшвырнуть
 Душой исжито что
 Хламу что.
 Дырявую точно калошу
 Уже заплат для непригодную
 Ненужную
 Хотяб что лето
 Сухая и погода —
 Чрево Дзет в помойное
 Швырнул Заратустру.

Это сверхчеловек
Случае сорт даже в лучшем
Только второй.
Оно времени до приятная
Игрушка только
Ударами обруч управляемый палки.

Июнь расмяк
Собаке пластом подобно.
Нет ему
Ни Заратустры до
Ни Дзета до —
Стать ему биокосмистом. —
Шутка ведь не
В уже цвести закончено
Вгнетать материю
Солнце на
Колос в ржи каждый.
Пот хвостом слегка
Мух и отмахивал
Назойливых и
Более
Сверхчеловеки чем вместе.

Или у В. Зикеева: «спицами звезд — пожарным лестницам как», «земли ощутить не — ткнетесь взрывать когда», «бы упереться звезды» и др.

Александр Святогор.

III. Из сборника
«Биоокосмизм
(Материалы № 3)»
(1922) *

* Второй номер «Биоокосмизм (Материалы)» (1922) включает в себя два текста Святогора из № 3—4 «БИОокосмиста» («Доктрина отцов» и анархизм-биоокосмизм и «Три штиля»).

Биокосмический интериндивидуализм.

Гордин, говоря об интериндивидуализме⁴³, уверен, что эта новая идея преодолевает противоречия между индивидуализмом и коллективизмом, так как в интериндивидуализме совпадут воли отдельной личности и коллектива. Не тут-то было. Ведь «гордины» не знают, что такое индивидуальность — и что такое великая и единственно возможная социальность — биокосмизм.

Что такое индивидуальность? То, что предлагает под этим именем Гордин — всего лишь жалкая мещанская индивидуальность, которую можно определить лишь через собственность. У меня в собственности, в моем распоряжении находятся те или другие черты, те или другие мысли и переживания. Они мои, они — моя индивидуальность. Это моя собственность! — говорит интериндивидуалист, — и пусть все человечество будет ее отражением! Но что такое человечество, коллектив? Это та же индивидуальность, описываемая через собственность

⁴³ Аба Гордин обнародовал концепцию интериндивидуализма в издании: *Гордин А.Л. Интериндивидуализм. М., 1922. См. также: Через социализм к анархо-универсализму. 1921. № 2.*

и принадлежность: человечеству принадлежат те или другие черты, позволяющие ему, кстати говоря, считать себя царем природы, считать себя образом и подобием бога, считать себя центром мирового здания. Поэтому, когда Гордин проповедует упразднение всей и всякой (а не только частной) собственности⁴⁴, нам слышится уклончивое лукавство. Собственность сохраняется как принцип присваивания, как принцип тождества индивидуальности и социальности.

Мы всегда говорили об индивидуальности как о великом динамизме. Мы говорили не о тождестве, но об оборотстве и бестиализме. Мы кричали. Долой собственность! «Собственность есть кража» — но и не только, этого мало! — собственность есть прежде всего остановка, отмена динамизма. Вы несетесь во весь опор, жизнь в своем инстинкте бессмертия несется во весь опор — и врывается в неожиданную стену — собственность! Лоб расшиблен, грудь смята, ребра сломаны — собственность! Жизнь скована низкой температурой, скована льдом — собственность! В биокосмизме же даже земля не равна себе, она приходит в движение и взвуканивается.

Поэтому оборотство и бестиализм. Мы говорим, что человечество — это не собственник, но способность обращаться — вставать на четвереньки, лаять и кукарекать. И тем поднимать к восстанию саму материю, само вещество. Ведь и материя устает — так и появляются гординские мещанские индивидуальности — но она и взрывается бодрым смехом — и на стороне этого животного смеха биокосмизм. Эти содрогания отменяют собственность, даже внутренние органы выпрыгивают из биокосмических тел и обретают свободу индивидуализации! Органов всегда больше чем тел, и тело не единственно-возможная организация органов.

⁴⁴ Об этом см.: *Гордин А.Л.* Анархо-универсализм: к обоснованию программы. М., 1920.

Уже Броун-Секар⁴⁵, Штейнах и наш Воронов⁴⁶ переносили органы и жидкости животных (морских свинок, собак, шимпанзе) в человеческое тело. Но пока все это еще вопрос собственности, торговли, мелочной наживы (Воронов обслуживает миллионеров). Потому что речь все еще идет о присваивании, а не о свободе. Но даже в этих экспериментах заявляет о себе научная правда оборотства и бестиализма. Звериная молодость и собственность несовместимы. Свобода и собственность несовместимы. Бессмертие и собственность несовместимы. Поэтому биокосмист отказывается от собственности на животность, поэтому мы и обращаемся к человеку как к животному («мой друг, каурый конь Зикеев»), а к животному как человеку и даже как к богу — вот смысл нашей вертикали — она вертится. Поэтому для нас так важны египетские боги: ведь у них звериные головы.

Но сейчас, скажут, животное в производстве заменено технически. И многие также думают, что техника у нас в собственности, что мы ею владеем. Но когда биокосмист говорит о телескопах в пятках, он говорит о том, что нужно и технику освободить, что техника — это тоже жизнь. «Мы растем из железа!»⁴⁷ — но и железо растет из нас!

То, что на наших выступлениях слушатели часто смеются, считая нас сумасшедшими, — это не новость.

⁴⁵ Шарль Броун-Секар — французский медик, прославившийся исследованиями состава крови, животной теплоты, устройства и функций спинного мозга, а также ставивший опыты по омоложению (первые сообщения о них появились уже в 1889 году) на самом себе, впрыскивая под кожу экстракт, извлеченный из яичек морской свинки и собаки.

⁴⁶ С.А. Воронов — французский медик русского происхождения, ученик Броун-Секара, продолживший его исследования и до сих пор имеющий в научных кругах весьма двусмысленную репутацию. Воронов был прототипом профессора Преображенского в повести М.А. Булгакова «Собачье сердце» (1925).

⁴⁷ Название произведения А.К. Гастева, вошедшего в состав поэтического сборника «Поэзия рабочего удара» (Пг., 1918). Текст «Мы растем из железа» был опубликован также в № 84 газеты «Анархия».

Но это не смех, а злобные смешки мертвецов, которыми слушатели наши часто хотят удержать себя в руках, не растеряться. Это не смех кобылы. Это не ржание коня. Это не тот смех, который мы хотим услышать. Вот если бы на фабрике мы произносили свои стихеты машинам и станкам, и те засмеялись — вот это была бы новость. Мы поем смеющиеся машины! Биокосмист прыгает и крутится со смеющимися машинами! Биокосмист и есть смеющаяся машина! Машины кое-что понимают в социальности, в связи — они учреждают свободу соединения и разъединения. И мы учимся этой социальности у машин.

Биокосмический интериндивидуализм делает упор не только на индивидуальности (которая есть динамизм и взрыв), но и на «интер», на промежности и промежуточности. Наш интериндивидуализм должен бы называться интеринтернизмом, в котором есть различие между двумя «между», различие в повторении между. Здесь, в этой промежности бьется биокосмическое сердце! Здесь, в этой промежности, наши слова черпают краски и разрумяниваются!

У нас все румяное. Даже техника у нас румяная. Только румяная техника соединяет жизнь с космосом, планету — с планетой. Поэтому мы и редко говорим об интериндивидуализме, но говорим: интерпланетаризм.

Планеты правильно были названы странниками.

Интерпланетаризм возвращает планетам их странничество. Взвулканивает их, срывает с их унылых однообразных маршрутов и делает целующимися и плодящимися солнцами. Теперь странники странствуют не в пространстве стабильных законов, а промеж стабилизаций, взвулканивая их.

Итак, не интериндивидуализм, но:
свобода организации прыгающих органов;
румяная техника и свобода соединений и разъединений;
интерпланетаризм целующихся планет.

июль 1922 г.
Александр Святогор.



1892 Ч. I № 31.

Видъ Николая Чудотворца. Перевозъ - П. В. Кудряковъ

ЦЕРКОВЬ НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА ИМ. „КРАСНЫЙ ЗВОНЪ“

ВЪ ЮШКОВОМЪ ПЕРЕУЛКѢ

С. (А)ТЕОЛОГИЯ

I. Программные тексты Свободной
Трудовой Церкви⁴⁸, опубликованные
в Известиях ВЦИК (1922-1923)

Программа СТЦ

// Известия ВЦИК, 2 декабря 1922. С. 4.

В связи с церковным обновленческим движением в последнее время образовалась группа «Свободная Трудовая Церковь». Программу составляют тезисы ини-

⁴⁸ Подробную историю СТЦ и краткие сведения о ее участниках см.: *Крапивин М.Ю.* Свободная Трудовая Церковь (1922—1925 гг.): из истории обновленческого движения в русском православии первой половины XX в. // *Новейшая история России.* 2014. № 1. С. 90—107. В приведенных источниках мы, правда, исправляем некоторые неточности в цитировании М.Ю. Крапивиним.

циатора группы А. Святогора. Во главе группы временно стоит центральная коллегия, в которую, кроме А. Святогора, вошли: епископ пензенский Иоанникий⁴⁹, Н. Лебедев⁵⁰ и Ф. Жилкин⁵¹. Группа состоит на радикальной точке зрения, считая, что: «необходим неуклонно развивающийся ряд подлинно революционных преобразований, который должен радикально изменить как внутреннюю, так и внешнюю сторону церкви. Необходимо решительное преодоление консервативного церковного сознания при ясном и твердом осознании евангельского идеала через органическую, а не только формальную, связь с революцией и новейшими завоеваниями знания».

Далее тезисы гласят: «Приятие великого смысла мировой революции и последних завоеваний знания должно дать новый критерий в смысле понимания заветов Христа и привести к новой концепции евангельского идеала. Евангелие и личность Христа необходимо освободить от схоластических толкований. Христос восстал против социальной несправедливости и против

⁴⁹ Епископ Иоанникий (И.С. Смирнов) — участник обновленческого движения в Пензе, арестованный летом 1922 года по обвинению в «злоупотреблении именем советской власти», этапированный в Москву в распоряжение ГПУ и позже, после освобождения, встретившийся в Москве со Святогором.

⁵⁰ Биография этого участника СТЦ известна плохо. Он отвечал за вокально-инструментальное оформление богослужений.

⁵¹ Ф.И. Жилкин участвовал в работе «Собрания русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга», организации, основанной священником Г. Гапоном и некоторое время был секретарем последнего. После исключения из «Собраний» возглавлял Христианско-социалистическую рабоче-крестьянскую партию (ХСРКП), после обвинения во «вредной» для советской власти деятельности покинул столицу и уехал в Уфимскую губернию, где был арестован. После освобождения в Уфе был принят на службу в качестве «комиссара секретного отдела Уфимской ГубЧК» специально для работы среди духовенства. В 1920 году был арестован по обвинению «в контрреволюционной и провокационной деятельности» и осужден на 15 лет лагерей. Амнистирован в 1921 году.

природного гнета смерти, провозгласив идеал любви, личного бессмертия, воскрешения и жизни во вселенной, как реальное дело живых людей».

«Церковь должна принять великий смысл мировой революции, имеющей целью устранение социально-экономической несправедливости и создание единого бесклассового общества, что отвечает евангельскому идеалу и является необходимым условием для полной победы над враждебными силами природы (над смертью). Действительно, принимая революцию, церковь должна стать на точку зрения “трудящихся и обремененных”, т.е. на классовую точку зрения. Поэтому эксплуататоры не могут быть членами церкви». Отсюда — положительное отношение к Советской власти, «как силе, руководящей и направляющей общество к социальной правде, и как силе, ведущей борьбу с натуральным гнетом».

Считая необходимой «борьбу за трезвое реалистическое сознание, борьбу с церковно-богословской схоластикой, с упадочной мистикой, с так называемым богоискательством, носящим на себе печать резиньяции (усталости), с застывшим толстовством, с мистико-эротическим сектантством», группа рассматривает храмы, как место проповеди и борьбы с религиозными предрассудками и как опорные пункты в борьбе человека с враждебными силами природы — со смертью.

Дополнение к Программе (О храме)

// Известия ВЦИК, 8 декабря 1922. С. 4.

Группой «Свободная Трудовая Церковь», в дополнение и развитие основной программы, приняты следующие тезисы А. Святогора «О храме»: «1) Храм есть

место проповеди трезвой евангельской правды, место решительной борьбы с религиозными предрассудками (в широком смысле), с церковной обрядностью, с упадочной мистикой и т.д. В то же время храмы — это опорные пункты в коллективной борьбе человека за евангельский идеал любви, победы над смертью и обладания землей и вселенной. 2) Храмы необходимо изъять из рук “книжников и фарисеев” (черное и белое духовенство) и эксплуататоров, — из рук консервативной и контрреволюционной окраски, — и передать их в ведение СТЦ. В храме недопустима эксплуатация, особенно эксплуатация темного религиозного сознания через выполнение обрядов и магических действий. 3) Храмы, как опорные пункты в борьбе с природой, со смертью, необходимо должны принять в себя моменты знания, так как правда научная не противоречит правде Христа. Особенно важно широкое введение в храмы научных моментов в смысле осуществления личного бессмертия, воскрешения и овладения землей и вселенной. Так, напр., заслуживает большого внимания установление при храмах метеорологических пунктов, совместное с Советской властью участие в борьбе с последствиями голода, поддержка таких мероприятий ее, как электрификация и др. В храмах следует научно поставить вопрос о личном бессмертии, так биологические твердыни смерти уже поколеблены. 4) Наряду с моментами знания нужно ввести эстетические моменты. Новому содержанию должна соответствовать и новая внешность; поэтому храмам как снаружи, так и внутри нужно придать новый облик. В храм вводятся разные виды здорового искусства, имеющие целью художественное обнаружение трезвого идеала СТЦ, но отнюдь не затемнение религиозного сознания. 5) В храмах также осуществляется задача воспитания нового, этически цельного, трезвого и бодрого человека путем проповеди примера и дела. Сильная, честная, героическая личность должна стать общим

правилом повседневной жизни в противоположность дряблой, лживой, трусливой и жадной личности буржуазного общественного уклада. Необходимо преобразование нравов в свете задач революционной современности и целей СТЦ. 6) Всем действиям в храме необходимо придать серьезный характер реального, а не мнимого дела. Линия старой церкви оборвалась потому, что трезвый евангельский идеал она свела к нулю путем подмены реального дела мнимыми магическими действиями. Мнимость действий крайне вредна, она ослабляет активность человека, разрушает его энергию и ум. Поэтому в храме на первом плане должно стоять реальное дело в направлении осуществления идеала любви, победы над смертью и обладания землей и вселенной».

К проведению в жизнь этих тезисов А. Святогора решено приступить теперь же и наряду с этим в числе «ближайших мероприятий» группа, по предложению епископа Иоанникия, постановила, не дожидаясь созыва собора, «изгнать из стен храма торговлю какими бы то ни было предметами культа (свечами, просфорами, ладаном и т.п.)», «уничтожить в храмах иконостасы», «передать все золотые и серебряные принадлежности культа в распоряжение государства на борьбу с последствиями голода», «уничтожить касту духовенства» и др. Но, исходя из конкретной обстановки, группой принята, как ближайшая промежуточная мера, схема реформы литургики, предложенная епископом Иоанникием. Им же в ближайшее время в храме группы будет совершено упрощенное богослужение, при отсутствии иконостаса, при чем Н. Лебедев будет управлять вокально-инструментальной частью.

Группа СТЦ, в лице своей коллегии (А. Святогор, епископ Иоанникий, Н. Лебедев и Ф. Жилкин), просит направлять всю корреспонденцию на имя группы по адресу (временному): Москва, Арбат, Б. Афанасьевский, д. 5, кв. 4. Здесь же даются справки и производится запись в члены.

Бездельная вера и реальное дело

// Известия ВЦИК, 10 января 1923. С. 5.

Группой «СТЦ», в обоснование и развитие основной программы, приняты следующие положения А. Святогора: «Бездельная вера и реальное дело».

«В христианстве, как миропонимании и мироотношении, необходимо различать две стороны: область веры и область дела; предмет веры составляет внеразумное, сверхъестественное; предметом дела является разумное, естественное; забота веры — в личном спасении души через примирение с реальной смертью; положительной целью коллективную борьбу с натуральным гнетом. Историческая церковь, уйдя в схоластику, мистику, обрядоверие, став на сторону имущих классов, т.е. отказавшись от трезвого евангельского идеала, требующего положительного дела в смысле коллективной борьбы с социальным злом и натуральным гнетом, тем самым стала цекровью бездельной, глубоко антихристианской, враждебной миру и жизни, стала, по словам ап. Иакова, мертвой и потому излишней в жизни. И всякие попытки оживления ее на основе бездельной веры безнадежны и вредны. Наследие старой церкви в форме схоластики, мистики и тенденции к сохранению господства отживающих классов еще не изжито и требует решительной борьбы; последняя возникла при необходимости решения, что основу новой церкви будет составлять не бездельная вера, но положительное дело; при этом новая церковь необходимо должна искать опору не в далеком прошлом, но в океане живой действительности, должна проникнуться революционным пафосом современности. СТЦ в основу свою полагает реальное дело в смысле евангельского идеала любви и борьбы с натуральной смертью; но т.к. всеобщая борьба с натуральным гнетом требует

объединения всего человечества, то СТЦ необходимо приходит к активному приятию идеи всемирной революции, имеющей целью через устранение классовых и других разделений слить человечество воедино. Выдвигая на первый план реальное дело, СТЦ тем самым утверждает необходимость знания, как верного источника теоретической и практической власти над природой.

Ведя борьбу с основными тенденциями старой церкви, СТЦ считает, что догматические различия, как результат бездельной веры, не должны препятствовать объединению мирян, духовенства и сектантов. Объединение должно происходить на основе положительного дела в смысле коллективной, на основе знания, борьбы с натуральным гнетом, при активном принятии идей всемирной революции.

Последствия голода

// Известия ВЦИК, 11 февраля 1923. С. 3.

Массовый голод ликвидирован. Но тяжкие последствия голода — массовое обнищание, хозяйственная разруха и пр. стоят перед нами и требуют длительной борьбы.

В то же время борьба с голодом и его последствиями выдвигает вопрос о мерах предупреждения подобных стихийных бедствий.

СТЦ в этой борьбе усматривает одну из важнейших задач, вставших перед революционной страной. Начало коллективной борьбы с враждебными силами природы отвечает, — по мысли СТЦ — трезвому евангельскому идеалу в смысле освобождения человека от гнета природы.

Ликвидация последствий голода требует огромных средств. Эти средства частично можно получить

изъятием всех золотых, серебряных и ценных предметов культа и передачей их в соответствующие учреждения. Необходимо помнить, что эти ценности образовались путем приношений, как результат проявления мещанского благополучия. Эти ценности представляют собой не собственность церковников, а достояние трудового народа и потому должны быть употреблены на народное дело. Кроме того, наличие ценностей в домах молитвы означает фетишизм, способствует эксплуатации темного религиозного сознания, утверждает и впредь мещанское благополучие лавочников.

Во имя освобождения сознания от пут фетишизма и магии, во имя правильного понимания разума и совести Свободная Трудовая Церковь обращается к мирянам и духовенству церкви православной и других вероисповеданий с горячим призывом реально проявить поддержку Советской власти в ее борьбе с последствиями голода, путем передачи всех церковных ценностей, до колоколов включительно, в соответствующие учреждения.

Для осуществления этой задачи СТЦ постановила:

1) Из всех храмов, поступивших или поступающих в ведение СТЦ, передать все ценности, включая и колокола, и предложить научным учреждениям использовать храмовые башни (колокольни) под метеорологические пункты для изучения погоды.

2) Обратит внимание мирян, духовенства и церковных обновленческих групп на то, что изъятие представляет удобный повод к борьбе с религиозным фетишизмом и тем самым представляется возможность оправдать выкинутые ими лозунги.

3) Обратит внимание прогрессивного духовенства на то, что для него изъятие представляет удобный повод принять общечеловеческий вид — снять свои средневековые одежды и присоединить их к ценным предметам культа.

4) Обратиться в ВЦУ с призывом не ограничиваться половинчатыми мерами, а действовать решительно.

II. Архивные материалы (1923)

Программа СТЦ⁵²

// ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 43а. Д. 1825. Л. 380—381.

1. Основные положения.

<...> § 2. <...> Церковь — живое сора­тничество для творческого осуществления на земле Христовой правды, выраженной в Евангелии. § 3. <...> Чтобы дать могучий толчок развитию жизни и творчества на Евангельской основе, Церковь должна учесть и проникнуться научными и этическими запросами, идеалами

⁵² Текст приводится по статье (и по ее сокращениям): *Крапивин М.Ю.* Свободная Трудовая Церковь (1922—1925 гг.): из истории обновленческого движения в русском православии первой половины XX в. // *Новейшая история России.* 2014. № 1. С. 97—99.

и достижениями современности. § 4. <...> Трезвый смысл Евангелия не в реставрациях прошлого, но в творческом преобразении человека и вселенной в соответствии с учением Христа: в силу этого жизненный смысл Евангелия должно очистить от затемнявшего его веками мертвого, церковно-схоластического понимания. <...>

2. Оценка и основные задачи момента.

§ 1. Многовековой разум человечества вступил на путь величайших социальных переворотов в пользу трудящихся и обремененных. <...> § 2. Церковь казенной ортодоксии, чуждая жизненному прогрессу, враждебная великому и справедливому дерзанию униженных и оскорбленных, осталась вне жизни и человечество современности <...>. § 3. С другой стороны, агония Церкви глубоко затронула церковные и верующие круги, результатом чего явилось т.н. церковно-обновленческое движение. Это последнее находится лишь в первой стадии развития. Являясь однобоким и узким, нежизненным и консервативным, оно не даст Церкви исторической устойчивости. § 4. Для достижения последней цели необходим ряд подлинно-церковно-революционных преобразований, который должен выявить истинное содержание как внутренней так и внешней стороны Церкви и указать ей надлежащее место в условиях величайших социальных потрясений современности.

3. Отношение к инославным христианским вероучениям.

§ 1. Христианская Церковь должна быть интернациональна и едина по своему идеалу. <...> СВОБОДНАЯ ТРУДОВАЯ ЦЕРКОВЬ считает одной из важнейших своих задач объединения всех христиан мира для молитвенного, евхаристического и братского общения между собою. § 2. Для достижения этой цели СТЦ считает необходимым всячески <...> бороться с <...> нетерпимостью и религиозным антагонизмом последователей различных Христианских вероучений между собою.

§ 3. Необходимо осознание чисто внешних исторических мотивов, вызвавших этот антагонизм и разделение <...>. § 4 Религиозный антагонизм прошлого, разделявший христиан не столько по религиозным убеждениям, сколько по соображениям правящих классов и правительств государств, должен быть изжит навсегда <...>. § 5. <...> пусть ни одно христианское вероучение не претендует на перемену взглядов и убеждений другого: пусть ничто не мешает христианам различных убеждений и оттенков входить в теснейшее молитвенное и евхаристическое общение между собою. <...> § 7. В полном соответствии с этим должна быть допущена совместная молитва всех христиан в храме любого вероисповедания по своему принятому обычаю, а также евхаристическое общение. § 8. Великий пример христианской любви и общения должно подавать духовенство <...>. § 9. Признавая великие социальные и научные достижения трудовых, экономически-обиженных масс мира и полное соответствие их революционных дерзаний Евангельскому принципу установления на земле Христовой правды, Свободная Трудовая Церковь считает одной из важнейших своих задач пропаганду и организацию всех трудящихся христиан мира в ХРИСТИАНСКИЙ Интернационал.

4. Отношение к Государству, обществу и социальному укладу жизни.

§ 1. Союз Церкви с Государством в корне противоречит основной сущности Христианства, как религии надмирной, религии духа: в этом отношении отделение Церкви от Государства есть акт священный, справедливейший и необходимый с точки зрения Евангельской. Отсюда обоюдное невмешательство и полная аполитичность Церкви (нашедшие себе выражение в декретах Советской власти об отделении Церкви от Государства и Школы от Церкви), должны всячески поддерживаться и проводиться в жизнь. § 2. Поддержка Советской власти, как силы руководящей революцией и направляющей

общество к социальной правде, и как силы, ведущей борьбу с натуральным гнетом, чуждым идее христианства. § 3. Церковь должна принять великий смысл мировой революции, имеющей целью устранение социальной и экономической несправедливости и создания единого бесклассового общества. § 4. Церковь должна находиться в живом единении с современностью. Для Церкви революция и революционное брожение современного духа должны стать органически близкими <...>. § 5. <...> эксплуататоры не должны быть членами Церкви, а тем более допускаться к принятию священства. <...>

5. Ближайшие церковные реформы.

Принимая во внимание вышеизложенное, СВОБОДНАЯ ТРУДОВАЯ ЦЕРКОВЬ, стоя на строго-православной точке зрения и на ясном понимании Евангельского учения вносит на предстоящий Поместный Собор Русской Церкви следующий проект церковных преобразований, соответствующих главной сущности современно-обновленческих течений, <...> жизненно-необходимых для современной Церкви:

А) В области догматической: § 1. Пересмотр всего догматического учения Церкви и устранение из него того, что не соответствует ясному смыслу Евангельского учения и правде жизни (напр., учение о мощах). § 2. Учение о Боге, как мстителе и карателе грешников, должно быть оставлено, как не соответствующее духу Евангельской любви и наоборот, как можно глубже и шире развито учение о Богосыновстве человека и отсюда о братском единении между собою всего человечества. § 3. Объединение всех христиан мира для молитвенного и евхаристического общения между собою (догматическое оправдание сего акта).

Б) В области этической: § 4. Полное отрицание монашеского института, как отжившего свое назначение и выродившегося в уродливые формы современности. § 5. Воспитание этически-цельного человека — христианина

на основе Евангельской любви к ближним и свободе от греха. § 6. Проведение коммунально-общинного уклада в жизнь верующей массы. § 7. Решительная борьба с религиозным антагонизмом и фанатизмом в отношении к последователям различных христианских вероучений.

В) В области литургической: § 8. Свобода творчества в литургике, при обязательном условии сохранения основ Богослужебного чина <...>. § 9. Осуждение узко-кастового положения духовенства, в смысле сословной монополии церковно-иерархических ступеней <...>. Кастовое духовенство (но не иерархия), по самой идее не соответствует духу Евангелия и направлению церковной жизни современности, которая требует не сословных пастырей-профессионалов, а бескорыстно-идейных слуг алтаря, пастырей-исповедников, людей созидательного труда и духовного подвига. § 10. <...> Предоставление мирянам доступа ко всем степеням иерархии. § 11. Систематически упорная и решительная борьба с обрядовериями и суевериями верующей массы. § 12. Упразднение всякого рода наград и отличий духовенству, начиная с митр и кончая скуфьями. § 13. Упразднение титулов иерархии, не соответствующих понятию о христианском смирении пастырей (напр., «Преосвященство, высокопреподобие» и т.п.). § 14. Упразднение целования рук у священнослужителей без различия сана, как пережиток рабства. § 15. Изгнание из стен храма торговли какими бы то ни было предметами культа, как-то: свечами, просфорами, ладаном, образками и т.п. § 16. Введение богослужения и проповеди на родном языке каждой национальности: беспрепятственное разрешение церковной проповеди мирянам. § 17. Введение общего пения на богослужении, допущение духовной музыки и сидения во время богослужений. § 18. Выработка чина совместного совершения богослужений с духовенством инославных христианских вероучений, а также порядка взаимного допущения к совершению таинств по нуждам всех христиан. <...>

Г) В области канонической: § 20. Коренной пересмотр всех канонических правил и законоположений церковных и составление нового кодекса положений, отвечающих как духу Евангельского учения так и современному укладу церковной и общественной жизни.

Д) В области общественной: § 21. Идеиная борьба с эксплуататорами (путем духовного воздействия), как угнетателями ближних, противниками Христа и Его правды.

№ 1.



„Дух Господень на Мне“...

(Ев. Луки, 4, 18).



КАМО ГРЯДЕШИ?

Религиозно-Общественный еженедельный журнал.



20 апреля

1924 г.

Цена 30 коп.

МОСКВА.

III. Статьи из журнала «Камо Грядеши?» (1924)⁵³

О задачах и целях Свободной Трудовой Церкви.

Родившись в тяжкий момент Российской Православной Церкви, 1922 году, когда количественно и качественно незначительная группа Петроградского «рево-

⁵³ Отметим, что некоторые исследователи истории СТЦ утверждают, что Святогор покинул церковь уже в 1923 году. М.Ю. Крапивин же считает, что под именем Александра Пересвета-Пересветова скрывается именно А.Ф. Агиенко (Святогор). Отметим, что некоторые (впрочем, проблемные) стилистические пересечения этих текстов и текстов Святогора имеются. Во всяком случае, наличие в этом журнале текстов бессменного «соратника» Святогора по «БИОкосмисту» Н. Дегтярева также подтверждает это предположение.

Кроме того, явные богословские мотивы и интонации, присутствующие в текстах Пересвета-Пересветова, могут объясняться семинарским образованием Святогора, а также его «богоискательством», которое не прекращалось и в период увлечения авангардом. Так, В.А. Савченко упоминает, что «еще в 1917 году в журнале “Шлях” Святогор выступает как богоискатель — с программной статьей о необходимости реформы церкви и революции духа. Христианскую церковь будущего он представляет свободным объединением людей, не ждущих сошествия Духа Святого, а творящих в себе этот дух» (Савченко В.А. 100 знаменитых анархистов и революционеров. Харьков, 2008. С. 466—467).

люционного» духовенства, с разрешения отделавшейся уже от церкви революционной власти, произвела предательское покушение на главу церкви — патриарха Тихона и затеяла сыграть пародию на мотив ремесленно-цеховой поповской диктатуры над всей «трудящейся и обремененной» массой верующих русского народа⁵⁴, — в это время Свободная Трудовая Церковь была единственным пунктом Москвы, куда стекались живые религиозные души верующих с целью осмыслить создавшееся положение и найти из него надлежащий выход.

Но так как стекавшиеся сюда пользовались полной свободой высказывать свои мысли и настроения, а эти последние еще кипели энтузиазмом юношеского прозелитизма различных направлений, то первый год жизни СТЦ сконцентрирован был на решении следующих существенных вопросов:

- 1) Выкристаллизовать определенные основные понятия современной религиозной общественности.
- 2) Дать ясные нормы для своей организационной работы.
- 3) Утвердить непререкаемые основы своего вероучения и нравоучения.
- 4) Произвести необходимые перемены в обрядовой стороне своего храмового культа.
- 5) Укрепить и обеспечить иерархическую преемственность СТЦ.

⁵⁴ Вероятно, имеется в виду эпизод, когда в мае 1922 года патриарх Тихон был помещен под домашний арест. Там его посетили три священника под предлогом того, что арест может продлиться неопределенно долгое время, добившиеся от патриарха разрешения временно управлять патриаршей канцелярией и заявившие позже о намерении обновить церковь и поддержать советский строй. Патриарх Тихон не поддержал обновленцев, но, чтобы выйти из-под ареста, подписал «покаянное письмо», в котором объявил, что он не противник советской власти.

6) Наладить проповедническую и просветительную часть ее.

7) Определить регулятивную идеальную цель дальнейшей жизни и деятельности СЦ.

Наиболее существенную часть своих решений по данным вопросам СЦ может в настоящее время формулировать так:

1) Признавая за несомненное, что мировая катастрофа, начало которой мы теперь переживаем и которая уже неоднократно повторялась в прежней истории человечества, есть проявление основного закона Всемирной Жизни Божества — извечной борьбы Сверхличного Духа с Безличной плотью, — должно принять, как таковое, совершающееся разложение старого мира капиталистической цивилизации со всеми его последствиями включительно до необходимости коренного переустройства и всех церковных организаций и вероучений.

2) Организационная деятельность должна покоиться на незыблемой основе абсолютной и всесторонней свободы мысли, чувства и воли, слова, деятельности и жизни — при равенстве прав и обязанностей у всех верующих.

3) Непререкаемыми основами вероучения и нравоучения должны быть Священные писания Ветхого и Нового Заветов, кратко сформулированные в Никео-Цареградском символе веры и сконцентрированные в первоначальном Божественном Законе о культурном труде, «возделывать и хранить» окружающие человечество природные условия его жизни.

4) Признать необходимым давать богослужение на родном языке каждой группы верующих, разгрузить церковный культ от утомительных повторений однозначных молитв, возгласов и песнопений, дать при богослужении широкий простор живой проповеди священнослужителей и мирян и постепенно сократить давно отживший

свой век национальный элемент Ветхо-Ново-заветных чтений, молитв и песнопений, заменяя его общечеловеческими терминами и выражениями.

5) Заключить принципиальное соглашение с Российской патриархией о возглавлении СТЦ выборным епископатов, при чем всю культовую сторону жизни СТЦ предоставить руководству епископата в союзе его с пресвитерством и диакономством и выборными мирянами; при отсутствии же такового соглашения объявить СТЦ Христокефальной и принимать в ее лоно представителей клира всех других иерархически-правильных церквей в сущем их сане.

6) В отношении проповеднической и просветительной деятельности решено стремиться, с одной стороны, к широкой популяризации идей современной общечеловеческой культуры, а с другой стороны, к углублению и рациональному обоснованию специально религиозных идей в их исторической и общественной значимости; для достижения этих целей необходимо помимо обычных богослужебных проповедей: а) ставить целые циклы публичных диспутов, лекций и бесед об основных вопросах религиозности всех веков и народов; б) издавать свой журнал, посвященный данным вопросам и освещающий современную действительность общественно-религиозной жизни человечества, и в) незамедлительно приступить к изданию Краткой Толковой Библии в качестве основного всестороннего и незаменимого руководства жизнедеятельностью членов СТЦ.

7) В качестве направляющей идеальной цели для всей дальнейшей жизни и конечного устремления СТЦ признает создание на основе данного Христианством религиозного фундамента Всеединой Вековечно-Юнеющей Религии Духа Грядущего Мира Бога-Человечества!

Александр Пересвет-Пересветов.

Священный Круговорот Тысячелетий.

— Бывает нечто, о чем говорят:
«смотри, вот это — новое».
Но это было уже в веках,
бывших прежде нас...
Что было, то и теперь есть
(происходит), а что будет,
то уже было...
Далеко то, что было
и глубоко-глубоко:
кто постигнет его?..
Сердце мудрого знает и время
и закон: ибо для всего есть
свое время и закон; но людям —
великое зло оттого, что они не знают,
что будет; и как это будет —
кто скажет им?

Екклесиаст (1, 10; 3, 15; 7, 24; 8, 5—7).

Есть зерно истины иногда в самом невероятном слове человека... Таким словом является теперь вековое поверье европейского человечества, что в Библии изображены вековые судьбы всего мира, а также дана полная картина современной мировой катастрофы. Это поверье в своей сущности вполне правильно: в священных книгах Древней и Новой Библии обстоятельно описаны катастрофы Вавилоно-Ассиро-Египетского и Персо-Греко-Римского миров человеческой цивилизации, причем дана и ясно-таинственная идея о повторяемости этих мировых катастроф приблизительно через тысячу лет. На основе этой идеи все европейское человечество и ожидало повторения катастрофы через тысячу лет после Р. Х.

И действительно, катастрофа разразилась в виде столкновения Христианской Европы с Мусульманской Азией, во время Крестовых походов и Татарского нашествия, а также в форме внутриевропейской борьбы религиозных и мирских властей — пап и патриархов с императорами и королями в 12 и 13 вв. Средневековый мир скончался в этой двухвековой мировой войне, и настал новый Тысячелетний День жизни европейского человечества.

Весьма занимательно, что именно во время мировых катастроф появились и новые религии или новые вероисповедные формы старых религий.

Теперь, на исходе 2-го тысячелетия христианской эры затрещала постройка новой европейской цивилизации в виде первого акта трагедии мировой войны и повсеместных народных волнений.

Эта центральная философско-историческая идея Библии (о внутренне-прогрессирующей повторяемости мировых катастроф через каждое тысячелетие) ярко освещает для разумных не только множество таинственных мест самой Библии, но и все сильнее сгущающуюся кровную темень сумерек Вечера Тысячелетнего Дня Жизни современного человечества и всю тьму кромешную Грядущей Ночи ближайших людских поколений... «И погрузится Век в Древнее Молчание на семь дней, как было и прежде».

Но мрак кромешный Грядущей Ночи Зверо-Человечества и безумное безмолвие древнего молчания будут, как и прежде, побеждены Словом Превечным Премудрого Глагола Божьего и Светозарной Молнией Денницы Повторного Пришествия Спасителя Мира; тогда снова воссияет Утреннее Солнце Правды Тысячелетнего Дня Бого-Человечества.

А для такого лучезарного возрождения человечества необходимо, чтобы избранная часть людей, вразумленная настоящей катастрофой, постигла истинный смысл Всеединой Мировой Религии, состоящий в преимущественной заботе о культуре Души и Духа Божественного в человеке.

Великая глубина библейской мудрости утверждена не одной только боговдохновенностью священных писателей, но и тем существенно важным обстоятельством, что эти писатели, начиная с Моисея — через Соломона, Даниила, Ездру — и кончая ап. Павлом и Иоанном Богословом, обладали всей полнотой знания истории древнейших и современных им великих религий и культур Вавилона, Индии, Египта, Ассирии, Персии, Греции и Рима.

Эти семь столпов человеческой мудрости были использованы творцами Библии при создании ими Заветных Храмов Жизни Божественной Премудрости Слова и Духа для всего непрестанно грядущего в мир человечества.

А для постижения этой глубины Вековечной Премудрости Священных писаний необходимы не только тихий свет и внятный голос жизни и живой мысли всего человечества, но в исключительные, переломные эпохи всемирной истории необходим и бурный пламень мирового пожара войн и «ре-контр-ин-волюций», чтобы даже слепые и глухие духом могли сколько-нибудь видеть и слышать, что и как надо понимать не только в Священных писаниях Всеединой Мировой Религии, но и в жизни каждого человека, каждой семьи, класса, общества, народа, государства, союза государств и всего человечества в каждый момент истории.

«Одебелевшие же сердцем» до полной неспособности видеть, слышать и понимать необходимое (единое на потребу — духовное развитие) для вечно-живой жизни человечества, т.е. уже умершие духовно, должны и физически вымирать, да обновится земля перед лицом Всевышнего в грядущем тысячелетнем периоде своего все более и более одухотворенного развития.

Это обновление неоднократно уже совершалось и всегда непрестанно совершается в истории человечества то эволюционным путем едва заметных изменений всего старого уклада жизни, то путем бурных массовых

катастроф военного и ре-контр-ин-волюционного характера. Однако, европейская историческая наука до сих пор еще не может решить основного вопроса в загадке Сфинкса о повторяемости ступеней роста в жизни человека и человечества: она дает на этот вопрос два противоположных ответа (история повторяется — история не повторяется). Но правда-истина будет всеми цветами Радуги Спасения только в алмазе библейской идеи о том, что история мировых культур повторяется, в основных цветах своего спектра, приблизительно через тысячу лет. А наступившая очередная катастрофа своим поразительным сходством с прежними делает особенно наглядным это повторение и дает основы для духовного и физического возрождения человечества.

Эта капитальнейшая историческая истина, служащая одной из глубочайших основ христианства, открыта европейскому миру только Библией, ибо европейская историческая наука еще слишком юна для того, чтобы постигнуть и обосновать подобную идею: эта наука была еще в колыбели своего младенчества (в 5 в. до Р. Хр. жил ее начинатель Геродот), когда уже совершалась катастрофа до-классического Вавилоно-Ассииро-Египетского культурного мира, а затем ей пришлось наблюдать только одну мировую катастрофу Персо-Греко-Римской цивилизации, во время которой и сама эта юная наука погрузилась во мрак истории.

Вместо этой Геродото-европейской истории со 2 и 3 вв. по Р. Хр. до 12 и 13 вв. включительно существовала Средневековая церковная история, которая, в свою очередь, была поглощена совершившейся в то время катастрофой. В «Век Возрождения древних наук и искусств» (14 и 15 вв.) возникшая из пропасти тысячелетнего забвения Геродото-европейская история, конечно, не могла уже наблюдать эту новую катастрофу, не могла и осмыслить новую фазу развития Европы после ее вторичной катастрофы.

А так как Ново-Европейская историческая наука, имеющая до сих пор отвлеченный, т.е. оторванный от живой жизни современного человечества, характер изучения мертвой жизни давно прошедших времен, тогда только и сможет стать подлинной наукой, имеющей жизненно-руководственное значение для современного человечества, когда оно будет иметь возможность наблюдать повторения этих тысячелетних катастроф и сделать из этого наблюдения надлежащий вывод о премудрой закономерности данного повторения и когда в связи с этим выводом, только и получают надлежащий жизненно-научный смысл изучение уже теперь ею более частные закономерности хозяйственно-политической и духовно общественной жизни человечества в пределах этих тысячелетних периодов, то, очевидно, ей придется еще долго-долго ждать такой возможности, если теперь же она не взглянет на трехтысячелетнюю историю трех старых миров Европейской цивилизации с точки зрения более опытной в данном вопросе Библейской философии истории. Ведь Библия непосредственно видела или же по свежим следам наблюдала, или из первоисточников знала созидание и разрушение цивилизованных миров Древнего, Среднего и Нового Вавилона, Древнего, Среднего и Нового Египта, Древней, Средней и Новой Индии, Персии, Греции и Рима.

Совершающиеся на глазах современной истории начальные этапы катастрофы старого мира Новой Европы вполне аналогичны начальным этапам катастрофы до классического мира, изображенной в Древней Библии — у великих и малых пророков, и катастрофы классического мира, изложенной в Новой Библии — у евангелистов и апостолов, а также пророчествах Ветхо-Новозаветного Апокалипсиса — третьей книги Ездры — Непризнанного.

А так как сущность пророческого прозрения заключается в угадывании едва уловимых признаков надвигающейся и в правильном осмыслении ясных знамений начала разразившейся уже катастрофы, а все последующие

ее этапы — только естественное развитие этого начала-конца, то неоспоримая ценность знания подлинного текста Библейских пророчеств для всех участников современной «Человечественной трагикомедии потерянного рая и возвращенного ада» сама собой очевидна.

Основные этапы мировых катастроф по всей Библии таковы: чрезвычайное увеличение народонаселения и полная невозможность безбедного существования для огромного количества людей при каких угодно способах управления; высокое развитие промышленности и торговли с их неизбежными кризисами; необычайная дешевизна продуктов и промышленности при высокой эксплуатации закабаленных, труждающихся и обремененных и полная возможность для всех правительств крайнего развития вооружений; мировая торговля и заимствование у соседних народов внешних форм их цивилизаций со всеми отрицательными последствиями такого заимствования; развитие безрелигиозного просвещения и обмирщение религии; упадок внутренней религиозности народов и обращение религии в формальный ритуал без живого духовного содержания; развал семьи и разлив полового разврата; разделение общественного мнения с развитием религиозного сектантства и политической партийности; обострение личного своекорыстия, сословно-классового и национального и борьба между различными слоями населения и между национальностями; широкое разлитие демагогических приемов политики и разрушительный застой народного хозяйства отдельных государств; всеобщая взвинченность борьбы за существование — у необеспеченных слоев населения и обостренная погоня за физиологическими наслаждениями — у обеспеченных классов; военные союзы государств и мировая война, несущая человечеству всеобщий обман его надежд на благоприятный исход ее; разрушение мирового хозяйства и застой торгово-промышленной жизни; всеобщая неуверенность

в прочном существовании всяческих правительств даже на завтрашний день и непрерывное падение ценности денег-кредита; широчайшее распространение безработицы, голода, эпидемических болезней и стихийных бедствий; свержение всевозможных правительств и междоусобные войны; всеобщее озлобление и всеобщее объединение с грабительским или эксплуататорским переходом прав и имущества из одних рук в другие; отрицание старой религии, науки, искусства и упадок просвещения; возврат к первобытным способам натурального хозяйства и меновой торговли; подчинение разрушенных государств более сильным народам и, как результат всех вышеизложенных бед, задержка роста населения и даже запустение многих местностей; всеобщее разуверение в осуществимости устройства идеально-наилучших форм жизни человечества и, как венец всей катастрофы, возникновение новой религии или обновленная форма и развитие внутреннего содержания старой религии, а также возникновение новых форм государственной жизни у сильных народов.

Далее, идет уже Новый Апокатастасис⁵⁵, т.е. восстановление одряхлевшего человечества в повторное, но уже более одухотворенное прохождение им этих этапов истории созидания и разрушения старых культурных миров...

На вполне естественный вопрос, какой же непосредственно-жизненный смысл этой великой идеи о Священном Круге Тысячелетий, если мировые катастрофы следуют в истории человечества друг за другом с неотвратимостью одного из законов природы, надлежит ответить так. При всеобщей разумной осведомленности

⁵⁵ Апокатастасис — богословское понятие, обозначающее «восстановление всего» в смысле всеобщего спасения. Основой этого учения являются некоторые места в Евангелиях (напр., Мф. 17:11), само учение было впервые подробно развито в Александрийской катехизической школе у Климента Александрийского и Оригена. В исторических церквях официально не признаётся.

об этом законе мировых катастроф человечество может: 1) путем постоянного, планомерного, сознательного и активного усовершенствования своего внутреннего, духовного опыта и внешних форм хозяйственно политической жизни отдалить на значительное время момент наступления очередной катастрофы, ибо он наступает не с астрономической точностью и неукоснительностью именно через тысячу лет, а соответственно скорости наполнения и переполнения человечеством метрически неопределенной, но мистически-явственной «меры беззакония»; 2) посредством взаимных коренных уступок борющихся классов, союзов государств и союзов народов сократить продолжительность этого катастрофического периода, обычно длящегося около трехсот лет; 3) ясным сознанием неотвратимости начавшегося перелома мировой жизни в значительной мере ослабить безмерно жестокий характер такой катастрофы.

Конечно, эти облегчения чрезвычайной мучительности катастрофических времен человечество может получить и теперь, но в том лишь случае, если оно радикально переменит весь уклад своей заурядно-греховной жизни, т.е. если оно, наученное горьким опытом совершившегося уже начала современной катастрофы, станет в возможно-наибольшей степени осуществлять в своей личной, семейной, общественной, национальной, государственной, союзно-государственной и партийно-классовой а также вероисповедной жизни — Основной закон Всеединой Мировой Религии о преимущественном развитии в себе владычества над телом и плотью животного Души Человеческой и Духа Божественного. (Слово «Религия» значит «Воссоединение»).

Итак, покайтесь Душою и пламенейте Духом!

(Продолжение в следующем номере).

Александр Пересвет-Пересветов.

IV. Союз (воинствующих) безбожников (фрагменты текстов А.Ф. Агиенко)

Антирелигиозные вечера в клубе

// Антирелигиозник. 1929. № 2. С. 100—108.

В системе антирелигиозной пропаганды и агитации, в борьбе за новый быт, клуб, вообще, и клубные антирелигиозные вечера, в частности, должны занять более выдающееся место, чем они до сих пор занимают.

Антирелигиозная работа должна вестись систематически, изо дня в день, а не ограничиваясь лишь двумя вечерами в год, в связи с «рождеством» и «пасхой», да и то без достаточной подготовки, «лишь бы с плеч долой». Обычными антирелигиозными компаниями нельзя ограничиться, их антирелигиозное влияние ничтожно; нельзя изменить мировоззрение сразу, наскоком.

В связи с усилением деятельности религиозных, особенно сектантских организаций, клубам необходимо очень внимательно относиться к организации и проведению тех или иных форм антирелигиозной работы, особенно таких сложных и в то же время наиболее актуальных, как антирелигиозные вечера.

Своевременно и целесообразно устройство антирелигиозных вечеров, помимо антирождественского и антипасхального, на такие, примерно, темы: «Религия и социалистическое строительство», «Культурная революция и религия», «Кому нужна вера в бога», «Быт и религия», «Наука и религия», «Реакционная сущность сектантства», «Происхождение животных и человека» и др.

Работа с отпускниками

// Антирелигиозник. 1929. № 4. С. 39—43.

Ячейкам СБ⁵⁶ необходимо озаботиться, чтобы отпускники, рабочие и служащие, во время летнего отпуска вели антирелигиозную работу. Необходимо к этой работе отпускников подготовить, провести с ними беседы, снабдить их литературой. Члены ячейки СБ должны получить особенно серьезную подготовку и по возвращении отчитаться в проделанной работе перед ячейкой СБ.

Одна из трудностей в работе с отпускниками состоит в том, что ячейками СБ далеко недостаточно учитывается характер той обстановки, куда направляется каждый из

⁵⁶ «Союз безбожников» был переименован в «Союз воинствующих безбожников» чуть позже выхода этого номера «Антирелигиозника», в июне 1929 года.

отпускников. Необходимые на этот счет сведения прежде всего могут быть получены от самих отпускников, которые так или иначе поддерживают связь со своей деревней, более или менее осведомлены, что делается у них на родине.

Несомненно, что знать характерные особенности тех мест, куда направляются отпускники, этот в своем роде краеведческий момент в работе с ними — является крайне важным.

Отпускников необходимо ознакомить с основными вопросами антирелигиозной пропаганды, но особое внимание следует уделить выяснению классово-экономической сущности религии, разъяснению сущности религии как тормоза социалистического строительства. Очень важно ознакомить отпускников не только теоретически, но, по мере возможности, и практически с методами религиозной работы в деревне.

Отпускник как антирелигиозник, во время своего кратковременного пребывания на родине в деревне может:

а) провести громкие читки антирелигиозных книг, листовок, газет, журналов;

б) провести беседы, вечер вопросов и ответов, сделать доклад, содействуя борьбе с религией, коллективизации сельского хозяйства, кооперированию, борьбе за урожай;

в) содействовать организации ячейки Союза Безбожников;

г) распространить антирелигиозную литературу, провести индивидуальную и коллективную подписку на антирелигиозные газеты и журналы («Безбожник», «Безвѣрник»);

д) организовать или содействовать организации уголка безбожников при избирательной комиссии, привлечь для этого деревенский антирелигиозный актив (учительство, агрономов, врачей, комсомол);

е) принять участие в местной стенгазете;

ж) организовать экскурсию или прогулку в местный монастырь, колхоз, опытное поле и т.д. (в качестве руководителя экскурсии необходимо привлечь местные культурные силы);

з) организовать коллективное чаепитие с элементами разумного развлечения в противовес пьяному проведению местных праздников;

и) отпускники (главным образом молодежь) могут организовать и провести вечёрки с гармошкой, пением антирелигиозных песен, постановкой инсценировок;

к) собрать материал о работе местных ячеек Союза Безбожников, о деятельности религиозных организаций, цифровые данные о том, как церковные праздники разоряют бедноту, собрать местные факты, свидетельствующие о росте безбожия, о борьбе с религиозными предрассудками и т.д., и т.п.

Эта подготовка должна строиться на основе наиболее актуальных и злободневных вопросов, волнующих деревню: вопросы землеустройства, коллективизации сельского хозяйства, кооперации, борьбы за урожай, борьбы за культурность крестьянина, вопросы быта и др.

Антирелигиозные прогулки и гуляния

// Антирелигиозник. 1929. № 5. С. 51—59.

В летних условиях, при постановке массовой антирелигиозной работы следует обратить внимание на организацию и проведение прогулок и гуляний. Опыт говорит, что организации СБ могут смело взяться за проведение этих довольно громоздких форм работы в целях антирелигиозной пропаганды.

Прогулки (и гулянья) следует устраивать в праздничные и воскресные дни, что не только обеспечит их массовость, но и оттенит их антирелигиозный характер, как мероприятий, организуемых в противовес религиозному проведению дней отдыха.

Организация каждой прогулки (особенно массовой) требует весьма вдумчивого отношения. Нужно заранее наметить пункт, в том или ином интересный и удобный для прогулки, и озаботиться, чтобы во время прогулки участники ее не скучали, не разбивались на отдельные предоставленные самим себе группы. Нужно заранее отметить целевую установку прогулки, подготовить программу и наполнить ее действительно интересными, занимательными формами работы, достаточно многообразными. Также нужно озаботиться и о материальном снабжении прогулки (дешевый буфет, чаепитие и т.д.).

Массовая антирелигиозная работа в связи с социалистическим соревнованием

// Антирелигиозник. 1929. № 10. С. 66—73.

Социалистическое соревнование, вовлекая широкие массы в социалистическое строительство, в борьбу за осуществление пятилетки, является лучшим орудием массовой антирелигиозной пропаганды. Эту азбучную истину незачем доказывать. Она подтверждается фактами текущей действительности. Уже сейчас, в начале своего развертывания, несмотря на ряд промахов и недостатков, социалистическое соревнование дает положительный антирелигиозный эффект.

За лучшую подготовку учебы

// Антирелигиозник. 1934. № 4. С. 1—4.

Борьба за пролетарский атеизм является необходимой составной частью социалистического перевоспитания всех трудящихся. В то же время победы строительства создают огромные предпосылки для антирелигиозной пропаганды. Успехи строительства ломают религиозное мировоззрение. Число безбожников растет с каждым днем. Массы усиленно стремятся к знанию, к усвоению научного, атеистического мировоззрения. Все это диктует необходимость широко и хорошо поставленной как массовой антирелигиозной учебы, так и подготовки и переподготовки антирелигиозных кадров — организаторов и руководителей антирелигиозного фронта.

Антирелигиозная учеба имеет под собой широкий базис в самой жизни. Между тем общее состояние антирелигиозной учебы на сегодня таково, что в целом, несмотря на ряд несомненных достижений, оно далеко не отвечает уровню современных требований атеистического воспитания масс, далеко не удовлетворяет задачам подготовки антирелигиозных кадров.

Привлечение и мобилизация общественности, социалистическое соревнование и ударничество должны быть основными методами массовой работы по пропаганде антирелигиозной учебы. Мы должны по-большевистски бороться за подготовку к новому учебному году, за качество антирелигиозной учебы.

**Солнечное затмение 19 июня 1936 г.
(Литература и другие пособия для лекций и бесед)**

// Антирелигиозник. 1936. № 3. С. 42—45.

Солнечные и лунные затмения принадлежат к тем небесным явлениям, которые особенно привлекают к себе всеобщее внимание. В особенности это относится к солнечным затмениям. Наблюдение их имеет огромное значение. Поэтому советские астрономы очень детально готовились к затмению Солнца 19 июня.

Солнечные затмения приковывают к себе внимание не только астрономов, но и всей советской общественности и широких масс. Явление затмения вызвало в массе трудящихся повышенный интерес к вопросам мировоззрения. Ответом на это явились разнообразные популярные лекции и беседы о солнечном затмении и на другие астрономические темы, астрономические вечера, рекомендация популярной литературы по вопросам астрономии и другие культурные мероприятия.

У нас, в связи с огромным ростом материального и культурного уровня трудящихся, религиозные суеверия быстро изживаются. Однако даже теперь духовенство и остатки разгромленного кулачества пытаются влиять на отсталые слои нашего населения. В борьбе против коллективизации кулацко-поповские элементы неоднократно использовали затмения. Безбожники должны беспощадно разоблачать эти попытки, объяснять верующим несостоятельность поповских сказок о «знамениях божиих», противопоставить этим басням научное объяснение небесных явлений.

Но работа будет иметь гораздо больший эффект, если не ограничиться одной этой темой, а провести цикл бесед и лекций, в которых слушатели ознакомятся и с другими астрономическими вопросами, рассказами о практическом использовании солнечной энергии, о достижениях советской астрономии, о борьбе церкви против астрономической науки, о жизни и труде Циолковского, познакомиться с проблемой межпланетных путешествий и т.д. и в то же время получают практические советы о том, как самим наблюдать солнечные затмения. Также нужно широко пропагандировать массовую астрономическую литературу (через библиотеки и на лекциях, путем соответствующих книжных выставок, рекомендательных списков и т.д.).

Беседы и лекции должны носить антирелигиозный характер, особенно это важно в работе среди верующих. Солнечное затмение и другие астрономические вопросы представляют весьма ценный материал для атеистической пропаганды. В работе с верующими особенно приходится сталкиваться с сомнением слушателей в возможности и наличии средств к изучению небесных тел и явлений. Поэтому нужно обратить внимание на ознакомление с методами изучения небесных явлений, рассказать об устройстве телескопа, о фотографировании небесных тел и т.д. Таким путем можно воспитать у слушателей уверенность в могуществе астрономии. Факт точного предсказания солнечного затмения (и других событий) является яркой иллюстрацией этого могущества. Нередко попы и разного рода «пророки» пытаются связать «конец мира» с потуханием Солнца; нужно разъяснить, что эти сказки ничем не обоснованы. Изучение величины звезд показало, что наше Солнце относится к звездам-карликам; в связи с этим развенчивается религиозное представление о Солнце как «особом», «божественном» светиле. Показывая научную несостоятельность подобных сказок, нужно вскрывать также их эксплуататорский контрреволюционный смысл.

К солнечному затмению 19 июня 1936 г. Государственным антирелигиозным издательством изданы следующие брошюры⁵⁷:

К.Э. ЦИОЛКОВСКИЙ — На луне. Грезы о земле и небе. ОНТИ. Главная редакция научно-популярной и юношеской литературы. М.—Л., 1935 г., 132 стр., тир. 20000, цена 1 р. 30 к.

Замечательный изобретатель всемирно известный К.Э. Циолковский, чья деятельность в области науки и техники совершенно самобытна, оставил большое литературное наследство. Вопросам цельнометаллического дирижабля и ракетному летанию, над которым главным образом работал Циолковский, он посвятил около сорока книг и брошюр. Главнейшие из них собраны в двух томах «Избранных трудов» Циолковского, изданных ОНТИ в 1934 г. Кроме того Циолковский затрагивал и другие вопросы: его интересовали астрономия, физика, биология, и т.д. В состав настоящего сборника входят лишь его научно-популярные и беллетристические произведения: «На Луне», «Грезы о земле и небе».

В увлекательной повести «На Луне» природа и физические условия лунного мира описаны не только научно правильно, но и чрезвычайно красочно, образно, так что лунная обстановка и ландшафты отчетливо вырисовываются в представлении читателя. «Грезы о земле и небе» — это ряд очень интересных научно-популярных, по форме — фактических очерков, касающихся строения вселенной и, главным образом, силы тяжести. Сборнику предпослан очерк Я. Перельмана о жизни и технических идеях К.Э. Циолковского. В сборнике много рисунков и схематических чертежей.

⁵⁷ В целом Агиенко перечисляет и описывает более десятка брошюр и книг, мы берем только те описания, которые напоминают нам о Святогоре-биокосмисте и об одной из важнейших для него тем — интерпланетаризме.

В массовой антирелигиозной пропаганде эту книгу следует широко использовать докладчикам и беседчикам. Сборник дает материал для ряда тем. Очерк Циолковского «Наружное строение вселенной» может быть с успехом взят для беседы и читки в малоподготовленной аудитории на тему о строении мира. Для темы о Солнце кроме этого очерка можно взять из очерка «Всемирное притяжение» разделы: «Влияние тяготения на форму планет и солнц» и «Что было бы с Землей, если бы Солнце перестало ее притягивать?» (заметим, что этого материала для темы о Солнце недостаточно). В целом сборник дает материал для темы: «Межпланетные путешествия» и «Жизнь и творчество великого изобретателя К.Э. Циолковского».

Я.И. ПЕРЕЛЬМАН — Межпланетные путешествия. Изд. 10-е, ОНТИ, Л.—М., 1935 г., стр. 270, ц. 2 р. 60 к.

При первом своем издании (1915 г.) «Межпланетные путешествия» были, по словам К. Циолковского, «первой в мире серьезной, хотя и вполне общепонятной книгой, рассматривающей проблему межпланетных перелетов и распространяющей правильные сведения о космической ракете». С того времени заатмосферное летание из проблемы чисто теоретической успело вырасти в практическую задачу современной техники. В связи с развитием этой проблемы каждое новое издание книги перерабатывалось и дополнялось.

Автор популярно и остроумно знакомит читателя с главными вопросами звездоплавания, которое еще недавно было заманчивой грезой, но сейчас в инвентаре современной науки уже найдены те физико-механические принципы, на которых может быть построен звездолет будущего, прообразом которого является ракета. Автор касается также значения ракетной проблемы для нужд мирного строительства и обороны СССР и сообщает о соответствующей работе у нас (овладение стратосферой с помощью ракетных аппаратов, работа по созданию ракетного мотора и др.). В книге дан ряд приложений для

подготовленного читателя, здесь же приведен подробный список книг по ракетному летанию и звездоплаванню. Издание хорошо иллюстрировано.

Кроме этой книги для темы «Межпланетные путешествия» можно взять: КОНДРАТЮК — Завоевание межпланетных пространств. 1929 г. С. КОРОЛЕВ — Ракетный полет в стратосфере. 1934 г. Я. ПЕРЕЛЬМАН — Ракетой на Луну. 1934 г. РОДНЫХ — Ракеты и ракетные корабли. 1934 г. М. ТИХОНРАВОВ — Ракетная техника. 1935 г. Из художественных произведений, трактующих ракетную проблему, укажем: А. БЕЛЯЕВ — Прыжок в ничто. 2-е изд. 1935 г. (идея межпланетного полета в романе разработана в духе идей Циолковского).

В заключение отметим, что указанная литература и наглядные пособия хотя и дают возможность всесторонне и убедительно в различных аудиториях осветить тему о солнечном затмении и другие астрономические темы, все же для лучшего проведения пропагандистской работы в связи с затмением нужно использовать статьи и заметки по этому вопросу в центральной и местной периодической печати. В этих статьях есть много нового и интересного⁵⁸.

⁵⁸ Мы не включаем в эти «фрагменты» другие статьи Агиенко в «Антирелигиознике» («Антирелигиозная работа в связи с колхозным строительством» (1931, № 3), «Антипасхальный вечер» (1935, № 2), «Антирелигиозная учеба» (1935, № 6), «О кадрах СВБ и об антирелигиозном минимуме» (1936, № 3), а также брошюру: *Агиенко А.Ф.* Миссионеры — агенты империализма (объяснительный текст к серии диапозитивов). М., 1936. (ладно скроенная в «ленинско-сталинском» духе, эта работа тем не менее может быть сведена к первому тезису к описанию диапозитивов 1—3: «Империалисты всегда являлись в колонии с оружием в одной руке и с библией в другой» (С. 7). Причина заключается в монотонности, рутинности и однообразии этих текстов, которые из раза в раз повторяют одни и те же антирелигиозные методологические и организационные формулы, для знакомства с которыми приведенных фрагментов вполне достаточно.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Статьи из журнала «БИОкосмист»

№ 1

На пути к биокосмизму (Э. Грозин).

Углубляясь в изучение человеческой личности, как совершеннейшего типа творчества природы, мы невольно замечаем, что человек во всех своих поступках сознательно или бессознательно выражает желание продолжать свою жизнь, как жизнь индивида и типа. Обращая внимание на то, как велик страх смерти у каждой умирающей личности, хотя бы естественной смертью, и как сильно желание жить и продолжить свое сознательное существование до беспредельности, мы смело можем назвать это желание инстинктом бессмертия. Человек жаждет бессмертия, он ищет победы над силами, нарушающими его сознательное продолжение себя в мировом бытии.

Но природа озаботилась о продолжении расы и вида, личность же умирает, совершая небольшой круг сознательной творческой жизни. Таков, якобы, непреложный закон природы. Но природа носит в себе созидающее и разрушающее начало, это то, что на языке старых этиков называется: добро и зло. Природа добра, ценна для нас, поскольку она творит и мы творим в ней, совершенствуя себя, но она зла и враждебна нам, поскольку разрушает и порабощает нас. Это разделение сил природы распространяется не только на видимое внешнее проявление жизни, но и на высшие ее формы, как инстинкты, мысль и воля человека. Борьба этих двух начал может иметь три исхода: победа творчества — это жизнь и движение вперед, победа разрушения — это смерть и полное уничтожение, и третье положение, — равнодействующая двух начал — потенциальное состояние сил — сон, спячка.

Смерть — конечная цель разрушения; она страшна и ужасающа для каждого живого существа; остальные силы, порабощающие человеческую личность, жалкие атрибуты смерти. Сознание, что я должен умереть, рождает во мне другое сознание — сознание безответственности. Отсюда социальное зло, рабство и насилие человека над человеком.

Человек, спешащий жить, стремится к тому, что дает максимум наслаждения. Он не думает о человечности и о самосовершенствовании, ибо он смертный. Все моральные и этические законы остаются пустыми звуками и слабой попыткой установить гармонию в человеческих соотношениях. Этика и эстетика оказались слабыми для искоренения зла, как разрушающего начала природы. Дикая сила, — разрушение и смерть — властвуют над жизнью и человеком. Мы живем, творим переходящие ценности, совершаем исторические события и исчезаем, как легкие метеоры. Жив и бессмертен лишь человеческий гений, бессмертен наш дух, бессмертно бытие, бессмертны искания человека.

До настоящего времени человечество обрело бессмертие лишь в области высшего познания, в области духа. Но если существует душа, она и так бессмертна. Таким образом, ища бессмертия путями религии и мистики, мы лопочмся в открытую дверь. С другой стороны, идя по пути материализма и игнорируя трансцендентальную сторону нашего я, мы попадаем в другое болото, именно в болото неведения. Мы закрываем дверь перед познанием, не поддающимся исследованию современного микроскопа. На этой почве мы создали бесконечное количество учений, школ и толкований. В лабиринте этих школ мы воюем и кричим, как жалкие пигмеи, вокруг бытия. Материализм в своей современной форме не освобождает человека, так как он в своем ложном дуализме или монизме разделяет бессмертное начало с смертным в человеке.

Мистика же с своим бессмертием в загробном мире еще больше нас порабощает. Она, толкуя о бессмертном существовании в других планах, ставит человека в пассивное положение, она лишает человека участия в сознательном утверждении себя в бессмертии. Человек остается сырым материалом в чьих-то руках для постройки чего-то.

Человек может сознательно, активно творить только в своей физической оболочке, и если существует бессмертие души, природы и вселенной, то это бессмертие должно быть объединено в человеке с смертным его началом и этим путем будет обессмертен человек. Реальное объединение сил, планов и законов бытия, постепенное подчинение их человеческой воле и разуму, — вот пути, по которым пойдет биокосмический человек к победе над смертью.

Мы, биокосмисты, поднимая победное знамя борьбы за бессмертие, не можем признать ни одну из существующих школ, так как каждая школа представляет собой и ложь и истину и, как школа, каждая является заблуждением и односторонним исканием человека. Мы отбрасываем и попираем ногами все одностороннее и жалкое, все, что не нужно и чуждо биокосмизму.

Победа над смертью будет победой над временем и пространством и всеми силами, поработавшими человека. Только постоянное развитие личности, ее неотложное самосовершенствование и использование человеческого гения в области новых открытий науки даст эту победу. Все для биокосмизма, вне его нет жизни и нет победы.

Движения биокосмизма (В. Анист).

О биокосмизме следует говорить или очень кратко, заметкой, или писать библию.

Ограничимся только сухим указанием на некоторые основные факты, свидетельствующие о движениях биокосмизма в прошлом году.

В Москве нами проделан длинный и разнообразный ряд публичных выступлений. Многократно с докладами о биокосмизме выступал А. Святогор. Эти доклады обычно сопровождалась широкой дискуссией. Состоялось не меньше десятка совместных выступлений преимущественно художественного характера. Выступали: А. Святогор, В. Зикеев, П. Иваницкий, Н. Дегтярев, Б. Гейго-Уран, П. Лидин, В. Петров и др.

Из диспутов нужно отметить религиозный и два философских. На трехдневном религиозном диспуте выступал А. Святогор на тему «Христос биокосмиста». Этим докладом впервые был открыт нами фронт по религиозно-мистическому сознанию. По докладу высказывались Н. Бердяев, Булгаков, Сергиенко, С. Попов, Вольтер и другие, причем особенно волновались, негодуя, толстовцы⁵⁹.

⁵⁹ Вот что пишет об этом (или подобном) диспуте Н. Бердяев: «Клуб анархистов (они в то время были дозволены) объявил диспут о Христе. Пригласили

Первый философский диспут состоялся в конце лета. Докладчик Л.Р. Дунаевский читал на тему «Философия активизма». По докладу высказывались П. Иваницкий и А. Святогор. Второй философский диспут состоялся осенью. С докладом о биокосмизме выступал А. Святогор, по докладу высказывались Михайловский и Аскараров.

Следует отметить выступление в клубе левых эсеров. Выступали П. Иваницкий и А. Святогор. Первый говорил «Об искусственном вызывании дождя», второй о «Биокосмической поэтике» и читал свои «художественные организмы». По докладам и поэзии А. Святогора высказывались: Л. Дунаевский, И. Штейнберг, А. Шредер и др.

В последнее время, на вторниках Вольной Философской Ассоциации, в качестве высказывающихся по докладам выступали П. Иваницкий и А. Святогор. Здесь следует отметить доклад анархиста Солоневича на тему «Анархия религии». Докладчик впал в религиозность и мистику далеко не высокого сорта. Для него бог и дьявол — реальности, получаемые в мистическом опыте.

меня участвовать. Были приглашены также епископы и священники, которые не явились. Были толстовцы, были последователи Н. Федорова, соединявшие идею Федорова о воскрешении с анархо-коммунизмом, были просто анархисты и просто коммунисты. Когда я вошел в переполненный зал, то почувствовал раскаленную и очень напряженную атмосферу. Было много красноармейцев, матросов, рабочих. Была атмосфера стихии революции, еще не вполне оформленной и не вполне организованной. Было начало 19 года, а может быть, конец 18 года. Один рабочий читал доклад об Евангелии, в котором излагал популярные брошюры отрицательной библейской критики, много говорил о противоречиях в Евангелиях. Труднее всего спорить, когда вы имеете дело с очень элементарным и малокультурным противником. Потом говорил толстовец, резко нападая на церковь. Говорил федоровец, который именовал себя биокосмистом. Он нес невероятную чепуху об Евангелии от кобылицы. В конце заявил, что социальная программа-максимум уже осуществлена и что теперь остается поставить на очередь дня космическое воскресение мертвых. Это вызвало в аудитории смех» (См.: *Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии)*. М., 1991. С. 235).

Неприемлемость власти он аргументировал тем доводом, что власть от дьявола. Дальше идти, очевидно, некуда, более реакционного анархизма трудно себе представить. Выступивший по докладу П. Иваницкий отметил, что доклад наглядно свидетельствует, до чего может докатиться анархизм, если он не хочет смотреть открыто в лицо действительности.

Клубом «Креаторий биокосмистов» в декабре была издана брошюра: Биокосмизм (материалы № 1). Содержание: А. Святогор — Биокосмическая поэтика, П. Иваницкий — Пролетарская этика. Готовятся к печати следующие выпуски, а также сборники поэтов и др. На страницах журнала «Универсал», в 21 г. напечатаны, кроме «худож. организ.» А. Святогора, следующие материалы биокосмистов: А. Святогор — «Лавочка поэтов», «Современная поэзия и биокосмизм» и «Биокосмическая поэтика», кроме того библиографические заметки А. Святогора, П. Иваницкого и А. Агиенко.

Наши идеи не могли пройти незамеченными и для провинции. В Семфиополе, осенью, поэт биокосмист Буяльский дважды выступал публично с чтением «худож. организ.» А. Святогора и своих. Мы получили ряд писем из разных городов России. Вот, напр., письмо Сормовского *рабочего* тов. С. Зеленова. Он пишет по поводу статьи А. Святогора: «смелое дерзновение товарища имеет свое основание» и потому: «поддерживаю предложение поставить в порядок дня задачи биокосмизма и начать практические работы в комитетах бессмертия, а для первого опыта отдаю себя». Свое письмо наш корреспондент заканчивает призывом: «все в бессмертия комитеты!»

Это письмо свидетельствует, что *здоровый инстинкт бессмертия, не отравленный мистикой и теософией* (как у буржуа и дряблого интеллигента), у *рабочего свободно ведет к биокосмизму*.

Таковы, в общем, в краткой заметке, движения биокосмизма в прошлом году. Но будем помнить, что краткая заметка не есть библия.

Личная критика (Н. Дегтярев).

Не соблазняет ни Америка,
Ни Азия не соблазняет,
Когда бессмертия в уме река
И звезд зовущая возня.
Что обывателей истерика?
Поэт вселенную познает.
Путем сангвиника, холерика
Берется вечности казна.
Должны расплачиваться звездами —
Я завлечен звездообменом.
Стихами пышущими, пестрыми
Напоминаю о себе.
Фонтаны фантастических грез да мы
Предстали новым Карфагеном.
Вооружась умами острыми,
Зарей закалены в борьбе.
Глупцы — зеленые кузнечики:
Все страны грузятся глупцами...
Кого, кого увековечивать?
Мертвец морочит мертвеца.
Пленит ли лоб, пленят ли плечики,
Я всюду мыслю мудрецами.
Певцу возможно ль обесцвечивать,
Что обессмертило певца?
Кастрированные политикой,
Поймут ли пляшущие песни?
Смердит людская пыль... В пыли такой
Не задохнешься ли в толпе?
Эй, орды орд! Меня ищите-ка!
Я всех политик полновесней...
Хвалу слагаю личной критикой
Биокосмической тропе.

№ 2

Об искусственном вызывании дождя (П. Иваницкий) (Заметка).

В одном из русских научных журналов мы встречаем следующее сообщение, принадлежащее видному представителю нашей науки — проф. Э.Е. Лейсту⁶⁰.

«British Association for the Advancement of Science в сент. 1910 г. имела сессию в Шеффилде и в одном из заседаний происходило суждение по докладу О. Lodge⁶¹ о влиянии электричества на погоду, в особенности на осадки. J.J. T[h]omson⁶² заявил, что по его вычислениям *достаточно употреблять умеренное количество электричества, чтобы изменить погоду на значительной площади*. Затруднения более *политического*, чем научного характера.

Подробности этих новых идей пока неизвестны, но имя Sir Oliver и Sir J.J. T[h]omson слишком известны, чтобы сомневаться в успехе. Будем ждать!»

Однако, насколько нам известно, никаких дальнейших сведений об этих работах не появлялось в печати.

⁶⁰ Э.Е. Лейст (у Иваницкого неверно поставлено отчество — Э.Г. Лейст) — геофизик, заслуженный профессор Императорского Московского университета (где руководил Метеорологической обсерваторией (Физико-географический институт). Весной 1918 года он учреждает Московское Метеорологическое Общество и принимает предложение отдела науки Наркомпроса стать консультантом по геофизике. Знаменит своими исследованиями Курской магнитной аномалии геомагнитного поля.

⁶¹ Оливер Лодж — английский физик, исследователь влияния электричества на погоду (явления электрического осаждения влаги из тумана).

⁶² Джозеф Джон Томсон — английский физик, открывший электрон и изотопы, лауреат Нобелевской премии по физике 1906 года «за исследования прохождения электричества через газы».

Собранные же нами материалы, относящиеся к вопросу об искусственном вызывании дождя посредством регуляции атмосферного электричества, говорят в пользу того, что мысли О. Лоджа и Джозефа Томсона — далеко не фантазия.

Так мы имеем, сделанное небезызвестным в России ученым *С. Грибоедовым*⁶³, описание, связанного с регуляцией воздушного электричества, случая искусственной грозы, которую наблюдали 19 апреля, как «первую» грозу 1902 г. жители г. Павловского и других соседних местностей.

«В действительности это, — говорит Грибоедов — *было совершенно искусственное явление, вызванное при змейковом международном полете в Константиновской Павловской Обсерватории*».

...Полет этот «состоялся в почти ясную погоду при синоптической карте грозового характера, хотя весьма низкая температура предшествовавших дней и весьма малая влажность делали грозу *маловероятной*».

Действительно в этот день грозы не наблюдалось *нигде в России* и только на следующий день, когда распределение атмосферного электричества осталось почти без перемены, а влажность повысилась, наблюдалась первая гроза в Пернове.

...Во втором часу дня с юга стала приближаться туча угрожающего вида, но стягивать змеи было уже поздно,

⁶³ С.Д. Грибоедов — русский ученый, внесший большой вклад в развитие методов долгосрочных прогнозов погоды (создатель синоптического метода). Был сотрудником созданного в 1902 году при Павловской магнитной и метеорологической обсерватории змейкового отделения, которым в первый же год существования был произведен 51 змейковый подъем. В течение первого десятилетия XX в. змейковое отделение выпустило 215 шаров-зондов, большая их часть достигла высоты 10 000 м и более. После революции, в результате японской интервенции на Дальнем Востоке (где он в то время исследовал движения воздушных масс), С.Д. Грибоедов уехал в Китай.

так как было уже выпущено около 4-х верст проволоки под натяжением двух пудов. Вскоре стали набегать сильные порывы ветра и пошел дождь с градом. Проволока однако выдержала... в зените стало прояснять и ветер опадал. В это время раздался сильный взрыв, как от динамитной шашки и проволока в том месте, где она сходила с лебедки, загорелась ярким пламенем, разбрызгивая искры; вслед затем вдоль по проволоке пробежала огненная полоса и загремел гром, уходя по направлению верхних змеев; еще мгновение и все затихло, и только буроватый дымок напоминал о нескольких верстах стальной проволоки, мгновенно обращенной в раскаленные пары.

Явление это имело однако крайне изолированный характер, и никто из присутствовавших при полете не пострадал, будучи всего в двух-трех шагах от лебедки»...

Взрыв проволоки отбил однако у Грибоедова всякое желание заниматься вызыванием искусственных гроз и он закончил свой рассказ таким «нравоучением»:

«Практическое же заключение из этого случая таково... когда электрические действия при полете станут особенно энергичны, следует совсем воздерживаться от прикосновения к лебедке под опасением трагического исхода».

Что регуляция атмосферного электричества все же вещь возможная — на это указывают опыты, которые еще в 1756 г. производил *де Рома*⁶⁴, запуская на шнурке, обернутом тонкою металлическою проволокою, змей на высоту до 500 футов. По сведениям Доминика-Франсуа Араго (знаменитого французского физика):

«Во время очень не сильной грозы, едва сопровождаемой несколькими легкими ударами грома, Рома извлекал

⁶⁴ Жак де Рома — французский физик, исследователь электрических явлений, который, согласно энциклопедии Брокгауза и Ефрона, «придумал пускать во время грозы привязанных на нитке бумажных змей с металлическими остриями, чтобы отводить атмосферное электричество в землю».

из нижнего конца веревки своего снаряда не только простые искры, но даже *огненные полосы* в 9—10 футов длиною... неоднократно во время его опытов молния и гром совершенно прекращались».

О той же возможности регуляции говорят и опыты Гельсингфорского профессора *Лемстрема*⁶⁵, который посредством своего прибора с остроконечиями искусственно воспроизводил *луч северного сияния* более 100 метров высоты (1882—1884 г.).

Но если в случае С. Грибоедова мы имеем картину как бы привлечения туч к месту регуляции, то опыты Бодуэна⁶⁶ в Тунисе (1876 и 1893 гг.), когда он пускал к облакам змеи снабженные остриями и соединенные посредством проволоки с землей и получал «слабые дожди» или «образование тумана», — свидетельствуют о возможности получения осадков из облаков уже имеющих на лицо.

История вопроса об искусственном управлении погодой вскрывает глубочайшее противоречие между защитниками старой буржуазной, мещанской культуры, культуры *Haus'a*⁶⁷ и людьми нового космического сознания. Английский ученый (Томсон) говорит, что ему мешают «политические» причины: русский ученый (Грибоедов) просто заявляет, что боится подойти к лебедке... *Араго*⁶⁸ с грустью отмечает (в 1838 г.) что никто не пошел по тому широкому и блестящему пути, который открывают опыты де Рома. Но и в 1912 г. дело не изменилось,

⁶⁵ Селим Лемстрем — финский ученый, считавшийся экспертом в области полярного сияния и земного магнетизма, производил эксперименты по электризации растений, автор книги «*Electro Cultur*», изданную в Берлине. Читателем этой книги был, в частности, упоминавшийся выше Оливер Лодж.

⁶⁶ Кого имеет в виду Иваницкий — неясно.

⁶⁷ Культура дома, домашнего очага (от нем. *haus* — дом).

⁶⁸ Франсуа Араго — французский физик и астроном, автор множества трудов по оптике, электромагнетизму, метеорологии и физической географии. Иваницкий ссылается на изданную в России в 1859 году книгу «Гром и молния».

т.к. в этом году уже упоминавшийся проф. Лейст, на основании соображений, подобных высказанным Грибоедовым, дал отрицательный отзыв о возможности бороться с градом посредством регуляции атмосферного электричества.

Еще в 1814 г. известный *В.Н. Каразин*⁶⁹ (основатель Харьковского Университета) предлагал применять воздушные шары, снабженные громоотводом для управления погодой, но рассматривавший его проект академик Фусс⁷⁰ нашел, что 20 000 руб. необходимые для опытов Каразина «были бы истрачены понапрасну».

По нашему мнению необходимо все же поставить опыты с аэростатом, удерживаемым на месте тонкой стальной проволокой, представляющей наименьшее сопротивление ветру и (во избежание пережигания электрическим током) состоящей из звеньев изолированных друг от друга... Ток из верхних слоев атмосферы должен проходить по снабженному острием и прикрепленному к верхней части аэростата канату, несущему на себе легкую эластичную металлическую оболочку (или по лентовидному металлическому полотну, если окажется, что оно представляет меньшее сопротивление силе ветра). В виду значительной величины поперечного сечения каната (или ленты) регулирующая способность снаряда будет очень велика...

Когда мы, биокосмисты, подымаем знамя бессмертия, воскрешения прежде живших людей, знамя интерпланетаризма, то нас часто упрекают, что мы будто бы проходим мимо нужды и страданий, мимо злобы сегодняшнего дня. Пусть эта небольшая работа покажет, что с точки

⁶⁹ В.Н. Каразин — ученый, инженер и общественный деятель. Наиболее выдающиеся его статьи — по метеорологии. Харьковский университет ныне носит его имя.

⁷⁰ Н.И. Фусс — русский математик швейцарского происхождения, академик Санкт-Петербургской академии наук.

зрения биокосмизма можно дать ответ на запросы текущего момента и, притом, быть может, ответ, указывающий единственный возможный выход из положения — выход в космос. Только потрянуть космосом и мы страхнем с себя бедствия засухи и голода.

ПОБЕДИТЕЛИ (Н. Дегтярев).

Г. Миненской

В ландо мечты неизреченной
Мы едем в звездный небозор.
Биокосмически степенно
Воссел на козлы Святогор.
Вот Иваницкий, вот Зикеев,
А вот с любовью Я и Ты.
Кому напомним Макковеев,
Тот заглянет в ландо мечты.
О, как творцам в пути просторно
Ничто нам критики буран...
Ба! На запятки смехотворно
Забрался и Гейго-Уран.
Торчит толпа в недоуменьи,
Здравши кверху стадный нос,
Но мы в бессмертном устремленьи
Отвергнем миллиард Каносс.
Мы жизнерадостны, как боги —
Весельчаки и мудрецы.
Не попадайся нам под ноги,
Кого приветствуют глупцы.
Тьма политических ублюдков,
Дыхание сопрет в груди...
Свободные от предрассудков,
Мы не цари, но мы — вожди.
Мы громом грянем по Европе.
Недаром Красный флаг в Кремле.

Эй, гибни, смерти опий!
Мы в небесах и на земле.
Лишь мы бессмертные создали
В смердящем зеве суеты...
Какие мировые дали!
Какие звезды и щиты!

***** (Н. Дегтярев).**

Тебя ль не предрешаю Я,
Биокосмистов конференция.
Мои стихи — корреспонденция
Во все миры, во все края.
Я — вышина и глубина:
Душа — безмерная дистанция.
Рукоплескания квитанция
Пустых клакеров не нужна.
Хочу создать, как левизна,
Восторги в каждом иностранце Я
Мечтами во вселенском Я, —
Во мне бессмертия весна.
О, конференции друзья!
Смешна Европы импотенция...
Тому моя аудитенция,
Кто мудрый вождь всебытия.

Обозная... (В. Анист).

«Культура природы — совершенна, а культура человечества — несовершенна». Смысл человеческого бытия в подчинении природе, и, если человек не подчиняется природе, — он не нужен ей, и «эту ненужность, несовершенное состояние, природа разрешает переменой, смертью, т.е. приведением в более совершенное состояние».

Для того, чтобы жить согласно воле природы «человечество должно сберечь себя от обрезания пуповины и места, являющихся питательным аппаратом самого совершенного растительного способа — землей и водой». Тогда «слившись чувствами с большей своей частью, т.е. стихиями, мы, природа, не вправе даже вводить в рассуждение свои человеческие предназначения». Тогда будет погребена вся культура, как зло, и если кто-либо задумает заняться техникой или горноделием, то это ему будет запрещено «под страхом обрезания пуповины». Наука и техника излишни и злы: «давно пора перестать уродовать природные органы и их чувства микроскопами и телескопами». Дело очень просто: человечеству, а также «ученому миру и русским новаторам» (подразумеваются коммунисты) автор предлагает «чтобы они не ждали усиленных пайков», но «осуществляли свое бытие тождественно с природой», т.е. питались бы водой и землей через пуповину. Словом, — в пуповине спасение мира и благоденствие.

Об этом малограмотном вздоре нам приходится писать по необходимости. Некий Буторин напечатал эту чепуху под заглавием «Пуповина человечества» в сомнительном издательстве «Супрадины». Невежественный издатель в своем предисловии преподносит читателю эту стряпню, как «замечательный философский этюд» и в беспардонном нахальстве выдает все это за биокосмизм, заканчивая: «да здравствует биокосмизм!».

С биокосмической точки зрения природа несовершенна уже потому, что в ней царит смерть. Не человек должен подчиниться природе, но подчинить ее своей творческой воле путем науки и техники, а не путем отрицания их и питания через пуповину. Проблема интерпланетаризма, как задача техники, для автора «Пуповины» вовсе не существует, как не существует для него и проблема воскрешения. Ему также неприятна революция, т.к. мешает спокойному питанию «землей и водой через пуповину».

Только непроходимое невежество может смешать биокосмизм с этим виногретом из вегетарианства, толстовства и старенькой мыслишки о питании через пуповину.

Новые идеи, особенно если они животрепещущи, на своем пути обычно встречают бесконечный ряд препятствий: невежественное сознание, шарлатанство, бессовестная спекуляция, фальсификация, хамство, клевета, ложь. Таков удел всего крупного, таков удел и биокосмизма. Недаром еще Дарвин утверждал, что размножению слона в Индии препятствуют паразиты из насекомых. Но как ни тяжело невежественное сознание, в котором новые идеи — преломляются часто настолько нелепо, что теряешься, как быть тут, все же нет ничего гаже откровенного паразитизма или, по словам А. Белого «обозной сволочи». Последняя особенно чутка к новым словам, она моментально подхватывает их, тащит по улицам и площадям, загаживая их и нагло спекулируя ими. Это самый злостный, уголовный вид паразитизма и хамства.

№ 3–4

От Секретариата К. Р. и М. А.-Б.⁷¹

В № 17 «Вольной Жизни»⁷² безответственная группа лиц, именующих себя «Секретариат всероссийской секции анархистов-универсалистов», ссылаясь на помещенную в № 4 «Известий ВЦИК» нашу декларацию, в своем

⁷¹ Опубликовано целиком под заголовком «Письмо в редакцию» в «Известиях ВЦИК» (№ 128, 11 июня 1922).

⁷² «Вольная жизнь» — журнал Всероссийской федерации анархистов-коммунистов, главным редактором которого был А.А. Карелин. Выходил с 1919 до 1922 года.

бессилии бороться с нами в сфере, мысли, прибегает к весьма избитому приему борьбы, объявляя нас захватчиками «имущества анархической организации», за что нас предаёт «общественному позору».

Входя в 1921 г. в состав центральной организации универсалистов, мы, анархисты-биокосмисты (меньшинство), убедившись, что неопределенное и двусмысленное поведение большинства стало хронически безнадёжным, не считали для себя возможным более нести ни моральной, ни политической ответственности за деятельность организации. В результате наступившего распада организации, вследствие идеологического и тактического банкротства ее, мы, оказавшись единственно правомочной группой с членом секретариата А. Святого-ром, решили положить конец безнадёжному положению вещей, выступив со своей декларацией. Мы действовали в силу революционной этики, полагая, что вредный для революции и здорового анархизма элемент подлежит отсечению. В то же время, имея право на имущество и помещения распавшейся организации, мы, во избежание недоразумений, этим правом не воспользовались.

Идейное и тактическое банкротство «универсалистов» очевидно. Но в данном случае мы видим, что с ними вполне солидаризируется «Всероссийская федерация», т.к. они выступают не только от себя, но и от «федерации», заявляя, что мы не только с ними, но и с «анархистами Всероссийской федерации» ничего общего не имеем. Оно и понятно.

Подчеркивая необходимость решительной ревизии теории и практики старого анархизма, подняв знамя новой идеологии на принципе личности, утверждающей себя в бессмертии и в космосе, полагая, что в переходное время диктатура необходима и целесообразна, положительно относясь к революционной Советской власти и считая, что в условиях революции необходима ясная и отчетливая тактическая линия, мы,

анархисты-биокосмисты, не могли, понятно, оказаться по вкусу разлагающимся эпигонам старого анархизма, под прессом авторитетов прошлого утратившим способность самостоятельной оценки вещей, и, в борьбе с инакомыслящими, прибегающими к весьма избитому, неубедительному и жалкому приему нелепых обвинений в захвате, авантюризме и провокации.

Вызов «Федерации» мы принимаем и констатируем, что, в результате усилившегося в последнее время процесса расслоения анархических сил, определились два лагеря. С одной стороны — эпигоны, возглавляемые «Всерос. Фед.», с другой — новая здоровая формация (биокосмисты, другие группы и ряд отдельных анархистов). Принимая вызов «Ф», мы констатируем, что т.о. создается необходимая в революционной обстановке ясность и определенность позиций и призываем свежие и самостоятельные анархические силы к объединению и стойкой организованности на новых началах.

Просьба к русской и заграничной печати дать место этому письму.

Орех, недоумение и камни (П. Лидин).

Мы преподаем великий урок, но его туго усваивают. Орех биокосмизма не по зубам среднему человеку. Мы, быть может, больше, чем следует, уважаем средние мозги, надеясь, что они должны же, наконец, зашевелиться и дотянуться до биокосмизма.

Нас упрекают, что мы в печати и выступлениях ошарашиваем публику. Даем обстоятельные статьи, доклады — и вдруг «Евангелие от Кобылы» или «Возлюбленная», родившая 13 дюжин биокосмистов, и прочее зверье. Публика недоумевает. Но сами посудите: кто решил овладеть космосом, тот должен обладать

звериной силой. Бестиализм и биокосмизм — «это один упруго смотанный клубок». Бестиализм прост и понятен. Но средний человек недоумевает. Он любит умеренность, а мы неумеренны.

Упреки непонимающих досадны. Но бывает похуже.

Что может быть выше и прекраснее биокосмизма? Но пророков всегда побивали камнями. Камни летят со всех сторон. Толстовцы и анархисты, рясы и женщины, поэты и поэтики, обыватели и критики, нэпы и нэпчики, знакомые и прохожие — все норовят ущипнуть биокосмизм. Ужасное положение. Мы как остров, а со всех сторон негодующее и враждебное море. Море недомыслия, убожества, клеветы и лжи, насмешливой глупости, злопыхательства и тупости.

Если бы не оптимизм наш, не веселый дух, то куда там бессмертие и космос — давно были бы на Ваганьковом. Но если камни, то камни. Тем лучше: камни летают обратно. А мы еще в детстве учились бросать мячами и булыжниками.

Статьи из журнала «Камо Грядеши?»

От редакторской коллегии
(Будущим сотрудникам).

Неотложная необходимость внедрения в сознание всех людей разумного понимания и жизненного осуществления христианства повелительно диктуется всей совокупностью обрушившихся на современное человечество апокалипсических бедствий.

Поэтому желательно дать в этом журнале всестороннее освещение основных вопросов религиозной мысли и церковной общественности в живой связи с катастрофической современностью всего старого мира европейской капиталистической цивилизации.

Особенно желательно нам сотрудничество представителей прогрессивной части старой духовно-академической и университетской профессуры, а также старых и новых литературных сил трудовой интеллигенции, интеллигентного пролетариата, людей свободных

профессий и специалистов-писателей, независимо от их принадлежности к тем или иным сектам и вероисповеданиям христианства лишь бы их статьи выявляли объединительные стремления чистого христианства, как принципа Всеединой Вековечно Юнеющей Религии Духа Бого-Человечества грядущего мира.

Все труды этого Духа, задержанные цензурными рогатками умирающего старого мира, найдут у нас самый радушный прием.

Осанна — Воскрешающе-Грядущему! (Редакторская коллегия).

Зная законы и ход истории, веря в predeterminedность, мы, стремясь познавать, уяснять и воплощать наши цели и задачи-цели и задачи русской трудящейся общественности в минуты и часы раздумья, словами Пилата, говорим: что есть истина?

Название нашего журнала «Камо Грядеши»⁷³ пронизано острой болью вопросности, как примирить добрых и злых, правду и кривду — две изначальные стихии мира? «Камо грядеши, человечество и человек?» — вопрошают сердца и души человеческие. Устами и голосом Владимира Ленина — вождя пролетариата всех стран — человечество и человек отвечают:

«Из того, что вы живете и хозяйничаете, рождаете детей и производите продукты, обмениваете их, складывается объективно-необходимая цепь событий, цепь развития, независимая от вашего общественного сознания, не охватываемая им полностью никогда. Самая

⁷³ Камо грядеши — старославянский перевод фразы, сказанной Петром Христу на Тайной вечере, ср. совр. вариант: «Симон Петр сказал Ему: Господи! куда Ты идешь? Иисус отвечал ему: куда Я иду, ты не можешь теперь за Мною идти, а после пойдешь за Мною» (Иоан. 13:36).

высшая задача человечества — охватить эту объективную логику хозяйственной эволюции (эволюция общественного бытия) в общих и основных чертах с тем, чтобы возможно более отчетливо, ясно, критически приспособить к ней свое общественное сознание и сознание передовых классов всех капиталистических стран» (В. Ленин, «Материализм и эмпириокритицизм», стр. 332).

— Камо грядеши, человечество и человек?

Устами и голосом В. И. Ульянова (Ленина) — гения социальной революции — человек и человечество отвечают:

«Единственный вывод из того разделяемого марксистами мнения, что теория Маркса есть объективная истина, состоит в следующем: идя по пути марксовой теории, мы будем приближаться к объективной истине все больше и больше (никогда не исчерпывая ее); идя же по всякому другому пути, мы не можем прийти ни к чему, кроме путаницы и лжи» (В. Ленин, «Материализм и эмпириокритицизм», стр. 140).

— Камо грядеши, Иисус Христос? — вопрошают сердца и души христианские.

Устами евангелиста Матфея Иисус Христос, сын человеческий, просто и ясно отвечает:

— Придите ко мне, все утруждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдите покой душам вашим. Ибо иго мое благо и бремя мое легко. (Гл. 11, ст. 28—30).

— Камо грядеши, Иисус Христос?

Устами евангелиста Иоанна Иисус Христос Сын Божий мирно и свято отвечает:

— Вы слышали, что я сказал вам: иду от вас и приду к вам. Если бы вы любили Меня, то возрадовались бы, что Я сказал: иду к Отцу, ибо Отец Мой более Меня. (Гл. 14, ст. 28).

Имеющий уши да слышит!

Могущий вместить да вместит!

Вместо проповеди (Ника).

С благоговейным трепетом перелистывая Новый Завет, внимательно и серьезно прочел 23 главу от Матфея.

«Тогда Иисус начал говорить народу и ученикам своим», — так начинается глава.

2. И сказал им: на Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи».

Тысячи книжников и фарисеев сегодняшней эпохи медленно протекли пред моим духовным взором. И я продолжал читать:

3. «Итак все, что они велят нам соблюдать, соблюдайте и делайте, ибо они говорят, и не делают.

4. Связывают бремена тяжелые и неудобноносимые и возлагают на плеча людям, а сами не хотят и перстом двинуть их».

Члены «всероссийского церковного поместного собора» вереницей прошли в памяти моей. И глаза мои вновь заскользили по строкам:

5. «Все же дела свои делают с тем, чтобы видели их люди, расширяют хранилища свои и увеличивают воскрылия одежд своих».

«Архиепископ» Александр Введенский⁷⁴, нашумевший в Москве, в Ленинграде и по всей Советской России, размашистой походкой продемонстрировал в сознании моем. И глаза мои снова побежали по священным стихам:

6. «Также любят предвозлежания на пиршествах и председания в синагогах.

7. И приветствия в народных собраниях, и чтобы люди звали их: “учитель, учитель”».

Вожди —

⁷⁴ А.И. Введенский — протоиерей, в обновленческом расколе — митрополит, один из лидеров обновленческого движения в Православной Российской Церкви в 1922—1946 годах.

Меньшевизма,
Фашизма,
Капитализма,
Лефизма,
Дадаизма,
Философского индивидуализма

и других нескончаемых измов, с пеной у рта и кровожадными глазами прогалопировали на полотне истории в моем воображении. И взор мой опять вонзился в бессмертные слова Иисуса:

8. «А вы не называйтесь учителями, ибо один у вас учитель — Христос, все же вы братья.

9. И отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах.

10. И не называйтесь наставниками, ибо один у вас наставник — Христос.

11. Большой из вас да будет вам слуга.

12. Ибо, кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится.

13. Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человекам, ибо сами не входите и хотящих войти не допускаете».

Римский папа, наместник Христа, с титулом святейший, играющий в угоду плотским страстям, как ярый поборник самовластия, замаячил своей тучной фигурой с своей золотой тфелькой и целующими край его тфельки кардиналами.

Погруженный в размышление, читаю дальше:

14. «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что поедаете дома вдов и лицемерно долго молитесь, за то примите тем больше осуждение».

Монахи и монахини, черное духовенство патр. Тихона, старые и новые синоды пестрой фалангой в камилавках, митрах и ризах медлительно-грусливым шагом, подобно теням в туманно-зимних сумерках, проползли по своим кельям и жилищам в моем представлении.

Божественным гневом опять зазвучали слова Иисуса Христа:

15. «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что обходите море и сушу, дабы обратить хоть одного, и когда это случится, делаете его сыном геенны, вдвое худшим вас».

Освященный радостью понимания, жадно стремлюсь по строкам. И —

25. «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что очищаете внешность чаши и блюда, между тем, как внутри они полны хищения и неправды.

26. Фарисей слепой, очисти прежде внутренность чаши и блюда, чтобы чиста была и внешность их.

27. Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты.

28. Так и вы по наружности кажетесь людьми праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония.

29. Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что строите гробницы пророкам и украшаете памятники праведников».

Галерея политических лиц Европы вспыхнула зарницей в часы Вечерней Полумглы, цепкая цепь последний событий звякнула в моем уединении — и я читал:

34. «Посему, вот, Я посылаю к вам пророков, и мудрых, и книжников, и вы иных убьете и распнете, а иных будете бить в синагогах ваших и гнать из города в город.

38. Се, оставляется вам дом ваш пуст!»

Холодом небытия и человеческой пустоты повеяло на меня с последних стихов.

39. «Ибо сказываю вам, не увидите Меня отныне, доколе не воскликните: «благословен Грядый во имя Господне».

Аминь!

Тезисы к докладу «Кризис религии» (Николаевич)⁷⁵.

1.

Все известные современному человечеству религиозные культы в большей или меньшей степени отжили свой век вместе с феодальной и капиталистической государственностью и соединенными с последней формами экономической жизни. Превышенный быт затруднял гармоническое и интегральное развитие личности и общественного начала в их взаимоотношении, искажив основные идеи единой истинной религии и приспособив ее для служения господствующим в государстве классам.

2.

С выходом человечества из эпохи умирающего капиталистического государства в эпоху новой социальной общности, базирующейся не на насилии классов, а на добровольном сотрудничестве всего человеческого коллектива, перегородки религиозных культов рушатся вместе с идеологическими и экономическими надстройками прежнего классового деления людей, и вырастает новая научно-религиозная доктрина, основанная на вере и разуме освобожденного индивидуума.

3.

Буддизм, иудейство, христианство и магометанство с их подразделениями, как экономические — в широком марксистском понимании — одежды, не в состоянии

⁷⁵ По мнению М.Ю. Крапивина, текст принадлежит Святогору.

более прикрывать и затемнять раскрепощающихся религиозных истин единой в своих основах человеческой религии — веры в единого Бога и единосущного ему бессмертного человеческого духа.

4.

Религиозная идея относится ко всей остальной деятельности человека, как центр к перифериям, как основная база к надстройкам, как стратегия к тактике; несоответствие развивающегося религиозного сознания и экономических форм жизни порождает революции. Наша великая революция есть результат несоответствия основных идей христианства капиталистическому способу производства и потребления, — коммунизм первоначальной христианской общины через два тысячелетия инкубационного периода взрывает изнутри собственнический уклад классовой современности и, найдя себе союзника в достижениях современной науки и философии — главным образом индийской — отмечает ветхие одежды канонических церквей.

3.

Человечество ближайшего будущего отвергает разнообразие форм всех разлагающихся религиозных культов — главным образом, западного католицизма и византийского православия — основанных на экономическом рабстве, и перейдет к единой религии, согласной с современной наукой и являющейся корнем всех вероучений, — к действительному христианству, — универсалу восточных представлений о Боге и мире.

Там, «где будет труп» старых церквей, соберутся орлы новой единой всемирной религии для общения с Богом в Духе и Истине.

Идущим (Н. Дегтярев).

1. «Я и Отец Одно».
Евангелием окрыленный,
Из боголюбцев строю вкупе рать.
Один
Во всем,
Отцом
Рожденный,
Заветно,
Звонко
Тку
Тоску пера.
2. О ком?
О чем?
Очами,
Оком
Я скомкал
скалы самовластия, —
И быта на — море широком
Громовой Дух
Братвою ластился.
3. Эй, молнии
моих дерзаний,
Пронзайте суету
Земли!
Душу ли
Душу
Все желанней —
Все пламенней в людской пыли?
4. Пиликают
у Врат Бессмертия
Раскаявшиеся лжецы,
А Я —
под семицветной твердью —
Я

не обижу и овцы!

5. Овчаркой

лает тупоумье

У подворотни грозных дней,

А Я, —

Я радугой даю раздумье

Отцу, Кто гения родней.

6. По тротуару зорких знаний

Постукивай, каблук ума!

Я —

Никому могильной дани,

Где близнецами свет и тьма.

7. Божественный,

пою улыбкой

Все зыби

вздыбленных эпох

И, шествуя походкой зыбкой,

Гляжу на грани всех дорог.

8. Топорщатся сугробов сети,

Разбойник ветер злолетуч,

А месяц —

Серп тысячелетий —

Срезает стебли

Тонких

Туч!

**Утро революционного критика (Н. Дегтярев).
(На память добрым и злым).**

«Суета сует, сказал Екклезиаст,
все — суета сует... и томление духа».

Комната. Температура — ниже нуля. У стены над дверью широкая доска, на которой водружен ряд книг

и журналов. Октябрь Владимирович, революционный критик, сидит у письменного стола в советском полубуфете и размышляет. Из соседней проходной комнаты слышен грубый голос: «нэп — бог червонца». Октябрь Владимирович напряженно вслушивается. Вдруг после стука в дверь входит юный поэт.

Октябрь Влад. А, наконец-то!

Поэт. Здравствуй.

Октябрь Влад. Здравствуй.

Поэт. Ну, как дела? Где был? Что видел? Что читал?

Октябрь Влад. Мои дела великолепны. Победоносны, как всегда. А был — на вечере левых. В консерватории. Вчера. Потешно было. Маяковский — известный трехаршинный шут.

Поэт. Что публика?

Октябрь Влад. Бесплатных около пятисот. Да тех, кто в кассу внес червонец, десятка два, десятка три. Болтая языками хлестко, и Третьяков, и Брик, и мнози, туману напустили всем.

Поэт. О, неужели?

Октябрь Влад. Да-да. Литература наша в текущий век сошла на нет. Хлюсты литературных школ заполнили русский рынок. Есть Ярославский (Александр). Так вот его назвал хлюстом сам хлюст — Володька Маяковский.

Поэт. Что ж? Это — верно. Я согласен. Хлюсты — направо и налево.

Октябрь Влад. Все это так. Но вот, представь, сегодня «на глаза попалась» газета футуристов мне. И я, я развожу руками от манифеста их.

Поэт. Прочти.

Октябрь Влад. (читает).

«Манифест летучей федерации футуристов. — Старый строй держался на трех китах. Рабство политическое, рабство социальное, рабство духовное. Февральская революция уничтожила рабство политическое. Черными перьями двуглавого орла устлана дорога

в Тобольск. Бомбу социальной революции бросил под капитал Октябрь. Далеко на горизонте маячат жирные зады убегающих заводчиков. И только стоит неколебленный⁷⁶ третий кит — рабство духа».

Поэт. Да, третий кит непоколебим.

Октябрь Влад. (продолжает).

«По-прежнему извергает он фонтан затхлои воды — именуемый — старое искусство. Театры по-прежнему ставят «Иудейских» и прочих царей (сочинений Романовых). По-прежнему памятники генералов, князей — царских любовниц и царицыных любовников тяжелой, грязной ногой стоят на горлах молодых улиц. В мелочных лавочках, называемых высокопарно выставками, торгуют чистой мазней барских дочек и дачек в стиле Рококо и прочих Людовиков. И наконец, на светлых праздниках наших поем не наши гимны, а седоволосую одолженную у французов марсельезу. Довольно!»

Поэт. Давно ли это написали?

Октябрь Влад. Дан в 18 году.

Поэт. И все по-прежнему почти!..

Октябрь Влад. (продолж. читать).

«Мы пролетарии искусства, — зовем пролетариев фабрик и земель к третьей бескровной, но жестокой революции, революции духа. Требуем признать. I. Отделение искусства от государства. Уничтожение покровительства, привилегий и контроля в области искусства. Долой дипломы, официальные посты и чины!»

Поэт. Да, загибали через меру.

Октябрь Влад. (улыбается и продолжает).

«II. Передачу всех материальных средств искусства, театров, капелл, выставочных помещений и зданий академии и художественных школ — в руки самих мастеров искусства для равноправного пользования ими всего народа искусства».

⁷⁶ Так в тексте Дегтярева. В оригинале — «неколебимый».

Поэт. Однако, мастера — на фразы!

Октябрь Влад. (смеется и продолжает).

«III. Всеобщее художественное образование, ибо мы верим, что основы грядущего свободного искусства могут выйти только из недр демократической России, до сего времени лишь алкавшей хлеба искусства».

Поэт. Демократически загнули.

Октябрь Влад. (не улыбаясь и не смеясь, продолжает).

«IV. Немедленная, на ряду с продовольственными, реквизиция всех под спудом лежащих эстетических запасов для справедливого и равномерного пользования всей России. Да здравствует Третья Революция, Революция Духа.

Д. Бурлюк, В. Каменский, В. Маяковский. Дан в Москве 1918 года. Март».

Поэт. Да, молодчаги на слова!

Октябрь Влад. Не хочешь ли — еще прочту?

Поэт. Прочти, пока не надоело.

Октябрь Влад. (читает).

«Декрет № 1 — о демократизации искусств (заборная литература и площадная живопись). Товарищи и граждане, мы вожди российского футуризма — революционного искусства молодости объявляем. 1. Отныне, вместе с уничтожением царского строя, отменяется проживание искусства в кладовых, сараях — человеческого гения — дворцах, галереях, салонах, библиотеках, театрах».

Поэт. Я был в провинции тогда и, как мальчишка, не слышал.

Октябрь Влад. (продолжает).

«2. Во имя великой поступи равенства каждого перед культурой Свободное Слово творческой личности пусть будет написано на перекрестках домовых стен, заборов, крыш, улиц наших городов, селений и на спинах автомобилей, экипажей, трамваев и на платьях всех граждан».

Поэт. А как на деле это было?

Октябрь Влад. (продолжает читать).

«3. Пусть самоцветными радугами перекинутся картины (краски) на улицах и площадях от дома к дому, радуя, облагораживая глаз (вкус) прохожего. Художники и писатели обязаны немедля взять горшки с красками и кистями своего мастерства иллюминировать, разрисовать все бока, лбы и груди городов, вокзалов и вечно бегущих стай железнодорожных вагонов».

Поэт. Вагоны приходилось видеть.

Октябрь Влад. (улыбается и продолжает).

«Пусть отныне, проходя по улице, гражданин будет наслаждаться ежеминутно глубиной мысли великих современников, созерцать цветистую яркость красивой радости сегодня, слушать музыку — мелодии, грохот, шум — прекрасных композиторов всюду. Пусть улицы будут праздником искусства для всех. И если станет по слову нашему, каждый, выйдя на улицу, будет возвеличиваться, умудряться созерцанием красоты взамен теперешних улиц — железных книг (вывески), где страница за страницей начертали свои письма лишь алчба, любостяжание, корыстная подлость и низкая тупость — оскверняя душу и оскорбляя глаз. “Все искусство — всему народу!” Первая расклейка стихов и вывеска картин произойдет в Москве в день выхода нашей газеты — Маяковский, Каменский, Бурлюк».

Поэт. Что складно сделано, то складно. А что — смешно, то всем смешно. Замерз, хоть слушалось отраднo. Тут сатанински холодно. Идем в библиотеку!

Октябрь Влад. Ладно. Идем. С тобой я заодно.

(Дрожа от холода, уходят).

Хроника (С.)

10 февраля епископ Антонин⁷⁷ совершал со своей общиной богослужение во вновь поступившем в его распоряжение храме на Николо-Ямской ул.⁷⁸

Огромный храм был полон любопытствующими. Епископ Антонин богослужение совершал по своим — новшествам: перед престолом, вынесенным из алтаря на амвон.

Прошения, песнопения, молитвы, переименованные Антонином по-своему, у присутствующих с Таганки и Землянки вызвали недовольство: слышались возгласы: Сектанты! Кошунники!

Во время речи еп. Антонина настроение толпы делается сразу недовольно-повышенное; и при словах его:

— «Мы пережили революцию политическую, социальную и паскудную церковную», — поднимается шум, гам и крик: вон! захватчики! Вы пришли сквернить храм! уходите, уходите!

Среди всеобщего шума и гама слышится голос еп. Антонина:

— «Ко мне обратился церковный совет храма Николы с просьбой отстоять храм, предназначенный под клуб рабочих, я отстоял его и получил ключи храма. А вижу, — в задних рядах пришли люди ради любопытства и кощунства мешать нам; кто не хочет слушать, тот пусть уходит из храма и не мешает. Еще есть нутро человека; им владеет поповство и нужно поповство разбить и освободить человеческие души от поповского колдовства; в высшем церковном управлении все прелюбодеи понадевали

⁷⁷ Антонин (Грановский) — один из лидеров обновленческого движения, глава Союза «Церковное возрождение». В 1922—1923 гг. — обновленческий митрополит Московский. В 1921 году за литургические новшества Патриарх Тихон запретил его в служении.

⁷⁸ Вероятно, имеется в виду церковь святителя Николая в Рогожской Ямской слободе — «Николы на Ямах».

митры и золотые ризы; что живая церковь, что старая, — это одно и то же поповство; вы безумцы бестолковые, вот почему и колошматят вас; так и следует!»

Неистовые крики толпы заглушили слова еп. Антонина:

— Довольно! вон! лучше передать храм под клуб, чем вам, кощунникам!

Так встречала еп. Антонина его новая будущая паства в храме на Николо-Ямской ул.

Невольно нам приходит на память Крыловская басня «Червонец и мужик». Запачканный в грязи червонец мужик чистил кирпичом и так поусердствовал, что червонец заблестел, но в весе меньше стал и ценность потерял. Мы полагаем, что высоко-художественные церковные песнопения, — выражающие величественный смысл духа, понимаемый простыми людьми не только разумом, но и сердцем, — коверкать так — это уподобиться мужику, чистящему червонец кирпичом.

Пред церквями лежит другая огромная задача; время для нее пришло, ибо политически открылся бесконечный простор свободы; поэтому дух, связанный материальной скорбью, должен освободиться от своей скорби и почувствовать мировое единство и осознать, и поднять до Богочеловечества.

Вот наша величественная задача момента. А лозунг для церкви должен быть:

— Христос на земле, возноситеся!

Деятельность Свободной Трудовой Церкви (Ф. Жилкин).

1) Свободная Трудовая Церковь подписала свою программу инициативной группой 22-го октября 1922 г. Программа была опубликована в газете «Известий В.Ц.И.К.» от 2-го и 8-го декабря 1922 г.

2) Храм (за отсутствием прихожан) был получен на Ильинке, Ющков пер., носящий историческое название и доньше Св. Николы, Красный звон, 22 февраля 1923 г. В нем начала совершаться служба с 11 марта и совершается по сие время; в кануны праздничных дней — все-нощные от 7 час. веч., а в дни праздников — литургии от 11 час. утра.

3) Кроме службы в храме велись беседы, по праздникам и четвергам, а также особые диспуты на темы «Религиозный смысл диктатуры пролетариата в связи с раскаянием патр. Тихона», «Жизненный смысл основных идей Библии и неразрывное единство Ветхого и Нового заветов», «Религиозная наука и научная религия» и др.; как беседы, так и диспуты посещали люди, интересующиеся религиозностью и антирелигиозностью.

4) После Пасхи с. г. беседы и диспуты будут продолжаться в Храме.

5) Управляет Свободной Трудовой Церковью ее Центральный Комитет, состоящий из отделов: а) организационный, б) хозяйственный, в) редакторский и г) духовно-священствующий.

6) Центральный Комитет Свободной Трудовой Церкви находится в Москве, Арбат, Бол. Афанасьевский пер., дом № 5, кв. 4. Прием по делам организации: понедельник, пятница от 6 час. и до 8 час. вечера.

7) В следующем номере будут помещены инструкции Центрального Комитета С.Т.Ц. для открытия отделов на местах.

Е. Кучинов

Фрагменты анархо- биокосмистов^{*}

* Текст написан в январе 2017 года и впервые опубликован на сайте por-philosophy.net. Данная версия текста переработана и дополнена.

1. Метод.

Есть способ чтения текстов, точнее, всегда — чтения *фрагментов*, предъявляющий к осуществляющему его высокие требования, и вместе с тем, несмотря на сложности, отличающийся изяществом, тонкостью и красотой. Этот способ предполагает чтение фрагментов текста — как фрагментов досократиков. Прием несколько искусственный, так как фокус в том, что он применяется к нефрагментарному материалу, в котором выявляется и изолируется от остального соответствующий фрагмент. Такой способ был осуществлен, например, в отношении Фрейда — Жаком Лаканом и в отношении Делёза — Квентином Мейясу.

Что же это значит, читать нечто как досократический фрагмент? Жак Лакан использует этот метод для чтения загадочного места фрейдовского корпуса, «*Wo Es war, soll Ich werden*» («Там, где было Оно, должно стать Я»), которым завершается 31-я Лекция по Введению в психоанализ. Именно в нем Лакан обнаруживает досократическое богатство содержания¹. Место «*Es war*» Лакан соотносит с местом сновидения, на котором

¹ Лакан Ж. Семинары. Кн. 11. Четыре основные понятия психоанализа. М., 2004. С. 51.

«древние» чего только не находили: «Иногда даже послания своих божеств — а почему бы и нет? Эти божественные оракулы для них даром не проходили — они ими умели пользоваться. <...> не исключено, что оракулы эти находятся там и по сей день», в конечном счете — это место Реального, которому *принадлежат боги* и в котором субъект призван себя обрести². Чтение «*Wo Es war, soll Ich werden*» как досократического фрагмента вызывает к жизни и обосновывает *еще один* досократический фрагмент: «*les Dieux sont du champ du réel*».

Квентин Мейясу, читающий два фрагмента из «Что такое философия?» Делёза и Гваттари, усиливает искусственный момент «изоляции», отталкиваясь от воображаемой ситуации, состоящей в решении «читать Делёза как досократика, от которого до нас дошли лишь редкие фрагменты его работ»³. В этой ситуации фрагменты текста перестают быть *объектом*, но становятся *инструментом* разъяснения, приобретая, впрочем, свойство сокрытости и незаметности, характерной для работы любого инструмента. С этим инструментом Мейясу подступает к «Материи и Памяти» Анри Бергсона — тексту, который в принятой воображаемой ситуации дошел до нас целиком и в отношении которого инструмент разъяснения настроен наиболее точно. Описанная процедура досократической фрагментации, изоляции и инструментализации позволяет, как надеется Мейясу, выявить в философии Делёза то, что сопротивляется интерпретации, а также высветить то, что принадлежит скрытой структуре самой Идеи⁴. Независимо от того, удастся или нет Мейясу миновать опасные повороты своего метода (эти опасности он хорошо создает), несмотря на результаты его применения, сам метод и связанные с ним ставки сохраняют свою привлекательность.

² Лакан Ж. Семинары. Кн. 11. Четыре основные понятия психоанализа. М., 2004. С. 52.

³ Мейясу К. Вычитание и сокращение: Делёз, Имманенция, и Материя и Память / пер. с англ. А. Понятова. Б.м., 2013. С. 2.

⁴ Там же. С. 6.

Итак, досократическое фрагментирование Лаканом корпуса текстов Фрейда предполагает обнаружение в нем точки вхождения в глубину — без видимого разрыва связей со всем остальным корпусом. Аналогичный же метод Мейясу искусственно нарушает единство связей с целью выявления «бес-связного» (противящегося интерпретации) и использования его в качестве инструмента высвечивания — опять же — глубинной, скрытой (бессвязной) связности Идеи.

Нам кажется, что именно этот способ досократического чтения применим к чтению «фрагментов космистов» — и особенно так называемых анархо-биокосмистов. Почему «фрагментов»? Как выявить эти досократические фрагменты? Что в данном случае означает фрагментарность? Ответ на эти вопросы позволит более тонко настроить избранный метод. В случае «космизма вообще» попытка ответить на них увела бы нас в сторону, столкнула лбами с «ортодоксальными космистами» и потребовала долгих объяснений. Поэтому сразу обратимся к анархистам-биокосмистам, то есть, собственно, к *фрагменту* «космизма вообще». В этом поле вопрос о выборе «досократических фрагментов» с «богатым содержанием» должен быть предварен ответом на первый вопрос — почему мы вообще говорим о фрагментах? Почему не исследовать сначала всей совокупности текстов биокосмистов? Дело в том, что сам способ существования текстов анархо-биокосмистов можно было бы назвать «бытием-во-фрагментах». Тому есть минимум две причины. Об одной мы узнаем из самих фрагментов. Уже в первом номере журнала «Биокосмист» поэт В. Анист писал: «О биокосмизме следует говорить или очень кратко, заметкой, или писать библию»⁵. Библии биокосмизма не существует, все что есть — это фрагменты, заметки — или, точнее, то, что, используя терминологию Жюль Делёза, можно было бы назвать «криками»⁶. Эти биокосмические крики не

⁵ Анист В. Движения биокосмизма // Биокосмист № 1. Креаторий Российских и Московских Анархистов-биокосмистов. М., 1922. С. 6.

⁶ «Некоторым образом, философ — это не тот, кто поет, а тот, кто кричит.

образуют целостного текста, не составляют спокойной объясняющей речи, они бессвязны, но сама эта бессвязная, грубая крикливость вызывает к некоему особому способу прочтения, который мы здесь стремимся настроить и рискуем испытать. Есть и иная причина непреодолимой фрагментарности текстов анархистов-биокосмистов, более глубокая и обремененная большими сложностями чтения. Шаг в сторону. Философский проект Мартина Хайдеггера включает в себя обманчивый «дар облегчения», связанный с тем, что нам предлагается способ чтения досократиков как тех, кто заложил основы западного мышления. Это успокаивает: разворачивающееся между данием слова бытию и упреждающим забвением бытия «западное мышление», во всяком случае, налицо: хотя бы во взрыве атомной бомбы, о которой со смесью облегчения и ужаса можно теперь сказать, что она «взорвалась уже в поэме Парменида»⁷. Хайдеггер и атомная бомба принесли облегчение академической философии: теперь понятно, что о досократиках можно говорить как о создателях фундамента западного мышления, как о тех, благодаря кому мы мыслим⁸, испытывая удовольствие понимания в перевернутом изучении истории западной философии — от конца к началу. Западное мышление обнаруживает свой исток во фрагментах досократиков, встраивает их в общий исторический пазл — и тем самым лишает фрагментарности, успокаиваясь в созерцании целой картины. Этот, сегодня уже отмеченный прекраснотушием, прием невозможно, однако, применить к *фрагментам космистов*, так как бомба, заложенная в этих криках, не только *еще не* взорвалась, но и ее часовой механизм переустановил сами отношения между «еще не» и «уже». Здесь мы далеки от поверхностной

Всякий раз, когда у вас возникает потребность кричать, я считаю, что вы недалеки от своего рода зова философии» (см.: Делёз Ж. Лекции о Лейбнице. 1980, 1986/87. М., 2015. С. 17).

⁷ Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М., 1991. С. 148.

⁸ Например: Бофре Ж. Гераклит и Парменид // Бофре Ж. Диалог с Хайдеггером. СПб., 2007. С. 57.

проективной мысли, согласно которой фрагменты космистов должны быть не просто поняты или реконструированы, но воплощены в жизнь и сконструированы. Проблема заключается в том, что здесь перед нами крики, не ставшие концептами, личиночные крики, которым нельзя верить, так как они не избрали собственного органического и технического продолжения и актуализации. Это крики в виртуальном, это крики проблематизации. Один из этих криков — иммортализм! — бессмертие! — высвечивает проблему, взрывает ее, но не дает ей решения. В «Различии и повторении» Делёз пишет о том, что эмбрион как личинка субъекта в своих скольжениях, скручиваниях и сгибах открыт к переживанию нежизненного, того, что разорвало бы взрослого на части⁹. Анархо-биокосмисты скручивают и гибнут взрослого, требуя от него переживания имманентного бессмертного. Неудивительно, что в итоге перед нами части разорванного на куски организма, фрагменты, которые не сшиваются вместе, но лишь расплываются. Бессмертие затребовано, но нет существа, которое могло бы его пережить. Осложним проблему применения метода, вообразив ситуацию, в которой перед нами не просто новые фрагменты досократиков, но в которой эти досократики еще и — марсиане, фрагменты речи которых — это то, что мы лишь по привычке считаем речью, в действительности же они — насекомые, органы или детали марсианских машин. То есть, говоря о личинках-концептах, даже о личинках-криках, мы подразумеваем, что с ними не стыкуется, их не продолжает *ни один* из существующих (земных, «локалистских») концептов. Так проблема чтения фрагментов анархистов-биокосмистов будет достаточно усложнена.

Как выявить досократические фрагменты-крики, предполагающие такое усложненное чтение? Несмотря на «кричащий» характер криков, выявить их в качестве таковых нелегко — ведь их невозможно локализовать. Они будут смещаться, прыгать, сжиматься и раздуваться, начинаться в одном тексте

⁹ Делёз Ж. Различие и повторение. СПб., 1998. С. 151, 263—264.

и заканчиваться в другом, они будут ржать и кукарекать. Для того чтобы выявить их в качестве «богатых содержанием», эти крики-фрагменты нужно отличать не от внешнего или внутреннего заглушающего шума (который в действительности является неотъемлемой от них средой существования), но, напротив, именно от осмысленной, благоразумной речи, которая может пробиваться и в самих безумных декларациях анархо-биокосмистов, вызывая перечисленные выше трансформации. Итак, мы не выявляем членораздельность за вычетом хаотического шума, но прислушиваемся к неотъемлемой от шума бессвязной связности анархо-биокосмического крика.

Наконец, в чем значение этой фрагментарности? Зачем мы берем на себя это проблематическое бремя и шаг за шагом усложняем разрешение от него? Можно было бы уклончиво ответить, что так мы надеемся продвинуть вперед философскую теорию, развить методологию, пролить свет на находящиеся в тени страницы истории русской философии и т.п. В действительности же, располагаясь в этой фрагментарности, нам хотелось бы ответить на вопросы: что такое революция? — в том смысле, который имел в виду Делёз, определявший революцию как «трансцендентный объект способности общительности»¹⁰, — что такое революция как прыжок и как производство, как генезис? Как революция затрагивает и переопределяет космос (и наоборот)? Что такое космическая техника? Что такое индивид и коллектив? Что такое власть? Наконец, как выглядит и звучит взрыв заложенной в космизме бомбы? Эти вопросы тоже сродни крику. Поэтому главный вопрос — музыкальный: в какой музыке наши собственные крики и крики анархо-биокосмистов могут звучать вместе?

Мы будем стараться делать серьезный вид, мы будем делать много ссылок — несмотря на то, что ссылки на тексты анархо-биокосмистов сродни набрасыванию лассо на молнию или несущийся космический корабль.

¹⁰ Делёз Ж. Различие и повторение. СПб., 1998. С. 269.

2. Разрывы.

Три различительных линии прочерчивают анархо-биокосмисты для самоопределения; анархо-биокосмизм не есть: анархизм («доктрина отцов»), космизм и не есть программа Советского государства. Это не отрицание, но то, что в одном из фрагментов названо «избытком»: *«Нужен избыток силы радостной, играющей, ликующей. Тут хмурые физиономии бессильны, не нужны. Тут серьезные и только серьезные лбы недостаточны. Тут нужны всплеск, порыв, радужные брызги, наличность какой-то особой беззаботности, свободной отданности. Все это только в избытке силы»*¹¹. Рифмуется с Ницше, звучит в такт танцу Заратустры — но и эта ритмика слишком тесна для анархо-биокосмиста:

*«Нет ему
Ни Заратустры до
Ни Дзета до —
Стать ему биокосмистом»*¹²

Этот избыток произрастает из Революции: уже в феврале 1917 года Александр Святогор пишет своего *«Петуха Революции»*, а затем приветствует Октябрь и видит в нем *«великий биокосмический смысл»*¹³. До Революции Александр Святогор (будучи, кстати говоря, семинаристом) увлекся анархизмом и стал бойцом анархии, участвуя в экспроприациях квартир после Февральской революции, затем в качестве командующего одного из отрядов Черной гвардии — принимая участие

¹¹ Александр Святогор. Радость играющего зверя // Биокосмист № 2. Креаторий Российских и Московских Анархистов-биокосмистов. М., 1922. С. 2.

¹² Александр Святогор. Времени до // Биокосмист № 3—4. Креаторий Российских и Московских Анархистов-биокосмистов. М., 1922. С. 26.

¹³ Агиенко А. Из нашей летописи // Биокосмист № 1. Креаторий Российских и Московских Анархистов-биокосмистов. М., 1922. С. 2—3.

в событиях Октября. После 1917 года он постепенно отходит от «исторического анархизма», от «доктрины отцов», от «старого анархизма» и через публикации в газете «Анархия», одним из авторов которой был Казимир Малевич, объявивший на ее страницах «все вещи несостоятельными»¹⁴, и позже, находясь в числе анархо-универсалистов, движется в направлении «смелой и здоровой мысли» биокосмизма как нового анархизма. Вероятно, им движет биокосмический избыток революции — но что это такое? Это и телеология дали, на пути к которой биокосмистов, как «*первых вестников и бойцов, б. м. ждет гибель*»¹⁵, и то, что должно быть организовано «*теперь же*»¹⁶; это и безвластие и диктатура, это и техника и животное, а точнее — то, что сверкает в промежутках¹⁷: крики, прыжки, междометия — умножающиеся на бесконечность, образующие ряд. В первую очередь — ряд разрывов.

Анархо-биокосмисты отрываются от всего предшествующего анархизма — как от скомпрометировавших себя теории и практики, которые не вмещают революционного прыжка. Поспешным является утверждение, что биокосмисты критикуют анархизм, считая, что «для того, чтобы обеспечить право каждой личности на бессмертие и свободу передвижения в космосе, необходима централизованная власть»¹⁸. Разрыв пролегает не в вопросе о средствах, но в вопросе о самой цели, точнее, о том, может ли «старый анархизм» *вместить*

¹⁴ Малевич К. Ответ // Анархия. 28 марта 1918 г. № 29. С. 4.

¹⁵ Александр Святогор. Наши утверждения // Биокосмист № 1. Креаторий Российских и Московских Анархистов-биокосмистов. М., 1922. С. 5.

¹⁶ Там же. С. 4.

¹⁷ «Наш интериндивидуализм должен бы называться интеринтернизмом, в котором есть различие между между, различие в повторении между. Здесь, в этой промежути бьется биокосмическое сердце! Здесь, в этой промежути, наши слова черпают краски и разрумяниваются!» (Александр Святогор. Биокосмический интериндивидуализм // Биокосмизм (Материалы № 3). М., 1922. С. 4).

¹⁸ Гройс Б. Русский космизм: биополитика бессмертия / Русский космизм. М., 2015. С. 21.

цели биокосмизма. Мы еще не можем расшифровать те досократические слова-личинки, которыми анархо-биокосмисты обозначают свои цели, мы пока еще не знаем, что такое *иммортализм* и *интерпланетаризм*, но сами эти слова выкрикиваются так, что они не помещаются в «доктрине отцов», неизбежно взрывают ее. Ударная волна распространяется вокруг центра взрыва, вокруг понятия «личности»: *«В старом анархизме проблема личности не была должным образом поставлена <...> Личность бралась в ее статике, в узко очерченном круге от рождения до смерти, но не в ее динамике, не в росте творческих сил <...> смерть утверждалась абсолютно <...> Личность бралась вне ее глубочайшей жажды бессмертия»*¹⁹. Но, так как скорость распространения ударной волны превышает скорость звука, звук слов и их значение запаздывают: *динамика, рост творческих сил, жажда бессмертия* — что эти слова значат до кристаллизации, в метастабильном состоянии крика? «Личность», охваченная «жаждой бессмертия» вне абсолютного утверждения смерти, — это незаконченная личиночная цельность; иммортализм, инстинкт бессмертия — это то, что растягивает ее и скручивает, распыляет и собирает в самых различных личинах²⁰: человеческих (у каждого анархо-биокосмиста по несколько масок-имен), звериных (псы, насекомые, ящерицы, кони, петухи), технических и божественных. «Личность» — это мигрирующее связывающее различие. В отличие от того, что сегодня ретроспективно извлекается из космизма под видом научного иммортализма, в котором понятие личности принимается как нечто самотождественное и неизменное (буржуазное, собственническое), иммортализм анархо-биокосмистов — это условие переопределения

¹⁹ Александр Святогор. «Доктрина отцов» и анархизм-биокосмизм // Биокосмист № 3—4. Креаторий Российских и Московских Анархистов-биокосмистов. М., 1922. С. 14.

²⁰ «...нас интересуют личины <...> нас привлекают <...> оборотни <...> маскарад» (Александр Святогор. Биокосмическая поэтика // Русский космизм. М., 2015. С. 164).

и переизобретения «личности». К этому вопросу мы еще вернемся. Пока двинемся ко второму разрыву.

Анархо-биокосмисты отвергают свою связь с космизмом Н.Ф. Федорова, в котором, по их выкрикам, основополагающими являются элементы рабства. И дело не столько в оправдании Н.Ф. Федоровым царизма, крепостного права (которое, по его мысли, не нужно было отменять, но в нем необходимо было лишь преобразовать *службу* в *служение*²¹), сколько в рабстве у законов природы и общества, которые анархо-биокосмисты намерены изменить и которые уже начала менять Революция. Действительное рабство обозначено у Н.Ф. Федорова словом «долг», идею которого нужно «глубоко, твердо усвоить» и очиститься от которого можно «только через великий, тяжелый, продолжительный труд»²². У Н.Ф. Федорова воскрешение отцов (сыновний долг) становится «тяглом», которое скрепляет братство тех, кто занят «общим делом»²³. Выплата этого естественного долга требует, по Н.Ф. Федорову, двоякого объединения: внешнего, осуществляющегося через самодержавие, и внутреннего — через православие. Только выплата этого долга дает сынам, задолжавшим отцам, бессмертие²⁴. Порывая с философией общего дела (общего долга), биокосмисты во всей полноте оправдывают свою анархическую приставку. Действительно, в большинстве своем последователи Н.Ф. Федорова, если и отвергали монархию и средневековые формы угнетения и эксплуатации, оставались этатистами, считая что «общее дело» — это не что иное, как сверхгосударство, космическое государство. Инстинкт же бессмертия анархо-биокосмистов — это именно анархический принцип, он поднимается снизу

²¹ Федоров Н.Ф. Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т.е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства // Федоров Н.Ф. Сочинения. М., 1982. С. 305.

²² Там же. С. 192.

²³ Там же. С. 162.

²⁴ Федоров Н.Ф. Супраморализм, или Всеобщий синтез (т.е. всеобщее объединение) // Федоров Н.Ф. Сочинения. М., 1982. С. 476.

вверх, скорее из мира насекомых и техники, чем из самодержавных предписаний отцов. Воскрешение переподчиняется инстинкту бессмертия и ставится на третье место после иммортализма и интерпланетаризма. Если воскрешение отцов — это элемент экономики долга, тягло «восполнения нехватки», то иммортализм — это экономика кражи и дара, а инстинкт бессмертия — это чистое беззаконие.

Наконец, анархо-биокосмисты отличают себя от Советского государства. В целом то, как анархо-биокосмисты пользуются словосочетанием «Советское государство», основано на недоразумении: ничего «государственного» для них в этом словосочетании нет. «Советы» они понимают как орган революционной борьбы: против старого мира и — с природой. Кстати сказать, еще в 1918 году А.А. Богданов писал, что понимание Советов как органов революционной борьбы, как учреждения революционно-правового противоположно пониманию их как учреждения государственно-правового²⁵. Анархо-биокосмисты солидаризируются не с государством, но с революционной борьбой, которая в их текстах сразу приобретает фантастический размах «ломки привычек языка, выхода из данного языка»²⁶, выходящий за границы государственного строительства.

Анархо-биокосмисты порывают с «локализмом», с фиксированной размещенностью в пространстве и времени, и учреждают радикальное кочевничество. Это кочевничество чрезвычайно своеобразно, оно разворачивается в различных плоскостях, и ему мы еще уделим внимание. Пока укажем общее двойное имя для этого кочевничества — борьба и творчество. Борьба с любой формой укорененности, с любой формой уместности, с любой фиксированной непроцессуальной формой; творчество как заикания и крики, как кукареканье и ржание — и протягивание синтаксических рядов, *забота о связи*.

²⁵ Богданов А.А. Вопросы социализма: Работы разных лет. М., 1990. С. 344.

²⁶ Александр Святогор. Три штиля // Биокосмист № 3—4. Креаторий Российских и Московских Анархистов-биокосмистов. М., 1922. С. 24.

3. Междометия и ряды.

«Кроме того мы беременны новыми словами. Так, мы предчувствуем междометие встающего из гроба человека. Нас ждут миллионы междометий на Марсе и на других планетах <...> из биокосмических междометий <...> родится биокосмический язык, общий всей земле, всему космосу»²⁷. Эти крики и сопровождающие их в качестве иллюстраций «алаповатые стихи» (которые сами биокосмисты называли «художественными организмами») вызывали у современников желание отправить биокосмистов продолжить свои выступления в лечебнице для душевнобольных. Вероятно, «современники» были правы, и среди шизофреников биокосмисты нашли бы более внимательного и благодарного слушателя.

Анархо-биокосмисты, которые были последовательными раскольниками, стремясь быть больше анархистами чем сами анархисты, больше космистами чем сами космисты и больше большевиками чем сами большевики, не успев оформить сколько-нибудь мощного направления в искусстве, философии или политике, стали меньшим: рассыпались на различные направления (главные из которых — это, собственно, анархисты-биокосмисты и биокосмисты-иммортиалисты), а внутри этих направлений каждый биокосмический индивид быстро стал рассыпаться на личины, псевдонимы, плевки, выкрики и междометия «художественных организмов».

Перед тем как окунуться в поэтику анархо-биокосмистов, приведем пример «художественного организма», который звучит, как жужжащий рой насекомых, а выглядит — что приводит в недоумение — как странная упреждающая иллюстрация к некоторым фрагментам «Различия и повторения» или «Алфавита» Жюль Делёза — тем местам, где упоминается «le précurseur sombre», «темный предшественник». Итак:

²⁷ Александр Святогор. Биокосмическая поэтика // Русский космизм. М., 2015. С. 164.

Времени до.

Дзет некто —
Стать ему биокосмистом —
В лет 20
Оцеживал крик Петуха.
Прежде ступить чем
Эту на стезю —
Должное на расстояние
То отшвырнуть
Душой исжито что
Хламу что.
Дырявую точно калошу
Уже заплат для непригодную
Ненужную
Хотяб что лето
Сухая и погода —
Чрево Дзет в помойное
Швырнул Заратустру.
Это сверхчеловек
Случае сорт даже в лучшем
Только второй.
Оно времени до приятная
Игрушка только
Ударами обруч управляемый палки.

Июнь расмяк
Собаке пластом подобно.
Нет ему
Ни Заратустры до
Ни Дзета до —
Стать ему биокосмистом. —
Шутка ведь не
В уже цвести закончено
Вгнетать материю
Солнце на

Колос в ржи каждый.
Пот хвостом слегка
Мух и отмахивал
Назойливых и
Более
Сверхчеловеки чем вместе²⁸.

«Как раз *вовремя!*» — Делёз говорит о «темном предшественнике» на последней букве «Алфавита», на Z, *Дзет*. Предваряя, Клер Парне шутит, что зигзаг Z встречается в именах *Заратустры*, *НиЗше*, БергZона и ДелеZа... ДелеZ смеется, говоря: «Z как движение, муха (он чертит в воздухе траекторию движения мухи — Z) — это, возможно, элементарное движение, которое главенствовало при сотворении мира».

Итак, Z, поэтика анархо-биокосмистов. Художественный организм «Времени до», напечатанный в № 3—4 журнала «Биокосмист» (лето 1922 года) — с оцепятками, которых не замечаешь, так как весь текст выглядит как чудовищная белиберда и Запутанность ZИгзагов-кРИков, — удивительным образом приводится в качестве примера «телеологического реализма»²⁹. Почему эта запутанность — реализм? Биокосмический реализм отвергает идеализм образа и символа, постулируя простое тождество: вещь есть вещь; однако телеологизм, утверждающий «динамику жизни»³⁰, взламывает это тождество еще до того, как оно установлено: вещь не есть вещь, вещь есть становление. Вещь не является собой, пока не отличается от себя: биокосмический петух отличается от своего крика, но крик себя от петуха не отличает — так же Делёз описывает «темного предшественника»: «Вещь, которая отличается, но при этом то, от чего она отличается, не отличается от нее»³¹.

²⁸ Александр Святогор. Три штиля // Биокосмист № 3—4. Креаторий Российских и Московских Анархистов-биокосмистов. М., 1922. С. 25—26.

²⁹ Там же. С. 22.

³⁰ Там же. С. 23.

³¹ Делёз Ж. Различие и повторение. СПб., 1998. С. 45.

Биокосмизм начинается с этого крика петуха, с междометия, и реализм становится более странным. На дне вещи обнаруживается промежуток, молния, от которых вещь отличается, но сами они от вещи не отличаются. Александр Святогор в этом контексте говорит о «*краснощечких словах*»³² и о «*творческом воскрешении слов, точнее: творческом омоложении слов без всякой мистики, строго реалистическом*» и об «*иммортализме в языке*»³³. Иммуортиалистская краснощечность появляется в слове тогда, когда оно дестабилизировано («*Мы враги всякой данной стабилизации в языке*»³⁴) и процессуализировано — тогда, когда на дне слова обнаруживается что-то помимо стабильной кристаллической структуры — сама позитивность крика, того, что Аристотель называет в «Политике» животным голосом.

Итак, первый поэтический шаг — взлом стабилизаций в языке, или «*разрешение биокосмического в пределах данного языка*»³⁵. Междометие как инстинкт бессмертия и воскрешение слова — не через восстановление его первичного смысла, но через операцию «*ловкого подбора префиксов и суффиксов*». Следующий шаг: анархо-биокосмисты требуют изобретения «*десятков и сотен наклонений*», «*наклонения космоса и наклонения бессмертия*»³⁶, то есть высвобождения модальностей языка, и тем самым учреждают модулятор этих процессов: ряд.

«*Ряд же есть начало космоса*»³⁷. Если для Н.Ф. Федорова космическая жизнь начинается с прямохождения, то есть

³² Александр Святогор. Биокосмическая поэтика // Русский космизм. М., 2015. С. 164.

³³ Александр Святогор. Три штиля // Биокосмист № 3—4. Креаторий Российских и Московских Анархистов-биокосмистов. М., 1922. С. 24.

³⁴ Александр Святогор. Биокосмическая поэтика // Русский космизм. М., 2015. С. 165.

³⁵ Там же. С. 167.

³⁶ Там же. С. 164.

³⁷ Александр Святогор. Биокосмическая поэтика // Русский космизм. М., 2015. С. 164.

с физического учреждения вертикальности, то для анархо-биокосмистов космос начинается с «горизонтально-ползучего» (а по существу — взрывного, расходящегося сразу во все стороны) микрокосмизма сцепления криков-междометий. Биокосмизм — это анархическая социальность, возникающая до появления не только прямохождения, но и организма, это *«интерпланетаризм»*, который одновременно и шире интернационализма, так как он макрокосмически адресуется, например, марсианским формам жизни, и глубже его, так как он микрокосмически воспринимает земные формы жизни как, например, марсианские. Подобный, но, конечно, более сдержанно-человечный, коллективистский мотив мы находим у Александра Богданова, который определял микрокосмизм, бытие-микрокосмом как «общение с другими существами»³⁸, вместе с тем подчеркивая, что политическая цель коллективиста заключается в том, чтобы сделать основное содержание опыта всех живых существ общим, в достижении полного взаимного понимания людей³⁹. Вспомним, к слову, что обитателей Марса Богданов также включал в понятие «люди». В этом состоит смысл того, что Богданов называет «собираанием человека». И вот он, трансцендентальный объект общительности как смысл революции.

Третий шаг: ряды связываются в организм. Очертания этого существа, способного пережить бессмертие, сугубо апофатичны. Это обратная апофатика, зовущая, скорее, не к возвышению над тварным миром, но к «сошествию во ад» твари, зверья, насекомых — не вочеловечивание, но, скорее, расчеловечивание: *«Бог, воплотившийся в зверя, выше бога вочеловечившегося»*⁴⁰, — говорит богослов и один из будущих организаторов Свободной Трудовой Церкви Александр Святогор. «Художественный

³⁸ Богданов А.А. Новый мир // Богданов А.А. Вопросы социализма: работы разных лет. М., 1990. С. 30.

³⁹ Там же. С. 43.

⁴⁰ Александр Святогор. Биокосмическая поэтика // Русский космизм. М., 2015. С. 166

организм» — это организм, взломанный инстинктом бессмертия, от которого сам организм отличается (он смертен), но инстинкт бессмертия себя от организма отличать отказывается, вынуждая его «в лет 20 оцеживать крик Петуха» и «*быть биокосмистом*». Дно смертного организма — инстинкт бессмертия. Взлом организма как самоощущения вещи делает биокосмизм разновидностью биохакинга: в иммортализме организм не сохраняется в качестве индивида, но взламывается через обнаружение на самом его дне инстинкта бессмертия, который в то же самое время — инстинкт коллектива, забота о связи как о сложном повторении — образование ряда как междометия-крика, помноженного на бесконечность. *«Биокосмизм вообще утверждает крайнюю индивидуализацию и в то же время максимальную социальность. <...> Первое и второе одновременны, органически едины, одно из другого вытекают, одно другим утверждаются. Но это особая, биокосмическая индивидуализация и социальность <...>»*⁴¹.

Впрочем, спохватимся: мы все это время находимся в поле лингвистической программы анархо-биокосмистов — их поэтики, — при чтении всего изложенного выше необходимо помнить, что речь идет о некоей странной лингвистической идее. Здесь большим соблазном было бы прочитать эту программу как попытку просто изобрести новый стиль письма, новую поэзию. Однако биокосмисты с порога отвергают возможность такого прочтения, настаивая на отказе от созерцательной/описательной эстетики регистрации, от производства бледных образов и поиска символов потустороннего. Называя себя креаторами, они выкрикивают: *«Мы творим не образы, но организмы»*. Неужели они серьезно? Не безумие ли это? *«Но мы оптимисты, а не безумцы. Безумны те, кто хочет сделать людей свободными и превосходными вне биокосмизма»*⁴².

⁴¹ Александр Святогор. Три штиля // Биокосмист № 3—4. Креаторий Российских и Московских Анархистов-биокосмистов. М., 1922. С. 23.

⁴² Александр Святогор. Биокосмическая поэтика // Русский космизм. М., 2015. С. 162.

Серьезность биокосмистов заключена в постулируемой ими необходимости перевода *поэтики в генетику* (понимаемую как производство живых организмов) — подобные соображения высказывал в своей книге «Овладение временем», которая вышла чуть позже публикации лингвистических идей биокосмистов, В.Н. Муравьев⁴³. Но как можно перевести поэтику в генетику? В каком смысле «художественный организм» — организм, а не образ и не символ? Иначе говоря, насколько этот организм материален? Он материален ровно настолько, насколько материально тело биокосмиста (эту материальность биокосмист постоянно подчеркивает). Рискнем уподобить физический организм биокосмиста машине — это будет не что иное, как hardware, железо художественного организма, который, в свою очередь, играет роль software, программного обеспечения. Художественный организм будет кодом, который должен сначала работать как malware, вирус, внедряющийся в код других программ, установленных на телесной машине биокосмиста (их много: мещанский партикуляризм, эсеровщина, мистика, локализм, индивидуализм, национализм, капитализм), создающий собственные копии и распыляющий эти споры по создаваемым им самим каналам связи, осуществляя тем самым *«ломку привычек языка, выход из данного языка»*⁴⁴, и в конечном счете дестабилизирующий *«равновесие натурального порядка»*. Затем (а точнее — времени до) запускается программа иммортализма, устанавливаются интерпланетарные соединения и пишется новый код: *«предчувствуемый, отчасти уже творимый штиль, как междометие (в широком смысле) бессмертных соратников в космосе и вступающих из могил»*⁴⁵.

⁴³ Муравьев В. Овладение временем как основная задача организации труда. М., 1924. С. 111, 205.

⁴⁴ Александр Святогор. Три штиля // Биокосмист № 3—4. Креаторий Российских и Московских Анархистов-биокосмистов. М., 1922. С. 24.

⁴⁵ Там же.

Итак, междометие и ряд — иммортализм и интерпланетаризм — оба оказываются проистекающими из одного источника, имя которого анархо-биокосмистами не разглашается. Междометие всегда включено в ряд; конкретный, живой, реалистический ряд состоит из междометий. Но за всем этим маячит неименуемая темная плоть предшественника.

Необходимо различать (сами биокосмисты этого не делали) взламывающий крик и междометие, входящее в ряд. Первый — практически неуловим, так как к слову (или тому, что Аристотель называет речью) он не имеет никакого отношения. Если обратиться к образу молнии у Делёза, молнии, вспышке которой предшествует темнота предшественника, то темный предшественник (ступенчатый лидер) неизбежно должен быть дополнен рядом предшественников предшественника: в современной физике это «пробой на убегающих электронах» и стример, который представляет собой нелокализуемый пробой между областями грозового облака⁴⁶. Этот темный предшественник темного предшественника и может быть прочитан как взламывающий крик. Он лишь косвенно проявляется в том, что анархо-биокосмисты ищут создать в языке: в марсианских междометиях и междометиях встающего из гроба. Под этими масками выступает то, что оживляет язык: инстинкт бессмертия. Слово — слишком локалистское образование, слишком стабильное — у него есть национальность и правила употребления, «*т.е. примат домашнего очага, родного города, родной нации и государства, своей расы*»⁴⁷; биокосмисты требуют анархии чистого шума, в котором появляется пробой междометия — этого темного предшественника слова как элементарного ряда.

Анархо-биокосмическая «троица»: 1) взлом стабилизации, предшественник предшественника; 2) междометие (марси-

⁴⁶ См.: Гуревич А.В., Зыбин К.П. Пробой на убегающих электронах и электрические разряды во время грозы // Успехи физических наук. 2001. Том 171, № 11. С. 1177—1199.

⁴⁷ Александр Святогор. Наши утверждения // Биокосмист № 1. Креаторий Российских и Московских Анархистов-биокосмистов. М., 1922. С. 4.

анское или встающего из гроба), входящее в ряд, предшественник; 3) организм, молния. Нелокализуемый пробой / темная ломанная линия / пылающая плоскость. Предшественник предшественника взламывает стабилизации в языке (т.е. существующие линии и плоскости). Почему эти стабилизации заслуживают взлома? Потому, что они — вариации локализма, фиксации в пространстве (стабильность последнего и делает возможным их существование). Анархо-биокосмизм не стремится заменить один локализм другим локализмом — это не просто крик наподобие сегодняшнего призыва к колонизации Марса, это крик, отменяющий локализацию как таковую, крик, провозглашающий падение *«диктатуры пространства»* и интерпланетаризм (бессмертных).

4. Мутуализм и микрокосмизм.

Говоря о коллективизме анархо-биокосмистов, нам хотелось бы начать с пришивания биокосмического фрагмента к двум кускам других текстов — и постановки странного вопроса.

Первый фрагмент:

«...для объяснения его [нравственного чувства у людей, а также политического] нужно вернуться к природе: к животным, к растениям, к скалам» (Петр Кропоткин, «Нравственные начала анархизма», 1906 г.).

Шов.

Второй фрагмент:

«Первое, что меня поразило в природе Марса и с чем всего труднее было освоиться, — это красный цвет растений. <...> Заботливый Нэтти предлагал мне носить предохранительные очки, чтобы избавиться от непривычного раздражения глаз. Я отказался.

— Это цвет нашего социалистического знамени, — сказал я. — Должен же я освоиться с вашей социалистической природой.

— Если так, то надо признать, что и в земной флоре есть социализм, но в скрытом виде, — заметил Мэнни» (Александр Богданов, «Красная звезда», 1908 г.).

Шов.

Третий фрагмент:

«Нужно ощутить в себе зверя, взыграть и возликовать. Нужно учиться абсолютному нюху у пса, инстинкту у насекомых, хозяйственному добродушию у медведя, гедонизму у ящерицы, победе над темными силами у петуха. Но это особый зверь. Глубоко этический <...> зверь <...> который обращается к массам, к человечеству» (Александр Святогор, «Радость играющего зверя», 1922 г.).

Шов.

По швам пробегает вопрос: есть ли политическое в «дочеловеческой» природе? Откуда вырастает справедливость? Есть ли политическое в скалах, растениях, в мире насекомых или птиц?

Отвечая на этот вопрос, мы сразу спотыкаемся о старое противопоставление человека и животного в «Политике» Аристотеля: «Один только человек из всех живых существ одарен речью. Голос указывает на печаль и радость, поэтому он свойствен и остальным живым существам <...> Но речь способна выявить и то, что полезно и что вредно и, следовательно, то, что справедливо и несправедливо. Это свойство людей отличает их от остальных живых существ: только человек способен к восприятию таких вещей, как добро и зло, справедливость и несправедливость. А совокупность всего этого и создает основу семьи и государства» (I, 10). Не будем вдаваться в подробности этого живучего противопоставления, развитие которого приводит Аристотеля к утверждению о существовании рабов по природе, уже не соответствующих определению человека как «ζῷον πολιτικόν», а также к наброску рассуждения (II, 4) о возможности замены рабов роботами (техническими рабами), при которой в их созерцательном существовании «господам не нужны были бы рабы» (вопрос о напрашивающейся утилизации ставших ненужными рабов по природе у Аристотеля остается

открытым, хотя и в целом предрешенным). Концептуальная рамка аристотелевского противопоставления состоит в том, что целое должно предшествовать частям (I, 11).

Метаморфозы аристотелевского политического противопоставления причудливы. В своей невероятно скучной книге «Динамика слизи» Бен Вударт предлагает нам своеобразный негатив аристотелевской мысли — «темный витализм», который также лишает ползучую жизнь политического измерения, оставляя в ней лишь силы распада: «Земля погибнет и, скорее всего, мы погибнем вместе с ней, а если нет, то в конце концов погибнем вместе с Вселенной»⁴⁸. Новый коперниканский переворот, проходящий под знаком восклицания «больше нигилизма!»⁴⁹, тем не менее не удастся — не только потому, что желание Вударта пугать своего читателя цитатами из Лавкрафта, которые появляются почти на каждой странице, быстро утомляет, но и потому, что наиболее затемненным местом темного витализма оказывается пустующее место аристотелевского господина, который, казалось бы, пронизан, заражен и растворен бурлящим вокруг него океаном ползучей жизни, но, с другой стороны, продолжает присутствовать в виде рассеянной и рассеивающей власти непреодолимого распада и партикуляции. На этом темном месте обнаруживается сущее, которое одно может в данном контексте испытывать ужас — это индивид(уалист), страшющийся деиндивидуации в становлении, форма жизни, застывшая в упоительном созерцательном испуге перед действительной динамикой слизи. Это созерцание (хоррор-корреляционизм) является точной, но инвертированной копией созерцательной жизни аристотелевского господина, которая уже не предполагает созерцания Блага, но, сохраняя саму форму созерцания, с ужасом смотрит на его отсутствие. Как же выбраться из логики этого противопоставления и начать говорить о политиках вне человеческого?

⁴⁸ Вударт Б. Динамика слизи. Зарождение, мутация и ползучесть жизни. Пермь: Гиле Пресс, 2016. С. 29.

⁴⁹ Там же. С. 48.

Ясно, что после того как шимпанзе стали говорить на вполне человеческом амслене, различие Аристотеля сохранило силу только в головах тех, кто отказывался признавать происходящее. Однако главным эффектом экспериментов по обучению приматов человеческому языку стало их очеловечивание и сохранение империализма человеческого. Говорящее шимпанзе — это заранее обреченное на провал становление человеком, становление неполноценным человеком (инвалидом), становление (в лучшем случае) рабом по природе, который в условиях, когда экономически рабство уже не столь актуально, представляет собой попросту домашнее животное. Нужно спускаться ниже, идти дальше «говорящих мартышек» — туда, где биокосмизм размещает анархическое расчеловечивание — «бестиализм»:

«Утверждая игру и смех, мы уподобляемся ликующему зверю. Это совершенная правда! Мы даже хорошо не знаем, что прежде зверость или биокосмизм. Вернее — это один упруго смотанный клубок. <...> Это оборотство, чтобы обрести свободу. Это зоркость благородного хищника. Это быстрота птицы, переходящая в быстроту космического мотора. Вот почему мы провозглашаем звериность, бестиализм»⁵⁰.

В вопросе о политическом в дочеловеческой природе бестиализм биокосмистов не идет, однако, дальше принципа взаимопомощи, который подробно рассматривает в своих работах Петр Кропоткин, помимо прочего влача за собой рудименты ницшевской эстетики «благородного хищника». Однако крикливость биокосмистов позволяет оттенить то обстоятельство, что принцип взаимопомощи остается у Кропоткина по преимуществу внутривидовым, тогда как биология уже давно рассматривает его как трансвидовой принцип, принцип, который подрывает единство вида изнутри, показывая, что не только любой коллектив, но и любой организм — это мутуалистическое множество, зараженное становлениями. Нам нужен

⁵⁰ Александр Святогор. Радость играющего зверя // Биокосмист № 2. Крестаторий Российских и Московских Анархистов-биокосмистов. М., 1922. С. 2.

термин более радикальный, чем деиндивидуация, термин, который схватывал бы не просто прорыв индивидуальной формы, но прорыв формы вида. Оборотство анархо-биокосмистов должно быть прочитано именно с этой точки зрения: речь в нем идет не о взаимопомощи между индивидами одного вида, но о становлении безвидным и о протягивании биокосмических рядов поверх всякого видового локализма. (При этом *«быстрота птицы, переходящая в быстроту космического мотора»* размывает также и границу между живым и техническим⁵¹). Биокосмический связывающий ряд должен быть *«наиболее творческим [трансвидовым] взаимоотношением»*, которое биокосмисты называют сорабничеством — его они противопоставляют федоровскому братству: *«В братстве отношения даются наперед, предрешены природно, потому здесь нет творчества. В сорабничестве ничто не дано, но достигается, создается. Братство — консервативный, нетворческий, изживаемый принцип. В нашем боевом напоре в бессмертие и космос мы утверждаем не братство, но сорабничество»*⁵². И в другом месте: *«нужно, чтоб дело стало общим. Нам не нужны зрители и клакеры. Нам нужны соучастники, сотрудники, сорабники. Не подозрительное братство, но деловое сорабничество. Только такое творчество проникнет все проявления жизни»*⁵³. Становление-безвидным, спуск, бестиализм — проникновение во все проявления жизни, трансвидовое сорабничество, мутуализм.

Современная биология, зоология, ботаника, экология рисуют перед нами пеструю картину мутуалистической жизни: грибы и водоросли в лишайниках, рыба-клоун и актиния, муравьи и акации, муравьи и тля, бактерии

⁵¹ См.: *«техника — это тоже жизнь»* (Александр Святогор. Биокосмический интериндивидуализм // Биокосмизм (Материалы № 3). М., 1922. С. 3).

⁵² Александр Святогор. «Доктрина отцов» и анархизм-биокосмизм // Биокосмист № 3—4. Креаторий Российских и Московских Анархистов-биокосмистов. М., 1922. С. 18.

⁵³ Александр Святогор. Радость играющего зверя // Биокосмист № 2. Креаторий Российских и Московских Анархистов-биокосмистов. М., 1922. С. 2.

в рубце у млекопитающих; одновидовой, двухвидовой, трехвидовой мутуализм... Вероятно, Петр Кропоткин и биокосмисты обрадовались бы обнаружению такой мутуалистической «экоморфы» как мусетозоа, слизевики: представители этой «формы жизни» проходят жизненный цикл, вмещающий фазы, характерные для животных и для грибов — и такие, которые не встречаются ни у первых, ни у вторых: одноклеточный и одноклеточный организм, освободившись от споровой оболочки ведет образ жизни, характерный для простейших животных, но затем одноклеточные особи либо разрастаются, либо группируются, образуя надклеточные агрегаты, неизвестные у других живых организмов. Во время образования споровместилищ эти надклеточные агрегаты становятся собственно «грибовидной формой жизни», для образования которой требуется благородная жертва одних — во имя дальнейшей рассеиваемой и собираемой снова жизни других. Эта ползучая жизнь не только обладает благородством и храбростью, она — несмотря на отсутствие каких бы то ни было намеков на нервную систему — еще и невероятно умна. И речь не только о способности слизевиков к решению сложных топологических задач и склонности к математическим вычислениям, но и о способности управлять техникой (*«быстрота птицы, переходящая в быстроту космического мотора»*). Слизевики-анархисты, слизевики-биокосмисты... оборотство, упруго смотанный клубок трансвидовой (безвидной) жизни.

В связи с вопросом о нечеловеческой политике интересна критика биокосмистами учения Анри Бергсона. Контуры этой критики весьма расплывчаты — как контуры расплывающегося плазмодия слизевика:

*«...Что Бергсон? У него слепые глаза —
Не философ, а просто ерундит.
Я говорю: учитесь у пса,
Вот первейший и великий интуит.
Только ему развязан мешок
Незримо кругом наследивших тайн.*

*Берите у Пса бесплатный урок,
Став на четвереньки, изрыгайте лай»⁵⁴.*

«Творческая эволюция» Анри Бергсона, переведенная на русский в 1914 году, находилась, благодаря ее популяризации Иваном Книжником-Ветровым, в центре дискуссий анархистов 1910-х годов⁵⁵. Сам Книжник-Ветров считал, что «социальная революция <...> может быть теоретически основана только на базе бергсоновской философии»⁵⁶. Почему же анархо-биокосмисты именуют Бергсона «ерундитом со слепыми глазами» — и именно в политическом контексте бестиализма и оборотства? Помимо того, что Бергсон приписывает человеку привилегированное положение среди живых существ⁵⁷ (с чем никак не могли бы согласиться анархо-биокосмисты), в одном месте «Творческой эволюции» он сравнивает функции нервной системы с функциями государства⁵⁸, невольно спрашивая себя, не является ли нервная система «подлинным господином, которому служит тело»⁵⁹. Если нервная система — это государство тела, то анархо-соматический антитезис должен состоять в утверждении возможности «отказа от нервной системы» и построения тел и телесных встреч по ту ее сторону. Анархо-биокосмисты не идут в своем оборотническом спуске так далеко, но указанное ими направление вставания на четвереньки и дальнейшего бестиального распластывания заводят нас именно сюда — и мы попадаем если не в глупую, то, во всяком случае, в странную ситуацию вопроса: как возможно анархическое тело? Ответ на этот вопрос могут подсказать

⁵⁴ Александр Святогор. Биокосмическая поэтика // Русский космизм. М., 2015. С. 166.

⁵⁵ См.: Нэттеркотт Ф. Философская встреча: Бергсон в России. М., 2008. С. 194—200.

⁵⁶ Там же. С. 197.

⁵⁷ Бергсон А. Творческая эволюция. М.: Академический проект, 2015. С. 135.

⁵⁸ Там же. С. 93.

⁵⁹ Там же. С. 94.

слизевики с их трансвидовой коллективной телесностью — в совокупности с идеей жизненного порыва слепоглазого Бергсона. Одно из направлений исследований жизненного мира слизевиков, именуемое *Physarum Machines Studies*, рассматривает движущийся плазмодий *Physarum polycephalum* как безнейронную сенсорную систему, примитивную *res cogitans*, мыслящую вещь, способную на решение весьма сложных топологических и комбинаторных задач (наиболее известный пример — воспроизведение карты токийской железной дороги). Два примера *Physarum*-машин: физарум-чип, представляющий собой гибридную систему, соединяющую в едином устройстве свойства живой материи и техники — помещенный в шестиногой автомат, этот чип управляет его поведением, делая его способным реагировать на свет или на наличие в воздухе химических примесей — фактически это технический объект, «управляемый» слизевиком; и амебоид — технический объект, смоделированный по образцу слизевика, — один из амебоидов, *Slimy*, представляет собой полимерный баллон, имитирующий плазмодий слизевика, окруженный модулями контроля трения, связанными пружинами с датчиками усилия и линейными электроприводами. В *Slimy* реализовано полностью децентрализованное управление через связь осцилляторов и рассеянный сенсорный механизм обратной связи⁶⁰. Хорошие примеры анархо-биокосмических безнейронных тел.

Если взглянуть на эти тела с точки зрения анархо-биокосмического слепоглазого [т.е. безнейронного] Бергсона, то в них могут быть акцентированы некоторые идеи «Творческой эволюции». Когда Бергсон пишет об изначальной гармонии, заключающей в исходном порыве единство жизни, он располагает ее именно на уровне взрывной *слизи*, колеблющейся между растительной формой и формой животного — там, где располагаются даже вероятные случаи сознания

⁶⁰ О многообразии физарум-машин см.: *Advances in Physarum Machines. Sensing and Computing with Slime Mould*. Adamatzky, Andrew (Ed.). Springer International Publishing, Switzerland, 2016.

у растений⁶¹. Эту слизь ведет вперед серия взрывов-изобретений, которые осуществляются сначала «наудачу», но потом приобретают организованный характер и направления, отмеченные цепочками нервных элементов⁶². Взрывы жизненного порыва, который Бергсон, кстати говоря, сравнивает с ракетой⁶³, ведут к дивергенции растения и животного, животного и человека. Далее, несмотря на привилегии человеческого рода, разблокирующего потоки жизни, Бергсон сетует на преобладание у человека интеллекта, блокирующего интуицию, остающуюся на стороне инстинкта, который мог бы стать бескорыстным⁶⁴. Бергсон пишет о возможных альтернативах земной эволюции, иных мирах, «иных эволюциях», в которых на первый план выходила бы интуиция⁶⁵, они могли бы иметь место на других планетах. Так же как биокосмисты, Бергсон сосредоточен на междометиях (том, что располагается в промежутках между структурами), микрокосмических ракетах и инстинкте (в том числе инстинкте бессмертия). В этом общем для анархо-биокосмистов и Бергсона контуре можно сформулировать гипотезу, согласно которой *Physarum Machines* действительно представляют собой возможность альтернативного (безгосударственного — и интуитивного) развития жизни, техники и сознания. В поисках «иных эволюций» мы можем двинуться в двух направлениях: макрокосмическом и микрокосмическом. Первый бессмыслен без второго, интерпланетаризм бессмыслен без иммортализма — так как без инстинкта бессмертия, обнаруживающего ракету на дне смертного организма, он стал бы простой космической экспансией земной формы жизни. Интерпланетаризм необходимо понять в той же логике междометия, т.е. как микрокосмизм, обнаруживающий «иные эволюции» в междометиях земной жизни.

⁶¹ Бергсон А. Творческая эволюция. М.: Академический проект, 2015. С. 80, 86.

⁶² Там же. С. 92.

⁶³ Там же. С. 189.

⁶⁴ Там же. С. 131.

⁶⁵ Там же. С. 193.

В этой связи можно говорить о мутуалистическом микрокосмизме, который бы предполагал становление безвидным и трансвидовой номадизм. В нашей локалистской индивидуалистической культуре такие трансвидовые мутуалистические кочевья мы обнаруживаем разве что в некоторых произведениях жанра боди-хоррор — да и то в виде, превратно подсвеченном хоррор-корреляционизмом. Идея *плавления* тела — это один из привычных мотивов боди-хоррора⁶⁶. «Расплавленный» (*The Incredible Melting Man*, реж. William Sachs, 1977) связывает эту тему с космическими полетами: астронавт Стив Вест подвергается во время космической экспедиции странному воздействию, которое расплавляет его мозг и превращает тело в ходячую плавящуюся массу, весь фильм кочующую в окрестностях медицинского центра для космонавтов, откуда она «сбежала». В этой студенистой массе запечатлен и повторяется глитчующий образ, который Вест наблюдал перед «странным воздействием»: солнце, увиденное через кольца Сатурна. Этот безнейронный слизевик, передвигаясь, постоянно «смотрит» на звезды и грезит о нездешних коллективах (оставляя за собой, согласно законам жанра, множество человеческих трупов — люди не могут составить ему компанию, за исключением одного из них, врача Тэда Нельсона, которому Вест спасает жизнь — незадолго до того, как целиком обратиться в слизь и быть выброшенным в мусорный бак). Трагическое биокосмическое плавление, становление-безвидным и (безнадежный в условиях капитализма) поиск встречи.

Впрочем, необязательно заходить так далеко и говорить об анархических телах без нервной системы. Нейроны невинны. Кроме того, вспомним: сам Бергсон считал, что нервная

⁶⁶ Делёз и Гваттари также, ставя вопрос об ансамбле всех тел без органов (в том числе и без нервных систем), говорят о проблеме «множественности плавления» (*la multiplicité de fusion*), образованный через плавления и слияния ансамбль всех ТбО — это «странное единство, говорящее только о множественном». См.: Делёз Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. М.: Астрель, 2010. С. 255, 263.

система — это не столько государственность тела, сколько способ, которым жизнь *вгнетает* в материю неопределенность⁶⁷. Они становятся соучастниками угнетения тогда, когда начинают служить исключительно организму, расставаясь с неопределенностью взрыва наугад, расставаясь с возможностью внедрить неопределенность в сам организм. Думается, смутная идея бестиализма и оборотства анархо-биокосмистов есть не что иное, как очерчивание перспективы такого нейронного творческого взрыва наугад, который ведет к инстинктам насекомых, к зверю, который обращается к массам. Когда Александр Святогор пишет, что *«Поэт-биокосмист <...> должен разворотить тупые мозги, чтобы посеять в них зерна биокосмизма»*, — и восклицает — *«Ему ли быть спокойным и бродить с закрытыми глазами [через несколько строк появится «Бергсон со слепыми глазами»], когда даже пятки его должны быть вооружены телескопами!»*⁶⁸, до нас доносится именно это: взрыв наугад и освобождение нейронов от диктата организма (в том числе и через связь с техникой): *«даже внутренние органы выпрыгивают из биокосмических тел, и обретают свободу индивидуализации! Органов всегда больше чем тел, и тело не единственно-возможная организация органов»*⁶⁹.

Сегодня, после того как Делёз и Гваттари объявили мозг популяцией, совокупностью племен⁷⁰, а современная биология обнаружила в сообществах бактерий коммуникацию посредством ионных каналов, аналогичную той, что имеет место между нейронами⁷¹, как бы подтверждая мысль тех же Делёза и Гваттари

⁶⁷ Бергсон А. Творческая эволюция. М.: Академический проект, 2015. С. 96.

⁶⁸ Александр Святогор. Биокосмическая поэтика // Русский космизм. М., 2015. С. 165.

⁶⁹ Александр Святогор. Биокосмический интериндивидуализм // Биокосмизм (Материалы № 3). М., 1922. С. 3.

⁷⁰ Делёз Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. М.: Астрель, 2010. С. 107.

⁷¹ Arthur Prindle, Jintao Liu, Munehiro Asally, San Ly, Jordi Garcia-Ojalvo & Gürol M. Süel. Ion channels enable electrical communication in bacterial communities // Nature. № 527, (05 November 2015). P. 59—63.

о внешней церебрально-нервной среде, которая «конституирует дочеловеческий бульон, в котором мы плаваем»⁷², сегодня мысль анархо-биокосмистов ждет радикального продолжения.

Здесь же, если прекратить этот бестиализм и вернуться к серьезному тону, следует сказать об уроке, который дают нам анархо-биокосмисты и слизевики. Это урок мутуализма (микрокосмического иммортализма и интерпланетаризма), состоящего не во взаимопомощи внутри мессианского вида, но — в безвидности и протягивании трансвидовых мутуалистических рядов. Если действительно возможен рай, в котором агнец ложится подле льва, то этот рай, в котором между львом и агнцем протянут мутуалистический ряд, — это рай, сотканный из мутуалистических рядов.

5. Техника.

Вопрос о технике у анархо-биокосмистов отмечен недоговоренностью — даже в своей вопросительной форме. По сути это только вопросительный знак, поставленный в небольшой статье А. Агиенко «К вопросу о космической технике» — две работы, которые должны были продолжить движение в этом направлении («О ветряном двигателе Сенатова» П. Иваницкого и «Создание нового спутника земли» А. Святогора), так и не увидели свет. В текстах Святогора встречаются очень странные места, касающиеся техники, например: *«Вот если бы на фабрике мы произносили свои стихеты машинам и станкам, и те засмеялись — вот это была бы новость. Мы поем смеющиеся машины! Биокосмист прыгает и крутится со смеющимися машинами! Биокосмист и есть смеющаяся машина!»* или: *«Даже техника у нас румяная. Только румяная техника соединяет жизнь с космосом, планету — с планетой»*⁷³. Однако даже странный изгиб

⁷² Делёз Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. М.: Астрель, 2010. С. 107.

⁷³ Александр Святогор. Биокосмический интериндивидуализм // Биокосмизм (Материалы № 3). М., 1922. С. 4.

этого вопросительного знака прочерчивает интереснейшую траекторию; по существу, он пролетает не между техникой и природой, не между технэ и фюсисом, но между техникой и техникой: между космической техникой и техникой земной, локалистской (мещанской, буржуазной). Иначе говоря, нельзя спросить, какова сущность техники, так как никакой сущности техники не существует. На подобное намекал в дискуссии с Наомом Хомски, ведя речь о природе человека, Мишель Фуко: «Мао Цзэдун говорил о буржуазной человеческой природе и о пролетарской человеческой природе и полагал, что это отнюдь не одно и то же». Мы не можем говорить о буржуазной технике и о революционной технике в одном и том же смысле, *это отнюдь не одно и то же*.

«Новая космическая техника знаменует собою не только наступление новой экономической эпохи. Она необходимо сливается с размахом и задачами Всемирной революции, углубляя и расширяя размах этот и задачи. В то же время она должна произвести коренной сдвиг и революцию в области духа»⁷⁴.

Новая космическая техника — это не очередной этап развития старой буржуазной техники, это не простая экспроприация старой техники и ее переподчинение, это техника, которая *«должна расширять наше сознание, социализировать его биокосмически, будить мысль и волю к победе над космосом и смертью»⁷⁵*. Иначе говоря, биокосмическая техника — техника, которая несет революцию в себе и которая в качестве техники не может быть использована «старым миром», слабое подобие чего мы могли бы увидеть в «неспособности» дикаря пользоваться компьютером или космическим кораблем. Отдельный вопрос: является революция залогом сдвига в мире технического, или, напротив, революция — это эффект технического генезиса? Что такое революция машин?

⁷⁴ Агиенко А. К вопросу о космической технике // Биокосмист № 2. Креаторий Российских и Московских Анархистов-биокосмистов. М., 1922. С. 7.

⁷⁵ Там же.

На поверхности все довольно просто: говоря о космической технике, А. Агиенко говорит об использовании *ветра*, которое известно с давних времен, что и позволяет анархо-биокосмисту свидетельствовать о «космичности первобытной техники»⁷⁶. Но в чем революционный смысл ветра? Ветер нельзя локализовать, он нарушает границы, он не может быть частной собственностью. Если помножить означавшее «ветер» на межпланетную среду, мы получим истечение и движение мегаионизированных частиц, известное как солнечный/звездный ветер — процесс, тесно связанный со звездной эволюцией, с жизнью космоса. Говоря обобщенно, нелокалистская биокосмическая техника — это техника потоков.

Вспомним определение машины, данное римским архитектором Витрувием в самом начале последней из «Десяти книг об архитектуре»: «*Machina est continens e materia coniunctio maximas ad onerum motus habens virtutes*» («машина есть непрерывное соединение материальных частей, обладающее максимальной мощностью для передвижения тяжестей»). Геральд Рауниг подчеркивает два момента этого определения: непрерывность и неразрывность соединения (частей, которые ранее не были друг у друга во власти) и движения. Машина движется (и движет) анархически, соединяя в себе детали по ту сторону государственного аппарата и независимо от естественного сопряжения, от естественного социального закона тела. «Сообщение “машины” с ее сингулярными “компонентами” <...> обеспечивается простым сцеплением единиц, их глубинным полифоническим созвучием, негармоничной “композицией без композитора”»⁷⁷. Машинное соединение ничем и никем не гарантировано — ни природой или склонностями (частей), ни господином (который в своем собственном качестве должен был бы стоять над частями и гарантировать их соединение), а ее движение пересекает ограничения государственных

⁷⁶ Агиенко А. К вопросу о космической технике // Биокосмист № 2. Креаторий Российских и Московских Анархистов-биокосмистов. М., 1922. С. 7.

⁷⁷ Рауниг Г. Абстрактные машины // Логос. 2010. № 1 (74). С. 208.

законов (действительно, если машины и могут быть использованы государством, то работают они не по законам государства) и, следовательно, пределы государственных границ. Всякое машинное соединение есть проблеск анархии; машина не может стоять над машиной, машины могут лишь горизонтально стыковаться друг с другом. Если вернуться к контексту космической техники, то, заметим, Рауниг упускает одно из важных для нас уточнений машинного генезиса, ведь Витрувий пишет: «Всякий же механизм порождается природой (*natura procreata*)». Это может быть истолковано двояко. 1) Сама природа в действительности анархична, коль скоро ею порождается соединение и движение того, что по природе не предполагает соединения и движения (и не контролируется природой). Природа сама нарушает свои законы, сами эти законы есть законы порождения механизмов собственной отмены. 2) Логика машинного соединения, коль скоро «природа вещей» есть не что иное, как образец для создания машины (именно так считает Витрувий), должна быть перенесена на саму природу, которая тем самым объявляется машиной. Тогда окажется, что никаких законов и обязательств, гарантирующих (любое) соединение, попросту «не существует в природе»⁷⁸. Классифицируя различные типы машин, Витрувий указывает еще одну важную деталь: «Одни из них действуют *μηχανικῶς* другие — *ὀργανικῶς*. Машины и орудия различаются тем, что машины для выполнения работы требуют большего числа рабочих или применения большей силы... Орудия же выполняют задание умелой рукой одного человека». Это динамически подтверждает оба наших истолкования природного происхождения машин: природные соединения (естественные

⁷⁸ Удивительно, но Святогор предлагает учиться социальности именно у машин, обращая внимание на эту свободу соединения: «*Машины кое-что понимают в социальности, в связи — они учреждают свободу соединения и разъединения. И мы учимся этой социальности у машин*» (Александр Святогор. Биокосмический интериндивидуализм // Биокосмизм (Материалы № 3). М., 1922. С. 3).

законы), даже если они существуют, отменяют себя в машине, так как последняя организует вокруг себя коллектив, который становится не чем иным, как подключенным к машине агрегатом, соединение элементов которого такое же «беззаконное», как и соединение деталей машины.

Вернемся к биокосмистам. Странная техника, о которой они говорят, анархическая техника потоков ставит перед нами вопрос: есть ли возможность перехода «*быстроты птицы в быстроту космического мотора*» до, поверх и после человеческого? Анархо-биокосмическая постановка вопроса о технике требует утвердительного ответа на этот вопрос — по аналогии с кропоткинским истолкованием произрастания этики и политики из дочеловеческого принципа взаимопомощи. Возможность утвердительного ответа на этот вопрос может быть выведена из некоторого кривочтения третьей части «О способе существования технических объектов» Жильбера Симондона — из толкования «первичного магического единства» как отношения жизненной связи не между человеком и миром (как о том говорит Симондон), но между *животным* и миром. Действительно, несмотря на то, что Симондон постоянно подчеркивает, что магический способ связи и соответствующие ему *различные* фигуры и фона и *ретикюляция* пространства и времени — это способ связи человека и мира, можно заметить, что человек, о котором здесь идет речь, неотличим от животного, о чем часто проговаривается сам Симондон, указывая на простое «отношение живого к своей среде»⁷⁹. Продолжая анархическое кривочтение магической фазы жизни (не) по Симондону, мы получим животную колыбель техничности (и религии) и сможем сформулировать гипотезу, согласно которой человек не предшествует техническому изобретению, но появляется только вместе с техникой. Тогда вопрос об отчуждении техники меняет свой смысл: противопоставление человека и машины, вопреки Симондону, оказывается уместным, но ровно настолько,

⁷⁹ Симондон Ж. Суть техничности / пер. Д. Скопин // Синий диван. Вып. 18. М.: «Три квадрата», 2013. С. 106.

насколько человеческое мыслится как мажоритарный эталон. Симондон пишет, что человеческая реальность, заключенная в машине, отчуждаема, потому что отделяема сама машина⁸⁰. Но если человеческое действительно конституировано отделением технического, то сама отделяемость машины будет находиться на стороне дочеловеческого: не человек изобретает машину, но сам появляется из отделения техники от животного — в промежутке между ними. Иными словами, в отчуждении технического объекта отчуждается не «реальность, богатая человеческими усилиями» (таковой является, скорее, сама реальность отчуждения), но техника как реальность отделяемости. Смысл преодоления отчуждения технического объекта в таком случае также сместится. Согласно Симондону, разотчуждение и прекращение эксплуатации технического объекта означает разотчуждение самого человеческого, сопоставимое с отменой рабства: здесь сохраняется утилитарный смысл использования техники для решения человеком его собственных проблем — человек, освобождая технику, возвращается к самому себе и освобождается сам. Наша гипотеза предполагает иное: освобождая технику, человек освобождается от самого себя — и для открытия возможности существования трансвидовых технико-биокосмических коллективов.

Идеальный — и наиболее безумный — технический объект как космизма в целом, так и по преимуществу анархо-биокосмистов с их идеей борьбы с локализмом — это сама Земля как технический объект, Земля-космический корабль как отделение Земли от самой себя, как чистое смещение-в-неимение-места, Земля как интерпланетарный поток. Когда Андрей Платонов пишет в «Ремонте земли», что земля, то есть «весь мир с пашнями, цветами, людьми, реками, облаками» — это «та же машина»⁸¹, он остается на позиции оседлости и локализма,

⁸⁰ Симондон Ж. О способе существования технических объектов. Сокращенный перевод заключения / пер. М. Куртов // Транслит #9. СПб., 2011. С. 99.

⁸¹ Платонов А.П. Ремонт земли // Платонов А.П. Возвращение. М., 1989. С. 10—11.

и предлагаемый им ремонт — не что иное, как постоянное залатывание отделяемости Земли от самой себя, то есть отчуждение ее как технического объекта. Интерпланетарный же технический смысл Земли, изобретаемый анархо-биокосмизмом, будет заключаться в превращении ее в сорвавшийся с орбиты космический корабль, который следует не в направлении иных планет в поисках новых зон оседлости (тогда это был бы инопланетаризм), но всегда находится в промежутке между «стабилизациями в космосе», представляет собой воплощенное биокосмическое междометие: *«Румяная техника соединяет жизнь с космосом, планету — с планетой»*⁸².

6. Революция.

Итак, перед нами фрагменты: окаменелости взрывов наугад, кристаллы слов, имен, организмов, пыль жужжащих насекомых и нейронов, следы кочующих трансвидовых коллективов, застывшие крики, детали машин. Их нужно было не собрать и проанализировать, но расплавить и обратить в междометия и эксплозивную слизь. Только так можно было искать встречи.

Состоялась ли она?

Сейчас перед нами больше вопросов, чем ответов. Что же значит быть анархо-биокосмистом? Сегодня, возможно, это означает отказ от криков и переход к созданию теории. Нам нужна теория биокосмических междометий, плавления, мутуалистических рядов, нам нужна теория революционной техники, нам нужна теория технического мутуализма. Нам нужны анархо-биокосмические языки программирования, поэт-биокосмист сегодня — это, возможно, анархо-биопрограммист. Нам необходимо понять, что смерть — это мещанство, что законы природы придуманы буржуазией, что природный

⁸² Александр Святогор. Биокосмический интериндивидуализм // Биокосмизм (Материалы № 3). М., 1922. С. 4.

Фрагменты анархо-биокосмистов

социализм — это природное беззаконие, природная анархия, революция, растущая из самой материи. Что Земля — это технический объект. И т.д.

Нам нужно хоть немного подплавиться вопросом: что такое анархо-биокосмическая революция?

август, 2017 (год Огненного Петуха)

Евгений Кучинов

common place
издательская инициатива/
волонтерский DIY-проект

Наши книги всегда можно купить в независимых магазинах
«Фаланстер», «Все свободны», «Смена», «Факел», «Подписные
издания», «Порядок слов», «Бакен», «Пиотровский», «Кирпич»

Больше информации о проекте на сайте common.place

(В Я Т Ѡ Г О Р

Поэтика
Биокосмизм
(А)теология

Составление, подготовка текста, примечания — Евгений Кучинов
Выпускающий редактор — Екатерина Гончаренко
Редактор — Мария Глушкова
Оформление — Евгения Ставицкая
Иллюстрация на обложке — Иван Спицын

Подписано в печать 07.11.2017
Формат 130х200
Заказ № 161
Тираж 500 экз

Издательская инициатива «Common place»
commonplace1959@gmail.com